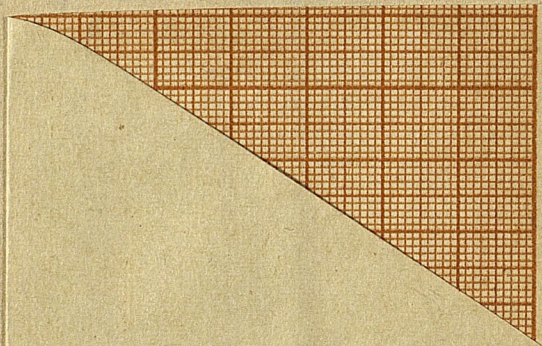
A 231/1307

A 231/1307



№ 7307

К. М. Станюковичъ.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

Изданіе А. А. Карцева.

Румянцовский музей

МОСКВА.
Типо-литогр. Г. И. Простакова, Петровка, д. № 17, Савостьяновой.
1896.

83

2007067263

I.

Мрачный осенній петербургскій день съ пронизывающимъ до костей холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ близился къ концу. Отливая отъ центральныхъ частей города, пѣшеходы, угрюмые и голодные, торопились по домамъ.

Въ это время къ углу Невскаго и Лиговки приковылялъ, имѣя на плечахъ ларекъ, маленькій мальчуганъ въ большомъ измызганномъ картузѣ, нахлобученномъ на уши.

Окинувъ быстрымъ и зоркимъ взглядомъ мѣстность и, главнымъ образомъ, мѣстопребываніе „фараона“, то есть, городового, маленькій человѣкъ опустилъ ларекъ у тротуара въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Невскаго и сталъ выкрикивать звучнымъ тоненькимъ голоскомъ въ упоръ проходящимъ по Лиговкѣ:—Спички да хорошія! Бумаги и конвертовъ! Не пожелаете ли, господинъ?

Засунувъ закраснѣвшіяся отъ холода руки въ карманы, мальчикъ то и дѣло подпрыгивалъ и ежился, такъ какъ костюмъ его былъ далеко не по сезону. Довольно жидкое порыжѣлое пальто неопре-

дѣленнаго цвѣта, сидѣвшее мѣшкомъ и, очевидно, сшитое на человѣка болѣе зрѣлаго возраста, и тонкія лѣтнія панталоны соотвѣтствовали скорѣй итальянскому климату, чѣмъ этой подлой, „собачьей“ петербургской погодѣ. Высокіе намокшіе сапоги, тоже предназначавшіеся, повидимому, на болѣе крупныя ноги, требовали по меньшей мѣрѣ основательной починки. Едва ли не самою лучшей частью костюма былъ вязаный шарфъ, обмотанный вокругъ шеи и скрывавшій отъ нескромныхъ глазъ рваную ситцевую рубаху и нѣчто въ родѣ жилета.

— Купите, господинъ! Поддержите коммерцію!

Голосъ мальчугана выкрикивалъ все лѣнивѣе и безнадежнѣе. Казалось, онъ и самъ понималъ, что ни одинъ изъ этихъ торопившихся прохожихъ въ такую погоду не остановится, чтобы поддержать отечественную коммерцію. И если онъ все еще предлагалъ и спички, и бумагу, и конверты, то болѣе для очистки своей торговой совѣсти и, главное, изъ страха имѣть недоразумѣнія съ однимъ человѣкомъ, котораго онъ называлъ „дяденькой“, не чувствуя, впрочемъ, къ нему никакихъ родственныхъ чувствъ.

Мальчикъ не ошибался въ своихъ предположеніяхъ. Дѣйствительно, ни одна душа не откликалась на его призывъ. Всякій спѣшилъ въ теплую квартиру, думая объ обѣдѣ, а не о письменныхъ принадлежностяхъ. Никто даже и не взглянулъ на этого вздрагивающаго мальчугана въ уродливомъ картузѣ и не слыхалъ тоскливой нотки, звучавшей въ этихъ назойливыхъ предложеніяхъ поддержать коммерцію.

Но вдругъ въ глазахъ мальчика блеснула надежда.

Онъ увидалъ солиднаго плотнаго господина въ отличномъ тепломъ пальто и съ цилиндромъ на головѣ, подъ руку съ молодой и хорошенькой барыней. Не смотря на отвратительную погоду, господинъ велъ свою даму не спѣша и, наклонивъ къ ней голову, о чемъ-то говорилъ ей съ самымъ умильнымъ выраженіемъ на своемъ полноватомъ и не особенно моложавомъ лицѣ.

Опытъ не долгой, но уже богатой уличными наблюденіями жизни маленькаго человѣка привелъ уже давно его къ выводу, что господинъ, гуляющій подъ руку съ молоденькой барыней и разговаривающій съ ней, черезчуръ близко наклонившись къ ея уху,— несравненно отзывчивѣе и добрѣе и охотнѣе поддерживаетъ коммерцію, чѣмъ господинъ, идущій одиноко или съ дамой некрасивой или преклоннаго возраста.

Всѣ эти соображенія заставили мальчика предположить, что письменныя принадлежности крайне необходимы господину, и онъ, еще не зная, что нѣтъ правилъ безъ исключеній, торопливо вынулъ изъ ларька пачку бумаги и конвертовъ, подбѣжалъ къ проходившей парѣ и крикнулъ, протягивая пачку:

— Милый баринъ! Купите у бѣднаго мальчика! Поддержите коммерцію.

Молодая женщина вздрогнула отъ этого неожиданнаго окрика, а господинъ гнѣвно произнесъ, хватая за руку мальчика:

— Ты какъ смѣешь приставать, негодяй, а? Вотъ я сейчасъ кликну городового!

Мальчуганъ рванулся изъ рукъ господина и побѣжалъ къ ларьку, испуганный и нѣсколько изумленный такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла. Онъ

успокоился только тогда, когда господинъ съ дамой продолжали свой путь и скрылись, послѣ чего не отказалъ себѣ въ маленькомъ удовольствіи—погрозить имъ вслѣдъ кулакомъ и затѣмъ пустить въ догонку:

— Тоже... городовой!.. Сволочь!

Прошло еще минутъ десять. Мальчику становилось очень зябко, и онъ собирался, было, сняться съ мѣста и закончить на сегодняшній день торговлю, какъ вниманіе его привлекла дама въ глубокомъ траурѣ, шедшая, опустивъ голову.

Обязательно слѣдовало сдѣлать еще попытку. Видъ этой барыни подавалъ нѣкоторую надежду.

И онъ проговорилъ самымъ трогательнымъ голоскомъ, владѣть которымъ пріучила его недавняя профессія нищенки:

— Милая барыня! Купите бумаги... Дешево отдамъ... Пятачекъ двѣ тетрадки!

Барыня подняла голову и взглянула на мальчика. Его блѣдное, посинѣвшее отъ холода лицо, худое, съ тонкими, красивыми чертами и съ бойкими, бѣгающими, какъ у мышенка, карими глазами, тотчасъ приняло притворно-жалобное выраженіе.

— Купите, милая барыня...

Тѣнь грусти омрачило лицо дамы въ траурѣ, точно при видѣ этого худенькаго, болѣзненнаго мальчугана она вспомнила кого-то...

Она остановилась, торопливо вынула портмоне и протянула мальчику двугривенный.

— Пятнадцать копѣекъ сдачи... Извольте получить бумагу... Бумага первый сортъ! — говорилъ мальчикъ значительно повеселѣвшимъ и уже дѣло-

вымъ тономъ человѣка, совершившаго выгодное дѣльце.

— Сдачи не надо и бумагу себѣ оставь, мальчикъ,—промолвила дама.

— Не надо?—изумился мальчикъ.

И, зажавъ въ кулачкѣ монетку, онъ горячо и торопливо проговорилъ:

— Дай вамъ Богъ здоровья, милая барыня!

— А ты, мальчикъ, шелъ бы домой... Холодно.

— И то зябко... Сейчасъ иду...

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Пятнадцатый...

— Пятнадцатый годъ, и такой маленькій? А какъ зовутъ?

— Антошкой...

— Ты у кого живешь?

— У дяденьки...

— Ты, Антоша, приходи ко мнѣ какъ-нибудь... Я тебѣ дамъ платья...

И дама въ траурѣ сказала свой адресъ и фамилію, ласково кивнула головой и ушла.

Антошка нѣсколько мгновеній стоялъ съ разинутымъ ртомъ. Житейскій опытъ не очень-то баловалъ его людскимъ сочувствіемъ и не располагалъ къ оптимизму. И обѣщаніе платья и, главное, такая щедрая подачка, признаться, значительно удивили его.

Прежде, еще недавно, когда онъ „работалъ“ на петербургскихъ улицахъ въ качествѣ „бѣднаго сиротки“, гонявшагося за прохожими съ жалобными причитаніями дать копѣечку и затѣмъ въ роли мальчика, которому не хватаетъ двугривеннаго на покупку билета до Твери или до Пскова (смотря по

вокзалу, у котораго Антошка стоялъ) или въ роли только что выписавшагося изъ больницы,—случалось, хотя рѣдко, что ему и попадали двугривенные отъ сердобольныхъ людей, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ ходить съ ларькомъ и продавать спички, бумагу и конверты, ни одна душа не принимала въ соображеніе его собственныхъ нуждъ, и каждый старался купить и спички, и бумагу дешевле, чѣмъ гдѣ бы то ни было, точно считая, что дать мальчику съ ларькомъ лишнюю копѣйку значитъ—потакать грабежу.

Вѣроятно, подобными житейскими наблюденіями слѣдовало объяснить и то, что въ сердце Антошки, послѣ первыхъ мгновеній радости, закралось вдругъ подозрѣніе на счетъ доброкачественности двугривеннаго.

И онъ съ серьезнымъ дѣловымъ видомъ опытнаго человѣка, умѣющаго отличить олово отъ серебра, взялъ монетку въ зубы и нѣсколько разъ куснулъ ее. Испытаніе на мелкихъ острыхъ зубахъ и затѣмъ металлическій ея звонъ на камнѣ мостовой убѣдили мальчика, что монетка не фальшивая. Тогда онъ съ удовлетвореннымъ и довольнымъ видомъ опустилъ ее не въ кожанный кошель, въ которомъ хранилась выручка сегодняшняго дня, а въ карманъ штановъ, рѣшивъ, что, по всей справедливости, о которой онъ имѣлъ понятіе, двугривенный принадлежитъ ему одному, и что, слѣдовательно, отдавать его „этому дьяволу“, какъ онъ мысленно называлъ „дяденьку“, было бы величайшею глупостью.

Вслѣдъ затѣмъ онъ досталъ карандашъ и свою записную книжку, служившую ему въ то же время

и учебной тетрадью, въ которой онъ списывалъ, учась самоучкой, названія вывѣсокъ, прежде того, какъ могъ уже списать фамилію спичечнаго и бумажнаго фабрикантовъ, издѣліями которыхъ торговалъ,—и не безъ нѣкотораго напряженія и большихъ гримасъ вывелъ каракулями, смутно напоминавшими печатныя буквы: „Гаспажа Скварцова, Сергифская, № 15“.

Ларекъ тщательно былъ накрытъ клеенкой. Оставалось вскинуть его на плечи и итти на Пески, на постылую квартиру „дяденьки“, предварительно умненько распорядившись съ двугривеннымъ, какъ надъ самымъ его ухомъ раздался чей-то сиплый и пріятный басокъ:

— Здравствуй, Антошка!

Антошка радостно и весело улыбнулся, увидѣвъ передъ собой довольно странную фигуру пожилого человѣка, съ испитымъ и изможденнымъ лицомъ, сохранявшимъ, не смотря на рѣзкія морщины и припухлость вѣкъ, еще остатки выдающейся красоты,—съ большой и сильно засѣдѣвшей черной бородой, тщательно расчесанной, и съ глубоко сидящими въ темныхъ впадинахъ черными глазами, глядѣвшими съ выраженіемъ угрюмой, спокойной и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то презрительной грусти, какое бываетъ у опустившихся, когда-то знавшихъ лучшія времена людей. Въ этихъ глазахъ свѣтилось теперь что-то безконечно ласковое.

Одѣтъ этотъ господинъ былъ въ невозможно ветхое и совсѣмъ лоснившееся пальто, но, видимо, съ претензіей на аккуратность и нѣкоторое щегольство: пуговицы были цѣлы, и нигдѣ не видно

было дыръ, хотя заплатокъ было довольно. Панталоны были въ такомъ же родѣ. Сѣрое кашне скрывало ночную сорочку, рукава которой, виднѣвшіеся на худыхъ, волосатыхъ, рукахъ, были не особенно грязны. На маленькихъ ногахъ были стоптанныя резиновыя калоши, а на рукахъ—изящной формы, съ длинными пальцами—лайковыя заношенныя и заштопанныя перчатки. Совсѣмъ порыжѣлый цилиндръ былъ одѣтъ чуть-чуть на бекрень, а изъ подъ него выбивались сѣдоватыя кудри. Не смотря на этотъ почти нищенскій костюмъ, въ осанкѣ и манерахъ этого господина сразу чувствовался баринъ.

— Здравствуйте, графъ...

Подъ кличкой „графа“ этотъ господинъ былъ извѣстенъ въ числѣ многихъ обитателей трущобъ и Антошкѣ, который познакомился съ нимъ годъ тому назадъ, нищенствуя у вокзаловъ; онъ нѣсколько разъ исполнялъ порученія „графа“ по доставленію писемъ въ разныя богатыя квартиры, и пользовался его благосклонностью. „Графъ“ былъ единственнымъ въ мірѣ человѣкомъ, который всегда дружески и участливо относился къ Антошкѣ, платилъ ему за коммиссіи, если Антошка приносилъ благопріятные отвѣты, даривалъ леденцы и, случалось, зазывалъ къ себѣ въ „лавру“, гдѣ жилъ въ углѣ, угощалъ чаемъ и велъ съ нимъ бесѣды довольно своеобразнаго философскаго характера.

— Ты это что?.. Съ ларькомъ нынче?.. Давно?..

— Съ лѣта, графъ...

— Лучше, чѣмъ прежняя работа, а?

— Лучше... И фараоновъ не такъ опасаешься... Показалъ жестянку и шабашъ!

— А какъ дѣла? Хорошо торгуешь?

— Плохо, графъ... Лѣтомъ еще ничего, а теперь... Главное, погода! Вотъ спасибо одной барынѣ... Добрая... Цѣлый двугривенный подарила...

— Ишь какая добрая! — иронически протянулъ „графъ“.

— И бумаги не взяла... И велѣла прійти къ себѣ за платьемъ... А я двугривенный „дяденькѣ“ не отдамъ... Какъ по вашему, графъ? Отдавать?

— Никоимъ образомъ. Онъ твой!—категорически заявилъ „графъ“, и прибавилъ: — а ты, братецъ, скажи своему подлецу „дяденькѣ“, чтобы далъ тебѣ обмундировку потенлѣй, а то въ чемъ, скотина, выпускаетъ! Скажи ему, что генералъ Езоповъ — запомни фамилію!—тебя остановилъ и разспрашивалъ, какой-такой подлецъ хозяинъ, что посылаетъ мальчика въ такомъ видѣ... Понялъ?

— Понялъ... скажу.. А если спроситъ: какой изъ себя генералъ?

— Скажи: сердитый такой, съ большими глазами... Усищи длинные, предлинные!—улыбаясь, объяснялъ „графъ“.

— Безпремѣнно скажу, — радостно промолвилъ Антошка.

— Что твой дяденька-мерзавецъ... Попрежнему тебя бьетъ?—участливо спрашивалъ „графъ“.

— Теперь полегче... Маленькихъ шибко бьетъ... Ремнемъ больше, чортъ! А, главное, она—настоящая вѣдьма!

— Уйти тебѣ отъ нихъ надо, вотъ что...

— Никакъ нельзя... Онъ говоритъ, что я ему проданный по бумагѣ... И, кромѣ того, племянникъ... Вездѣ, говоритъ, тебя розыщу...

— Глупый! Нонче людей не продаютъ... И какой ты ему племянникъ? Онъ все вретъ... Однако, иди, иди, Антошка... Замерзнешь... Ишь погода!— проговорилъ „графъ“, самъ пожимаясь отъ холода. Да завтра же зайди ко мнѣ, слышишь?..

— А гдѣ вы теперь живете? Я въ „лаврѣ“ былъ... Тамъ васъ не оказалось.

— Въ больницѣ три мѣсяца лежалъ и, видишь, отлежался! Теперь я не въ лаврѣ живу, а у Бердова моста, домъ 104, во второмъ дворѣ, у прачки... Запомни адресъ. Да спрашивай не графа...

— Не графа?—удивился Антошка.

— То-то не графа! — усмѣхнулся „графъ“, а Опольева, Александра Ивановича Опольева. Не забудешь?

— Не забуду... А то записать развѣ?

— Ужъ и писать выучился? Ай да умница!... Только векселей не пиши!—вставилъ „графъ“ съ грустной улыбкой... Я тебѣ когда-нибудь объясню, что такое вексель... Постой... у тебя руки, какъ у гуся... Давай карандашъ...

Онъ записалъ адресъ и фамилію и, отдавая листокъ мальчику, сказалъ:

— Смотри же, завтра приходи... Я тебя угощу и побесѣдуемъ, какъ тебѣ отъ твоего разбойника уйти... Только ему ни слова... До свиданія, Антошка!

Съ этими словами „графъ“ какъ-то важно приподнялъ голову, слегка выпятилъ грудь и скоро скрылся въ полутьмѣ сумерекъ, а Антошка, вскинувъ на плечи ларекъ, бодро зашагалъ на Пески, весьма довольный и встрѣчей съ „графомъ“, и двугривеннымъ, столь неожиданно попавшимъ въ его

карманъ и позволившимъ ему побаловать себя роскошнымъ обѣдомъ.

Зайдя въ закусочную, онъ спросилъ себѣ порцію селянки, запилъ ея двумя стаканами горячаго чая и затѣмъ забѣжалъ въ мелочную лавочку и на пятачокъ спросилъ леденцовъ. Засунувъ себѣ въ ротъ сразу штуки четыре, Антошка остальные бережно завернулъ въ бумагу, и, запрятавъ ихъ за голенище, вышелъ изъ лавки.

Послѣ такого лукулловскаго пиршества, Антошка почувствовалъ себя и счастливѣе, и бодрѣе, и совсѣмъ не думалъ о жидкихъ, пустыхъ щахъ у „дяденьки“. Эти щи и вообще-то не прельщали его—до того они были водянисты и мало насыщали, а теперь, вспомнивъ о нихъ, онъ даже сдѣлалъ гримасу. Слова „графа“ о томъ, что Антошка „не проданный“, значительно подняли его духъ, и онъ продолжалъ свой путь, мечтая о томъ времени, когда онъ будетъ самъ отъ себя продавать и спички, и бумаги, и конверты, и разныя другія вещи, купитъ себѣ сапоги и полушубокъ и не будетъ жить у „дьявола дяденьки“. Въ этихъ ребячьихъ мечтахъ заброшеннаго, несчастнаго мальчика, никогда не знавшаго нѣжной ласки, не знавшаго ни матери, ни отца, не забыты были и „графъ“, и маленькая „Нютка“, его любимица, жившая, какъ и онъ, у „дяденьки“. Что же касается нелюбимыхъ людей, то Антошка не безъ злобнаго чувства мечталъ о возмездіи. Хорошо было бы „дяденьку“ засадить въ тюрьму на вѣчныя времена, а „вѣдьму“... Онъ придумывалъ ей разныя бѣды и въ концѣ концовъ рѣшилъ, что было бы недурно, еслибъ ее переѣхала конка, и она бы издохла.

Однако, когда Антошка вошелъ въ ворота знакомаго деревяннаго дома на окраинѣ Песковъ и поднимался по темной вонючей лѣстницѣ въ „дяденькину“ квартиру, его охватило невольное, знакомое еще съ дѣтства, чувство робкаго страха и ему представлялась пьяная физіономія „дяденьки“ съ ремнемъ въ рукахъ, и рядомъ „вѣдьма“, подзадоривающая его своимъ подлымъ смѣхомъ.

Счастливыя мечты сразу выскочили изъ головы Антошки, и онъ, удрученный, съ чувствомъ узника, возвращающагося въ тюрьму съ жестокими тюремщиками, вошелъ въ незапертыя двери темной прихожей, робко пробрался мимо кухни и очутился въ крошечной комнаткѣ, въ которой помѣщались всѣ миѳическіе „племянники“ и „племянницы“, работавшіе на „дяденьку“ въ качествѣ уличныхъ нищенокъ.

Посреди этой грязной, низкой и сырой комнаты, освѣщавшейся тусклымъ свѣтомъ стѣнной лампы, стояли небольшой столъ и двѣ скамейки, на которыхъ была разбросана разная мокрая рвань, отдававшая запахомъ гнили. Это было верхнее платье „пансіонеровъ“, разложенное для просушки. Никакой другой мебели не было. На этомъ же столѣ, среди вещей, стояла деревянная чашка, изъ которой жадно хлебалъ холодный супъ бѣлокурый мальчикъ лѣтъ восьми. Остальные обитатели, уже вернувшіеся съ работы, сдавшіе свои выручки „дяденькѣ“ и поужинавшіе, лежали на полу, на тощихъ матрасикахъ, рядомъ, вповалку, прикрытые какою-то старой ветошью и согрѣваясь болѣе теплотою собственныхъ тѣлъ. Маленькія соломенныя подушки поддерживали дѣтскія головы.

Почти всѣ дѣти спали, вдыхая въ себя смертоносный воздухъ.

Антошка снялъ съ себя ларекъ, затѣмъ разулся, сунувъ подъ свой матрасикъ свертокъ съ леденцами, надѣлъ какіе-то дырявые башмаки и хотѣлъ было снимать свое намокшее пальтецо, какъ вдругъ изъза стѣны донесся жалобный дѣтскій вопль, заглушаемый пьянымъ грубымъ мужскимъ голосомъ.

— Это Нютку!—шепотомъ проговорилъ бѣлокурый мальчикъ.

— За что?—отрывисто спросилъ Антошка.

— Всего два пятака принесла...

— Ишь... подлые!..—шепнулъ Антошка, и въ его глазахъ сверкнулъ огонекъ.

Черезъ минуту въ комнату вбѣжала съ плачемъ маленькая, совсѣмъ худенькая дѣвочка, съ черными растрепавшимися волосенками и, увидѣвъ Антошку, проговорила прерывающимся отъ рыданій голосомъ:

— Ан-тош-ка... У-бей Бо-гъ нап-расно. Я гроши-ка не у-та-ила...

И, понижая голосъ, прибавила:

— Онъ бы прос-ти-лъ, а она... тварь под-лая...

— Онъ чѣмъ тебя, ремнемъ, или руками?—освѣдомился довольно объективно бѣлокурый мальчикъ, засовывая въ ротъ послѣдній кусокъ чернаго хлѣба.

— Рем-немъ... Пять разъ... Больно... Ахъ, больно, голубчики!

Антошка проговорилъ съ важнымъ видомъ:

— Подожди, Анютка... Мы на этихъ дьяволовъ управу найдемъ... Най-демъ!—прибавилъ онъ, вспоминая вдругъ слова графа.—Мы не проданные... Не реви, Анютка...

И съ этими словами онъ досталъ свертокъ и подалъ его Нюткѣ.

— На, вотъ, ѣшь... только дай два леденца Алешкѣ... Больше не давай... Ѣшь.

Нютка сквозь слезы улыбнулась и набросилась на леденцы съ жадностью дикаго звѣрька.

Въ эту минуту двери безшумно отворились, и на порогѣ показалась высокая, худая, молодая женщина въ юбкѣ, въ сѣромъ платкѣ на головѣ, изъ подъ котораго выбивались пряди рыжихъ волосъ.

Она вошла тихо, подкравшись, какъ кошка.

Антошка первый замѣтилъ „вѣдьму“ и кинулъ выразительный взглядъ, предостерегающій объ опасности, на своихъ маленькихъ товарищей.

Нютка немедленно зажала въ своей грязной ручонкѣ оставшіеся леденцы, проглотивъ, не безъ риска подавиться, бывшіе у нея во рту, и съ выраженіемъ испуга на своемъ заплаканномъ лицѣ, бросилась къ постели и легла, притихшая и оробѣвшая, словно виноватая собаченка.

Алешка, успѣвшій съѣсть свои два леденчика въ мгновеніе ока и глядѣвшій въ ротъ дѣвочки съ чувствомъ зависти и очарованья, побрелъ къ своему матрацу съ видомъ человѣка, не имѣющаго достаточныхъ основаній опасаться трепки.

Между тѣмъ, рыжая женщина, успѣвшая подслушать слова Антошки, подозрительно оглядѣла комнату и, замѣтивъ валяющуюся на полу сѣрую бумажку изъ-подъ леденцовъ, подняла ее съ полу и, обращаясь къ Антошкѣ, проговорила своимъ рѣзкимъ, низкимъ контральтовымъ голосомъ:

— Ты, что жъ это, подлецъ, не идешь сдавать выручку? До какихъ поръ ждать тебя, мазурика?

„Вѣдьма“ любила вообще уснащать свои рѣчи бранью, но особенно въ сношеніяхъ съ Антошкой, котораго терпѣть не могла больше, чѣмъ остальныхъ дѣтей этого заведенія своего супруга, такъ какъ чувствовала, что Антошка, не смотря на свою видимую покорность, является, такъ сказать, протестующимъ элементомъ и, кромѣ того, какъ-то подозрительно и насмѣшливо улыбается, когда „вѣдьма“ посылаетъ его за сорокоушкой, чтобъ угостить гостя—молодого наборщика, захаживавшаго по вечерамъ и по большей части въ отсутствіе мужа.

— Иду сейчасъ... Только что пришелъ!—Разуться надо... Измокъ...—отвѣчалъ не особенно мягко Антошка.

— Измокъ! Ишь какой сахарный господинъ!—презрительно и, медленно выговаривая слова, кинула рыжая дама, и злая улыбка искривила ея тонкія губы.

Съ этими словами она вышла, бросивъ на Антошку взглядъ большихъ, нѣсколько выкаченныхъ, сѣрыхъ глазъ, не предвѣщавшій ничего хорошаго для Антошки.

Въ свою очередь и Антошка, ненавидѣвшій „вѣдьму“, съ безсильной злобой загнаннаго волченка, посмотрѣлъ ей вслѣдъ злыми, презлыми глазами и снова отъ всего сердца пожелалъ, чтобы „подлую“ переѣхала конка.

— Что, Нютка, шибко пьянъ хозяинъ?—освѣдомился онъ.

— Не очень,—отвѣтила Нютка.

Антошка черезъ минуту вышелъ—сдавать „дяденькѣ“ выручку.

Признаться, онъ шелъ далеко не спокойный, и мрачныя предчувствія невольно закрадывались въ его душу относительно ремня.

II.

„Дяденька“, отставной унтеръ-офицеръ Иванъ Захаровичъ, сидѣлъ въ одномъ жилетѣ поверхъ розовой ситцевой рубахи за столомъ, на которомъ шумѣлъ самоваръ, въ жарко натопленной, довольно большой комнатѣ, раздѣленной ситцевымъ пологомъ, за которымъ помѣщались большая кровать и шкафъ съ посудой. Цвѣты на окнахъ, наклеенныя на стѣнахъ вырѣзанныя изъ иллюстраціи картинки и портреты нѣсколькихъ генераловъ и отца Іоанна Кронштадтскаго свидѣтельствовали о нѣкоторомъ эстетическомъ вкусѣ хозяевъ. Кое-какая мебель и огромный шкафъ, въ которомъ хранился разный хламъ, купленный на рынкѣ и составлявшій запасный гардеробъ питомцевъ „дяденьки“, дополнялъ убранство, не лишенное нѣкотораго комфорта, особенно по сравненію съ конурой, гдѣ помѣщалась дѣтская команда.

Самъ „дяденька“ медленно отхлебывалъ чай, попыхивая папироской, и, казалось, находился въ благодушномъ, относительно, настроеніи довольнаго своею судьбой человѣка. Онъ былъ выпивши, но еще не дошелъ до „градуса“—это еще было впереди—и его спокойный видъ нисколько не напоминалъ человѣка, только что жестоко отхлеставшаго ремнемъ, опоясывавшимъ его чресла, маленькую, беззащитную дѣвочку.

Это былъ плотный и крѣпкій человѣкъ, лѣтъ за

сорокъ, съ грубымъ, такъ называемымъ, „солдатскимъ“ лицомъ. Красное, одутловатое, испещренное рябинами, съ толстымъ носомъ и толстыми губами, окаймленное черными баками и окладистой бородой, оно далеко не отличалось привлекательностью. Маленькіе, заплывшіе и плутовскіе глаза свѣтились масляннымъ блескомъ. Въ нихъ было что-то хищное и выдавало прожженную каналью, прошедшую житейскія „мѣдныя трубы“.

Дѣйствительно, Иванъ Захаровичъ перепробовалъ много профессій послѣ того, какъ вышелъ въ отставку.

Онъ былъ швейцаромъ, сидѣльцемъ въ кабакѣ, разсыльнымъ, но не уживался на мѣстахъ, имѣя слабость и къ вину, и къ картамъ, и къ прекрасному полу,—слабость, заставлявшую его не всегда быть особенно разборчивымъ, если ему поручали деньги. Онъ ихъ частенько-таки терялъ и, вѣроятно, благодаря только своей счастливой звѣздѣ, не попалъ въ сибирскія палестины.

Долго онъ влачилъ полунищенское состояніе: торговалъ на рынкѣ старымъ платьемъ, ходилъ въ факельщикахъ, носилъ шарманку, сопровождая „Петрушку“ и не оставлялъ сладкой надежды выбиться и жить „какъ люди“, не обременяя себя праведными трудами. И, наконецъ, напалъ на счастливую мысль—открыть „заведеніе“ для дѣтей.

Осуществленіе этой идеи не потребовало особенныхъ затратъ. Хорошо знакомый съ трущобами, онъ зналъ, что въ Петербургѣ дѣтскаго товара сколько угодно, и, при извѣстной осторожности, предпріятіе его не представляло большого риска.

И Иванъ Захаровичъ „арендовалъ“ нѣсколь-

кихъ безпризорныхъ и заброшенныхъ дѣтей у нищихъ ихъ родственниковъ, обѣщая содержать дѣтей и вдобавокъ еще платить за это извѣстную сумму денегъ. Антошку, впрочемъ, Иванъ Захаровичъ пріобрѣлъ почти задаромъ у одной пьянчужки-вдовы, у которой ребенокъ очутился на рукахъ послѣ смерти его матери-прачки.

Дѣла Ивана Захаровича сразу пошли хорошо. Маленькіе нищенки ежедневно приносили ему изрядную выручку, и онъ держалъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, строго наказывая, если они приносили, по его мнѣнію, мало. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что до женитьбы Ивана Захаровича положеніе дѣтей было сноснѣе: ихъ и кормили лучше, и Иванъ Захаровичъ билъ ихъ только тогда, когда былъ очень пьянъ уже къ вечеру, когда онъ возвращался изъ трактира, а дѣти съ „работы“. Жившая при немъ, въ качествѣ помощницы, корявая Агафья жалѣла дѣтей и часто ихъ защищала.

На бѣду Иванъ Захаровичъ влюбился въ рыжую, худую „Марью“, встрѣченную имъ въ трактирѣ, который онъ посѣщалъ, и гдѣ онъ за стаканчикомъ водки нерѣдко бесѣдовалъ съ прикащикомъ о политикѣ и, вообще, велъ отвлеченные разговоры, до которыхъ былъ охотникъ. Трудно сказать, чѣмъ привлекла Ивана Захаровича эта дѣвица: своими ли выкаченными, наглыми глазами, умѣньемъ ли ругаться хуже извощика, бѣлымъ ли, покрытымъ веснушками, лицомъ, не потерявшимъ еще свѣжести молодости, но только Иванъ Захаровичъ окончательно „втюрился“, и очень скоро женился.

Съ тѣхъ поръ какъ водворилась Марья Пет-

ровна, положеніе дѣтей стало воистину ужаснымъ.

Дѣти прозвали новую хозяйку вѣдьмой, и боялись ея больше „дяденьки“, понимая, что она главная виновница тѣхъ жестокихъ побоевъ и истязаній, какимъ они теперь подвергались.

Раздирающіе вопли и стоны раздавались въ квартирѣ почти каждый вечеръ при возвращеніи озябшихъ и продрогшихъ дѣтей съ „работы“. „Вѣдьма“ находила, что они мало приносятъ выручки, что они обкрадываютъ „дяденьку“, и съ какой-то холодной жестокостью натравливала супруга на дѣтей.

И, не смотря на разныя благотворительныя общества, существующія въ Петербургѣ, не смотря на множество блестящихъ дамъ-благотворительницъ, никто не слышалъ этихъ дѣтскихъ стоновъ, никто не приходилъ на помощь обреченнымъ страдальцамъ.

III.

— Много принесъ?—спросилъ Иванъ Захаровичъ, увидавъ вошедшаго въ комнату Антошку.

— Немного,—отвѣчалъ Антошка, приближаясь къ столу.

— А по какой такой причинѣ?—строго спросилъ „дяденька“, останавливая взглядъ на мальчикѣ.

— Погода...

— Что, погода!? Ты вѣрно, подлецъ, по трактирамъ сидѣлъ, а?

— И вовсе не сидѣлъ...

— Ну, давай... выкладывай...

Антошка высыпалъ деньги изъ кошелька.

Было всего тридцать копѣекъ.

— Только и всего?

— Только... Совсѣмъ покупателевъ нѣтъ... И меня даже одинъ генералъ остановилъ, — вдругъ прибавилъ Антошка, вспомнивъ совѣтъ „графа“ и, имѣя въ виду не столько припугнуть „дяденьку“, сколько отвлечь его вниманіе отъ щекотливаго разговора на счетъ выручки.

— Какой такой генералъ?

— Важный, должно быть. Такой высокій и съ большими усами... И сердитый... Остановилъ это онъ меня у Гостинаго двора и спрашиваетъ: „По какой причинѣ ты, мальчикъ, шляешься по улицамъ въ такомъ рваномъ пальтѣ?.. Это, говоритъ, не полагается, чтобы по такой холодной погодѣ и безъ теплой одежи... Кто, говоритъ, тебя посылаетъ? Сказывай, гдѣ ты живешь?“

Не лишенный, какъ оказывалось, нѣкотораго художественнаго воображенія, Антошка вралъ блистательнымъ образомъ и не моргнувши глазомъ, испытывая въ то же время внутреннее злорадство при видѣ безпокойнаго выраженія на лицѣ „дьявола“.

— Что жъ ты сказалъ этому генералу?—не безъ тревоги въ голосѣ нетерпѣливо спросилъ Иванъ Захаровичъ.

— Живу, молъ, ваше сіятельство, у родного дяденьки... А квартируемъ мы...

— Что-оо? Развѣ я вамъ, подлецамъ, не приказывалъ никогда не говорить, гдѣ вы живете!...— перебилъ, закипая гнѣвомъ, Иванъ Захаровичъ.— Знаешь ли, что я за это сдѣлаю съ тобой, съ мерзавцемъ?..

Иванъ Захаровичъ проговорилъ послѣднія слова такимъ зловѣщимъ тономъ, и его лицо исказилось такой злостью, что Антошка невольно попятился и поспѣшилъ проговорить:

— Да, я, дяденька, не сказалъ ему настоящаго адреца... Я совсѣмъ другой далъ... На Островѣ, молъ, квартируемъ, въ 15 линіи... Пусть ищетъ...

— То-то!—облегченно промолвилъ Иванъ Захарычъ...—А то бы тебя до смерти избилъ... Такъ бы и издохъ... Ты это помни... А теперь я скажу, что ты молодецъ, Антошка... Всегда такъ отвѣчай... Какое кому дѣло, гдѣ мы живемъ?—прибавилъ Иванъ Захаровичъ, окончательно успокоенный, и даже взглянулъ одобрительно на Антошку, какъ на достойнаго своего ученика, ловкаго и смышленнаго, пославшаго генерала на Васильевскій островъ... „Прогуляйся, молъ!“

И послѣ незначительной паузы проговорилъ:

— А я тебѣ, Антошка, завтра другое пальтецо подберу... форменное пальтецо... на байковомъ подкладѣ... у татарина купилъ... И фуфайку дамъ... Я, братецъ, старательныхъ цѣню... И ты цѣни... Старайся для дяденьки... Помни, что я тебя вскормилъ и воспиталъ... Безъ меня пропалъ бы ты, какъ паршивый щенокъ у забора, а я вотъ тебя человѣкомъ сдѣлалъ... Да... Какой человѣкъ, ежели неблагодарный, того Богъ накажетъ. Ты этого не забывай, Антошка! — философствовалъ Иванъ Захаровичъ. — И выручки правильныя носи!— неожиданно перешелъ онъ на вопросъ чисто практическаго характера. А то:—тридцать копѣекъ! За это, по настоящему, слѣдовало бы тебя наказать, но я прощаю... Чувствуешь ты это?

Хотя Антошка и послѣ этой трогательной рѣчи не переставалъ питать къ дяденькѣ далеко не дружелюбныя чувства и сію минуту засадилъ бы его на вѣчныя времена въ острогъ, тѣмъ не менѣе выразить этого не посмѣлъ, и довольно-таки недурно, съ точки зрѣнія декламаторскаго искусства, проговорилъ, благоразумно опуская свои мышиные карiе глазенки, которые могли бы его выдать:

— Я завсегда чувствую, дяденька...

— То-то, чувствуй...

Антошка, со свойственнымъ его возрасту легкомысліемъ, уже считалъ себя вполнѣ обезпеченнымъ, по крайней мѣрѣ, на этотъ вечеръ, отъ ненавистнаго ремня. Слишкомъ увлеченный столь благопріятными результатами отъ своей встрѣчи съ генераломъ, онъ хотѣлъ, было, отважиться еще на одну подробность генеральской бесѣды, а именно, сказать, что генералъ приказалъ ему продавать спички, бумаги и конверты не иначе, какъ въ полушубкѣ и въ крѣпкихъ сапогахъ, какъ въ эту самую минуту изъ-за полога показалась „вѣдьма“, уже безъ платка на головѣ, съ причесанными не безъ кокетства рыжими волосами, взбитыми на лбу, въ голубой ситцевой кофточкѣ и съ вымытыми руками.

Повиливая бедрами, она подошла къ столу и, присаживаясь у самовара, проговорила самымъ любезнымъ и вкрадчивымъ тономъ:

— Наливать, что ли, еще, Иванъ Захарычъ?

— Налей, Машенька, — отвѣчалъ Иванъ Захарычъ, передавая стаканъ и съ нѣжностью взглядывая на эту бѣлолицую, всю въ веснушкахъ, молодую женщину лѣтъ двадцати пяти, съ вздернутымъ

кверху курносымъ носомъ, выкаченными сѣрыми, наглыми глазами и тонкими губами.

Взглянулъ изъ подлобья на нее и Антошка, очевидно, совсѣмъ не раздѣлявшій взглядовъ „дяденьки“ на красоту его супруги. Онъ находилъ, что отвратительнѣе этой „курносой вѣдьмы“ не было существа на свѣтѣ. И худа-то она, ровно ободранная кошка, и на ея „подлой мордѣ“ черти отмѣтины сдѣлали въ видѣ веснушекъ, и руки у нея въ видѣ „крючковъ“, и носъ дырявый... однимъ словомъ какъ есть настоящая вѣдьма!

Онъ сообразилъ отлично, для кого это она принарядилась, и только удивлялся „дяденькѣ“, какъ это онъ совсѣмъ ею „облещенъ“ и слушается ея вмѣсто того, чтобы таскать ее за косы и бить полѣномъ каждый день, а не въ исключительныхъ только случаяхъ, когда онъ, совсѣмъ пьяный, случалось-таки таскалъ за косы, но все-таки, глупый, ни разу не отдубасилъ полѣномъ...

Антошка дипломатически кашлянулъ, чтобъ получить разрѣшеніе уйти (присутствіе „вѣдьмы“ вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о поднятой ею бумажкѣ изъ-подъ леденцовъ наводило его на тревожныя мысли), и закатиться спать, и Иванъ Захаровичъ хотѣлъ было отпустить его, какъ „вѣдьма“ вдругъ хихикнула и насмѣшливо проговорила, кивнувъ головой на Антошку:

— И ты, Иванъ Захарычъ, вѣришь этому подлому мазурику? Ахъ, какой же ты, Ваня, простой... Ахъ, какой простой...

Обвинить Ивана Захаровича въ простотѣ значило задѣть самую чувствительную струну его мошеннической души. Онъ, какъ и всѣ прожженные

плуты, именно гордился тѣмъ, что проведетъ каждаго, и потому предположеніе жены, что его могъ оболванить мальчишка, показалось ему слишкомъ обиднымъ, и онъ произнесъ:

— Въ какихъ это смыслахъ понять, Машенька?..

— Мало ли чего онъ набрешетъ, а ты, по доротѣ своей, и вѣришь... Какой генералъ станетъ съ нимъ разговаривать, и кому нужно узнавать, гдѣ живетъ этотъ змѣенышъ... Я за нимъ слѣжу... Знаю, какъ онъ безстыжъ врать... Все-то онъ тебѣ набрехалъ, Иванъ Захарычъ...

— И вовсе не набрехалъ, Марья Петровна... Хучь сейчасъ подъ присягу, что генералъ со мной говорилъ... И фамилію свою даже объявилъ: я, говоритъ, генералъ Езоповъ, — съ энергіей отчаянія произнесъ Антошка, имѣя, впрочемъ, о присягѣ довольно смутныя понятія.

Надо полагать, что и относительно всевѣдѣнія Господа Бога Антошка имѣлъ далеко не точныя представленія, или же полагалъ, что Господь милосердно терпитъ вранье несчастныхъ мальчиковъ, спасающихъ свою шкуру отъ толстыхъ ременныхъ поясовъ, потому что нисколько не затруднился, въ доказательство дѣйствительности встрѣчи съ генераломъ, прибавить:

— Какъ передъ истиннымъ Богомъ говорю... Пусть разразитъ меня на этомъ мѣстѣ, если я вру...

И вслѣдъ затѣмъ еще перекрестился нѣсколько разъ, нисколько не думая, что совершаетъ грѣхъ.

По счастью, Иванъ Захаровичъ, никогда не видалъ генерала Езопова, хотя и слышалъ, что есть такой генералъ, занимающій видное мѣсто, и не

потребовалъ болѣе подробнаго описанія его наружности, довольствуясь лишь „длинными усами“. Онъ только взглянулъ на свою супругу не безъ торжества человѣка, оправданнаго отъ взведеннаго тяжкаго обвиненія, и сказалъ:

— Я, Машенька, наскрозь человѣка вижу...Меня не обманешь. Шалишь, братъ... Откуда бы услыхалъ Антошка, что есть генералъ Езоповъ. А я, Машенька, знаю, что есть въ Петербургѣ такой генералъ... Объ немъ и въ газетахъ пишутъ... Не бойсь, меня не объегоришь... Не таковскій!—снова повторилъ Иванъ Захаровичъ, хвастливо подмигивая глазомъ.

По лицу „рыжей дамы“ скользнула едва замѣтная, насмѣшливая, улыбка.

— Ну, хорошо, пусть генералъ и говорилъ съ этимъ подлюгой... Пусть. А ты, Иванъ Захарычъ, спроси-ка у него, на какія это деньги онъ сейчасъ угощалъ леденцами Нютку и Лешку... Пусть-ка отвѣтитъ, мерзавецъ!—проговорила „вѣдьма“.

— Леденцами!? воскликнулъ Иванъ Захаровичъ, и вперилъ на Антошку злые глаза.

Антошка понялъ, что дѣло принимаетъ весьма серьезный оборотъ. Сердце въ немъ упало. Блѣдное лицо вдругъ приняло испуганное выраженіе затравленнаго звѣрька.

А „рыжая вѣдьма“ между тѣмъ продолжала:

— Спроси-ка у него, какъ онъ найдетъ на тебя управу... Я своими ушами слышала, какъ онъ грозился. „Мы, говоритъ, найдемъ управу на этого дьявола!“ Это онъ про тебя, Иванъ Захарычъ... Вотъ какъ онъ цѣнитъ твою заботу... Вотъ какъ онъ обкрадываетъ насъ... А ты ему, подлому, и

повѣрилъ... Принесъ всего тридцать копѣекъ, а самъ леденцы... покупаетъ!

Лицо Ивана Захаровича побагровѣло. Что-то безпощадно-жестокое было теперь въ его маленькихъ, засверкавшихъ глазахъ и въ скверной улыбкѣ, искривившей его толстыя губы.

— Такъ вотъ ты какой... змѣенышъ? Управу?.. Леденцы покупаешь?—говорилъ тихимъ, злымъ голосомъ Иванъ Захаровичъ, снимая съ себя толстый ремень... Я покажу тебѣ управу!—засмѣялся онъ, поднимаясь со стула.

— Да не жалѣй его... Пусть помнитъ!—вставила „вѣдьма“.

— Я не изъ выручки взялъ деньги... Мнѣ дала ихъ одна барыня и не взяла товару... Клянусь Богомъ... Не встать съ мѣста... Дя-де-нька!

Онъ говорилъ эти слова, и самъ чувствовалъ ихъ безнадежность.

Сильный ударъ кулакомъ по лицу сшибъ его съ ногъ. Онъ упалъ навзничь, стукнувшись головой объ полъ. Новый ударъ сапогомъ заставилъ его вскочить на ноги, окровавленнаго, съ тупою болью въ груди.

Злоба, страхъ и отчаяніе вдругъ залили волной его маленькое сердце. Онъ видѣлъ по этому страшному лицу „дяденьки“, что пощады не будетъ, и въ его головѣ пробѣжала мысль о бѣгствѣ. Злобно сверкая глазами, словно маленькій волченокъ, онъ старался вырваться изъ крѣпкой руки Ивана Захаровича, которая держала его за шиворотъ, встряхивая, какъ щенка.

— Дя-денька!—молилъ Антошка...—Дя-де-нька! Вы не смѣете мучить! — вдругъ крикнулъ онъ въ какой-то тоскѣ отчаянія и рванулся сильнѣй.

— Ахъ, ты...

И голова мальчика уже была между толстыхъ икръ Ивана Захаровича. Въ комнатѣ раздались отчаянные крики... Мольбы о пощадѣ смѣнялись ругательствами. Злобный ревъ безсильнаго животнаго чередовался съ раздирающимъ душу стономъ.

„Дяденька“ совсѣмъ озвѣрѣлъ. Казалось, онъ не помнилъ себя и съ остервѣненіемъ палача полосовалъ мальчика толстымъ ремнемъ съ металлической пряжкой, и все сильнѣе и сильнѣе сжималъ его голову.

Вопли становились рѣже и глуше. Мальчикъ задыхался.

— Ты, Иванъ Захарычъ, смотри, не задуши его!—крикнула ему „вѣдьма“, довольно равнодушно посматривая на экзекуцію и нисколько не волнуясь этими криками.

— Не бойсь... Не задушу...

Однако онъ чуть-чуть раздвинулъ ноги и въ ту же минуту вскрикнулъ, словно бы отъ жестокой боли.

— Отпусти, подлецъ! Не то до смерти забью!— прошипѣлъ въ бѣшенной ярости Иванъ Захаровичъ, продолжая наносить удары.

Но Антошка не отпускалъ.

Точно маленькій кровожадный бульдогъ, онъ вцѣпился своими крѣпкими и острыми зубами въ ляжку своего мучителя и все крѣпче и крѣпче нажималъ ихъ съ какимъ-то наслажденіемъ мстительной злобы, готовый оторвать кусокъ мяса.

Иванъ Захарычъ рванулся, чтобъ избавиться отъ этихъ зубовъ, причинявшихъ ему жестокую боль, и серьезно проучить дерзкаго мальчишку.

Но Антошка не зѣвалъ и, вообще, обнаружилъ въ этотъ вечеръ рѣдкую находчивость.

Почувствовавъ себя свободнымъ отъ рукъ „дяденьки“, онъ, съ ловкостью уличнаго мальчишки, бывавшаго въ передѣлкахъ, изо всей силы дернулъ его за ногу, и Иванъ Захаровичъ, и безъ того не особенно твердый на ногахъ, грохнулся на земь. Еще мгновеніе, и „вѣдьма“ получила ударъ въ животъ, послѣ чего Антошка, схвативъ со стола стаканъ съ горячимъ чаемъ, не отказалъ себѣ въ удовольствіи удовлетворить свою злобу, выплеснувъ жидкость прямо въ ея „поганую морду“, и, не теряя затѣмъ драгоцѣннаго времени, выскочилъ изъ комнаты и стремглавъ бросился вонъ изъ квартиры, не замѣтивъ даже Нютки, которая выглядывала изъ дверей съ застывшими отъ ужаса и страха черными большими глазами.

IV.

Опасаясь погони, Антошка нѣсколько времени бѣжалъ, что есть духу, по глухой дальней улицѣ Песковъ. Пробѣжавъ порядочное разстояніе, онъ завернулъ въ какой-то переулокъ и остановился, чтобы передохнуть, прійти въ себя и обдумать свое положеніе.

Положеніе мальчика въ этотъ осенній холодный вечеръ въ лѣтнемъ намокшемъ и разорванномъ пальтишкѣ и рваныхъ старыхъ башмакахъ на босыя ноги, безъ шапки и даже безъ шарфа, одинокаго, какъ перстъ, въ большомъ городѣ, избитаго и окровавленнаго,—было не изъ блестящихъ. Но Антошка не унывалъ и считалъ, что несравненно

лучше позябнуть, чѣмъ, послѣ всѣхъ происшедшихъ столь неожиданно событій, попасться къ „дяденькѣ“ и быть заколоченнымъ на смерть. Антошка имѣлъ рѣшительное желаніе жить на свѣтѣ, и даже съ бо́льшимъ спокойствіемъ, чѣмъ до сихъ поръ, и потому одна мысль о возможности возврата въ ненавистную квартиру заставляла его вздрагивать и пугливо всматриваться въ рѣдкихъ прохожихъ.

Не смотря на сильную трепку, Антошка не безъ удовлетвореннаго чувства гордости припомнилъ, какъ прокусилъ ляжку „чорту“ и ошпарилъ „вѣдьму“, находя, впрочемъ, что этого имъ мало, и что, Богъ дастъ, когда-нибудь онъ ихъ „раздѣлаетъ“ еще не такъ. Только бы ему сдѣлаться большимъ. Тогда они узнаютъ Антошку!

Эти злыя мысли быстро смѣнились вопросомъ: куда ему итти? И тотчасъ же рѣшеніе было принято. Онъ пойдетъ къ доброму „графу“, и тотъ посовѣтуетъ, что ему дѣлать и, конечно, не откажетъ въ пристанищѣ. По счастью, Антошкина записная и учебная книжка находилась въ карманѣ, и онъ, приблизившись къ фонарю, не безъ труда разобралъ адресъ, написанный мелкимъ почеркомъ „графа“.

Оставалось еще привести себя въ нѣкоторый порядокъ. Онъ увидалъ, что руки его были въ крови и догадался, что это отъ расквашеннаго носа, за который онъ хватался; необходимо было смыть кровь, въ виду предстоящаго путешествія по освѣщеннымъ улицамъ и придирчивости „фараоновъ“.

Ведро съ водой у водосточной трубы, замѣченное Антошкой по близости, доставило ему возмож

ность не только пополоскать руки и вымыть лицо, но и освѣжить воспаленную голову... Она, казалось ему, была какая-то тяжелая и, точно чужая, а послѣ воды стала легче.

Возбужденный и взволнованный, Антошка двинулся въ путь и сначала не чувствовалъ ни дьявольски-холоднаго вѣтра, насквозь пронизывающаго его худенькое тѣльце и играющаго его кудрявыми волосами, ни боли въ спинѣ, покрытой синими подтеками, и торопливо шагалъ по улицамъ, осторожно обходя „фараоновъ“, чтобы не имѣть съ ними какихъ-нибудь непріятныхъ разговоровъ, какіе могли бы завести эти придирчивые люди съ мальчикомъ въ рваномъ пальтишкѣ и, главное, безъ шапки, который ищетъ пристанища и участія.

По счастью, дѣло обошлось безъ приключеній, и черезъ часа полтора Антошка, совсѣмъ посинѣвшій отъ холода, чувствуя страшную боль въ спинѣ, поднимался по грязной лѣстницѣ въ квартиру прачки, у которой жилъ „графъ“.

Невообразимо радостное чувство охватило его, когда онъ очутился въ теплѣ, и когда старая женщина, впустившая его, съ видомъ изумленія и въ то же время жалости, провела этого вздрагивающаго оборванца къ своему жильцу.

V.

Послѣ не особенно удачливаго дня, „графъ“ сидѣлъ въ затрапезномъ халатѣ трудно опредѣлимой матеріи у небольшого деревяннаго стола и при тускломъ свѣтѣ маленькой лампы читалъ вчерашнюю газету. Онъ читалъ въ ней описаніе какого-то

великосвѣтскаго бала, напоминавшее ему о близкомъ когда-то мірѣ суеты и тщеславія, блеска и роскоши, о прежнхъ знакомыхъ и родныхъ и, судя по выраженію его лица, воспоминанія эти вызывали скорѣе чувство озлобленія, чѣмъ горечи.

Онъ задумался, какъ задумывался не разъ, о превратности судьбы и безнадежности своего положенія, когда скрипнула дверь, и въ эту крошечную, убогую комнату, все убранство которой состояло изъ кровати, стола и стула, вошелъ Антошка и, радостно-взволнованный, остановился у дверей.

— Это вы, Анисья Ивановна? Что вамъ угодно?— окликнулъ „графъ“, не поворачивая своей кудрявой, засѣдѣвшей головы.

— Это я... Антошка!

— Антошка!?—воскликнулъ „графъ“, изумленный приходу мальчика въ такую пору, и быстро подошелъ къ нему.

Жалкій видъ худенькаго, посинѣвшаго и вздрагивавшаго мальчугана, пришедшаго въ легкомъ одѣяніи, въ дырявыхъ башмакахъ на босыя ноги и безъ шапки, вызвалъ на лицѣ „графа“ выраженіе жалости и участія, и онъ тревожно спросилъ:

— Что случилось, Антошка? Откуда ты въ такомъ костюмѣ?

— Я убѣжалъ отъ нихъ, отъ подлецовъ... Ужъ вы только не отдавайте, графъ, если *онъ* потребуетъ меня обратно... Онъ убьетъ!.. А я вамъ заслужу... Я на васъ стану работать! — взволнованно говорилъ Антошка.

— Глупый! Развѣ я отдамъ тебя этимъ мерзавцамъ! Не бойся, Антошка. Что жъ ты стоишь?

Садись, бѣдный мальчикъ... Ишь, какъ озябъ... Сейчасъ чаемъ отогрѣешься... Молодецъ, что удралъ и ко мнѣ явился... Я тебя въ обиду не дамъ... Надѣнь-ка мое пальто... Согрѣйся...

— Я и такъ согрѣюсь. У васъ страсть какъ тепло. Славно у васъ!

— Надѣвай пальто, говорятъ!—весело и ласково приказывалъ „графъ“, снимая съ гвоздя пальто. И сапоги мои одѣнь, а то босой почти... Такъ и заболѣть недолго... Что, видно, дяденька билъ?

— Шибко билъ, подлецъ... спина саднитъ... И чуть было не задушилъ ногами... Ну, и ему-таки попало!—не безъ гордости прибавилъ Антошка.

— Попало?—сочувственно улыбнулся „графъ“.

— Я ему ногу прокусилъ... до крови!—съ торжествующимъ видомъ сказалъ мальчикъ.

— Ловко!.. Ты мнѣ потомъ въ подробности разскажешь обо всѣхъ этихъ событіяхъ, а пока побудь одинъ... Я пойду распорядиться на счетъ чая.

„Графъ“ вышелъ и завелъ конфиденціальный разговоръ съ квартирной хозяйкой о нѣсколькихъ щепоткахъ чая и кускахъ сахара, о гривенникѣ „до завтра“ и объ устройствѣ ночлега для мальчика. Онъ говорилъ такъ убѣдительно, что хозяйка тотчасъ же согласилась на всѣ его просьбы и обѣщала немедленно подать самоваръ, купить хлѣба и дать тюфякъ, подушку и одѣяло.

— Очень благодарю васъ, Анисья Ивановна!—съ чувствомъ проговорилъ „графъ“, пожимая руку квартирной хозяйки.

— Не за что, Александръ Иванычъ... И у меня, слава Богу, христіанская душа... И мнѣ жалко этого мальчика. Что, онъ у васъ будетъ жить?

— У меня пока. Бездомный сиротка этотъ несчастный мальчикъ, Анисья Ивановна... Нельзя не пріютить.

— Гдѣ же онъ прежде-то жилъ? — спрашивала старая Анисья Ивановна, раздувая самоваръ.

— А у одного подлеца-солдата... Онъ дѣтей чужихъ беретъ и посылаетъ ихъ на улицу нищенствовать... Ну и тиранитъ ихъ...

— Ахъ, бѣдныя!—пожалѣла квартирная хозяйка и, вѣроятно, разжалобившись, прибавила:—такъ я, кромѣ ситника, пожалуй, и колбасы возьму... Пусть мальчикъ закуситъ...

— „Графъ“ еще разъ поблагодарилъ Анисью Ивановну и, вернувшись къ Антошкѣ, весело сказалъ:

— Сейчасъ будетъ чай готовъ... Хорошенько напьешься и потомъ ложись спать... Хозяйка тебѣ постель смастеритъ... отлично выспишься...

Антошка благодарными глазами смотрѣлъ на графа и произнесъ:

— Безъ васъ вовсе бы пропасть, графъ... Только вы одинъ и есть на свѣтѣ добрый человѣкъ для меня...

— Ну, нечего тамъ благодарить — дрогнувшимъ голосомъ перебилъ „графъ“, ласково взглядывая на Антошку. — Хотя на свѣтѣ и много мерзавцевъ, Антошка, и злыхъ людей, но не всѣ же такіе; есть, братецъ мой, и хорошіе... Это ты помни...

— Вы вотъ хорошій...

— Я?—горько усмѣхнулся „графъ“.—Я прежде былъ, можетъ, самый дурной... Ну да еще успѣемъ съ тобой пофилософствовать... и поближе познакомиться другъ съ другомъ. А съ завтрашняго

дня начнемъ дѣйствовать... Быть можетъ, завтра же и одѣнемъ, и обуемъ тебя, какъ слѣдуетъ, по сезону...

— И вы меня на работу пошлете?—весело спросилъ Антошка.—Я умѣю хорошо сбирать... Мнѣ всегда подавали, когда я въ нищенкахъ былъ...

— Нѣтъ, Антошка, на такую работу я тебя не пошлю... Къ чорту такую работу...

— Значитъ, съ ларькомъ думаете?.. На это много капиталу нужно... И товаръ, и за жестянку!—дѣловито проговорилъ Антошка, понимавшій, что „графъ“, который самъ, случалось, „работалъ“ по вечерамъ, останавливая прохожихъ просьбами на разныхъ діалектахъ, не находится въ такихъ блестящихъ обстоятельствахъ, чтобы завести ларецъ.

И такъ какъ Антошка не желалъ сидѣть сложа руки и объѣдать „графа“, считая это въ высшей степени недобросовѣстнымъ, то деликатно напомнилъ, что работа въ нищенкахъ вовсе не дурная и не тяжелая, особенно если подъ пальтомъ полушубокъ.

Но, къ крайнему изумленію Антошки, „графъ“ рѣшительно запротестовалъ.

— Что жъ я буду дѣлать?—спросилъ мальчикъ.

— Объ этомъ подумаемъ!Подумаемъ, Антошка!—значительно протянулъ „графъ“, оставляя Антошку въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

Анисья Ивановна принесла самоваръ, хлѣбъ и колбасу, и скоро Антошка съ наслажденіемъ пилъ чай и закусывалъ. За вторымъ стаканомъ онъ передалъ „графу“ подробности недавнихъ событій у „дяденьки“, и „графъ“ нѣсколько разъ вставлялъ неодобрительные эпитеты по адресу вѣдьмы и ея

супруга и весело улыбался, когда Антошка разсказывалъ о подвигахъ, предшествовавшихъ его бѣгству.

Постель была устроена на славу доброй Анисьей Ивановной. Она принесла довольно мягкій матрацъ, накрыла его простыней, положила большую подушку и теплое ватное одѣяло и, убирая самоваръ, промолвила, обращаясь къ Антошкѣ:

— Не бойсь, спать хорошо будетъ. Спи, Христосъ съ тобой, бѣдняжка!

Сонный Антошка быстро раздѣлся и, облачившись въ чистую ночную сорочку „графа“, юркнулъ подъ одѣяло и тотчасъ же заснулъ, довольный, благодарный и счастливый, тронутый до глубины души нѣжной лаской, которую онъ испыталъ первый разъ въ жизни.

„Графъ“ заботливо ощупалъ голову мальчика, присѣлъ къ столу и задумался.

VI.

„Графъ“ раздумывалъ о томъ, какъ устроить Антошкину судьбу и не дать ему погибнуть въ той развращающей атмосферѣ нищеты, бездѣлья и нищенства, которую онъ хорошо зналъ по собственному опыту многихъ лѣтъ.

Но онъ покончeнный человѣкъ, а способный, неглупый Антошка еще на порогѣ жизни...

Этотъ бездомный, несчастный мальчикъ, обратившійся къ покровительству „графа“ и видѣвшій въ немъ своего единственнаго спасителя, сдѣлался теперь какъ-то особенно ему близкимъ и точно роднымъ, и словно бы явился свѣтлымъ лучомъ, оза-

рившимъ безпросвѣтный мракъ одинокой горемычной жизни павшаго человѣка.

И озлобленное сердце этого отверженца, презираемаго всѣми родными и бывшими друзьями, чужого, и все-таки барина, въ глазахъ тѣхъ товарищей по нищетѣ, среди которыхъ онъ вращался, втайнѣ жаждавшаго и не находившаго слова участія и привязанности, — это сердце смягчалось, охваченное чувствомъ жалости, любви и заботы къ такому же бездомному, одинокому созданію, какъ и онъ самъ.

Этотъ мальчикъ, видимо привязанный къ нему, словно бы давалъ новый смыслъ его жизни. Сдѣлать его человѣкомъ, имѣть на свѣтѣ преданное, благодарное существо — эта мысль радостно волновала „графа“, являясь какъ бы примиреніемъ съ жизнью.

Онъ горько усмѣхнулся, вспомнивъ, что прежде, когда онъ имѣлъ возможность спасти не одно несчастное существо, подобное Антошкѣ, мысль объ этомъ никогда даже и не закрадывалась въ его голову. Онъ жилъ только для себя и думалъ о себѣ...

— Неужели надо быть нищимъ и отверженнымъ, чтобы пожалѣть другихъ!? — мысленно задалъ онъ себѣ вопросъ и рѣшилъ его утвердительно, чувствуя неодолимое желаніе помочь Антошкѣ именно тогда, когда это для него было такъ трудно.

Онъ сдѣлаетъ все, что только возможно.

Онъ напишетъ всѣмъ своимъ кліентамъ и, быть можетъ, соберетъ нужную сумму для экипировки мальчика. Разумѣется, ни одинъ изъ его кліентовъ не повѣритъ, что онъ проситъ не для себя. Еще бы повѣрить! Давно уже больше рубля, много двухъ ему не посылали тѣ изъ немногихъ родственниковъ и товарищей, которые не всегда оставляли безъ

отвѣта письма „графа“, посылавшіяся въ особенно трудныя минуты жизни.

Наконецъ, онъ даже обратится къ своему „знатному братцу“, какъ презрительно называлъ „графъ“ своего старшаго брата, занимавшаго очень важный постъ. Онъ ненавидѣлъ этого брата и въ слѣпомъ озлобленіи считалъ его лицемѣромъ, эгоистомъ и даже взяточникомъ. Не даромъ у него огромное состояніе. Откуда оно?

Онъ, никогда не обращавшійся къ этому брату послѣ того, какъ братъ разъ навсегда отрекся отъ него, готовъ не только написать ему, но даже послѣ 15-ти лѣтъ пойти къ нему въ его парадную казенную квартиру и, если только швейцаръ пуститъ, лично просить помочь Антошкѣ.

И много ли нужно?

Всего какихъ-нибудь двадцать рублей, чтобъ сдѣлать все необходимое мальчику... И тогда можно будетъ посылать его въ школу...

И двоюродной сестрѣ, княгинѣ Моравской, напишетъ... Она благотворительная дама... Быть можетъ, устроитъ мальчика, назначитъ ему какую-нибудь пенсію на содержаніе...

Въ мечтахъ о будущей судьбѣ Антошки „графъ“ непремѣнно хотѣлъ, чтобы Антошка жилъ съ нимъ, хотя бы первое время... Не все же это вѣчное одиночество. Все же около существо будетъ!

Двадцать рублей! Какимъ огромнымъ капиталомъ казались эти деньги теперь „графу“, швырявшему по сотнѣ на чаи въ модныхъ ресторанахъ во время былыхъ кутежей!

Да, то было прежде, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда молодой, красивый и изящный гвардей-

скій кавалерійскій офицеръ Опольевъ блисталъ въ свѣтѣ, считаясь однимъ изъ блестящихъ и элегантныхъ представителей золотой молодежи, и имѣлъ всѣ шансы на хорошую карьеру.

Онъ былъ уменъ, легкомысленъ и безхарактеренъ и жилъ, что называется, во всю: кутилъ, ссужалъ пріятелей, тратилъ направо и налѣво и, промотавъ большое состояніе, доставшееся отъ бабушки, сталъ дѣлать долги, попалъ въ руки ростовщиковъ, запутался совсѣмъ и въ одинъ прекрасный день поставилъ фальшивый бланкъ отца, стараго генерала, съ большимъ состояніемъ... Это обнаружилось; отецъ заплатилъ крупную сумму, но съ тѣхъ поръ не желалъ знать сына и уже больше не простилъ его.

Опольевъ долженъ былъ выйти въ отставку и скрыться съ свѣтскаго горизонта. Отъ него отвернулись, разумѣется, всѣ бывшіе пріятели, а старшій братъ, лишавшійся, благодаря брату-кутилѣ, значительной доли ожидаемаго наслѣдства, совсѣмъ отказался отъ брата и, когда несчастный обратился однажды къ нему за помощью, онъ отказалъ и велѣлъ ему передать, что не считаетъ такого негодяя своимъ братомъ. Прежній общій любимецъ „Шурка“, веселый и блестящій „Шурка“ вдругъ сдѣлался отверженцемъ.

Исторія этого паденія представляла собой одно изъ обычныхъ явленій въ жизни свѣтской молодежи, явленій, которыя, въ большинствѣ случаевъ, кончаются не такъ печально. Многіе въ той средѣ, въ которой вращался Опольевъ, дѣлали то же самое и еще худшее, но эти „ошибки молодости“, благодаря различнымъ случайностямъ, въ ви-

дѣ ли выгоднаго брака или снисходительности родителей, нисколько не мѣшали потомъ такимъ же виноватымъ, какъ и Опольевъ, остепениться и быть даже впослѣдствіи въ нѣкоторомъ родѣ столпами отечества.

Опольевъ хорошо понималъ это. Онъ считалъ, что судьба его жестоко и несправедливо покарала за то, что проходитъ безслѣдно для другихъ... Ни одна душа не поддержала его въ это время, никто изъ близкихъ не протянулъ ему руки серьезной помощи. Кое-кто бросалъ ему брезгливо подачки, считая, что исполнилъ долгъ,и на нѣкоторое время избавлялся отъ назойливаго попрошайки.

Та самая среда, которая воспитала его и всѣми своими привычками, взглядами и поступками поощряла къ той же праздной и безцѣльной жизни, какую вела сама, исключила его изъ своихъ членовъ, какъ недостойнаго, опозорившаго честь касты, и Опольевъ былъ скоро всѣми основательно забытъ.

Возмущенный отношеніемъ тѣхъ самыхъ пріятелей и друзей, которые кутили на его счетъ и брали отъ него деньги, открывшій внезапно глаза на всю подлость людей, онъ озлобился, хотѣлъ было пустить себѣ пулю въ лобъ, но кончилъ тѣмъ, что запилъ и махнулъ на все рукой въ какой-то безнадежной отчаянности человѣка, неспособнаго ни къ какому серьезному труду...

Подняться онъ ужъ болѣе былъ не въ силахъ. Всѣ связи были порваны, и никакого мѣста онъ получить не могъ. Поступилъ, было, въ частную контору, но его скоро выгнали. И онъ постепенно переходилъ всѣ фазисы паденія за эти пятнадцать

лѣтъ своего паразитнаго существованія, пока не сдѣлался нищимъ-пропойцемъ. Всего было, за что, въ минуты просвѣтлѣнія, приходилось краснѣть...

Но за это время онъ кое-чему научился, обо многомъ размышлялъ и многое понялъ.

Онъ понималъ всю неприглядность своего существованія, но за то оцѣнилъ по достоинству и весь ужасъ прежней своей жизни. И сравненіе выходило не особенно утѣшительное, когда онъ сопоставлялъ настоящее и прошлое. Онъ понялъ, что среда, въ которой онъ прежде вращался, безжалостно эгоистична и зла, и возненавидѣлъ эту среду. Онъ близко увидалъ нищету и страданія обездоленныхъ и несчастныхъ, неудачниковъ и свихнувшихся и понялъ, что они такіе же люди, какъ и потомки Рюриковичей, и заслуживаютъ, по справедливости, иного отношенія. Среди этихъ отверженныхъ онъ встрѣчалъ и участіе, и отзывчивость...

И прежній блестящій офицеръ, считавшій „сволочью“ всѣхъ, кто не можетъ жить порядочно, обратился въ протестующаго скептика-философа, рѣшавшаго довольно оригинально общественные вопросы и относившійся съ презрительной злостью къ великимъ міра сего и вообще къ устройству самого міра, требующаго, по его мнѣнію, самой основательной встряски, и съ какою-то ироническою покорностью отпѣтаго человѣка несъ свое положеніе. Онъ ни на что уже болѣе не надѣялся и ничего не ждалъ. Доктора ему сказали, что при томъ образѣ жизни, которой онъ ведетъ, онъ не протянетъ и пяти лѣтъ. Его это нисколько не испугало. Онъ усмѣхнулся и проговорилъ:

— Однако, долго еще тянуть, докторъ!

Опускаясь все ниже и ниже въ глубину нищеты и казавшійся старикомъ въ свои сорокъ пять лѣтъ, онъ все-таки старался сохранить нѣкоторое внѣшнее подобіе приличнаго господина и особенно заботился о своемъ костюмѣ, имѣя видъ барина даже и тогда, когда въ сумерки (днемъ „графъ“ никогда не „работалъ“) останавливалъ кого-нибудь изъ прохожихъ и на превосходномъ французскомъ діалектѣ просилъ „одолжить“ нѣкоторую монету. Онъ даже не просилъ, а скорѣе предлагалъ, причемъ сохранялъ свое достоинство, и когда слегка приподнималъ свой рыжій цилиндръ, зажимая въ перчаткѣ полученную монетку, и когда только галантно прикладывалъ руку къ шляпѣ, получивъ отказъ. За это его въ Лаврѣ, гдѣ онъ жилъ послѣднее время, и прозвали „графомъ“. Никто не зналъ его настоящій фамиліи и подъ кличкой „графа“ онъ извѣстенъ былъ своимъ товарищамъ по профессіи.

Антошка сладко всхрапывалъ во снѣ, а „графъ“ еще писалъ, имѣя на столѣ запасъ почтовой бумаги и конвертовъ, которые являлись для него, такъ сказать, главнымъ орудіемъ производства.

Наконецъ, послѣднее письмо было окончено. Эти прочувствованныя, горячія строки къ брату, въ которыхъ онъ просилъ денегъ для мальчика, должны были, по мнѣнію „графа“, подѣйствовать даже и на такого „знатнаго прохвоста“. Онъ, навѣрное, пришлетъ просимую сумму и, быть можетъ, и больше. Вдругъ письмо попадетъ въ хорошую минуту, когда человѣкъ дѣлается добрѣе обыкновеннаго!

Лампа догорала. „Графъ“ всталъ изъ-за стола съ видомъ человѣка, вполнѣ удовлетвореннаго своей

работой, досталъ изъ-подъ кровати маленькую стклянку съ водкой и слегка трясущейся рукой налилъ рюмку водки. Онъ вытянулъ ее медленно, процѣживая черезъ губы, съ наслажденіемъ алкоголика. Затѣмъ выпилъ другую и третью, опорожнивъ бутылку, и только тогда раздѣлся и легъ въ постель.

Въ эту ночь онъ заснулъ не съ тѣми мрачными мыслями, съ какими засыпалъ обыкновенно. Напротивъ, пріятныя и радостныя думы проносились въ его головѣ. Жизнь не казалась ему такой безотрадной, благодаря присутствію Антошки.

VII.

Мутный сѣроватый свѣтъ дождливаго осенняго утра пробивался въ окно, когда „графъ“ поднялся довольно бодрый и въ хорошемъ расположеніи духа. За стѣной, у хозяйки, пробило семь часовъ. Антошка еще спалъ.

При свѣтѣ маленькаго огарка, съ иглой въ рукахъ „графъ“ занялся приведеніемъ въ нѣкоторую возможную исправность своего костюма. Дыры на черномъ лоснившемся сюртукѣ были зашиты, бахромки съ конца штанинъ срѣзаны, и все платье аккуратно вычищено. Затѣмъ „графъ“ почистилъ сапоги и досталъ изъ маленькаго сундучка чистые воротники и манжеты. Когда все было готово, онъ вышелъ въ кухню, вымылся и довольно долго и тщательно расчесывалъ свои кудреватые волосы и длинную бороду передъ маленькимъ зеркальцемъ и привелъ въ порядокъ ногти на своихъ красивыхъ рукахъ.

Покончивъ съ туалетомъ, онъ снова вышелъ и, встрѣтивъ хозяйку, съ обычной своей галантностью пожелалъ ей добраго утра.

— Что такъ рано сегодня, Александръ Иванычъ?

— Дѣлъ сегодня много, Анисья Ивановна... Рано выйду со двора... Надо хлопотать за мальчика... понимаете?..

Онъ деликатно попросилъ на счетъ самоварчика и булки для Антошки, обѣщая сегодня же покончить маленькіе счеты съ хозяйкой, и прибавилъ:

— И еще покорнѣйшая просьба, добрѣйшая Анисья Ивановна.

— Что такое?

— Быть можетъ, я сегодня не скоро вернусь, такъ ужъ будьте любезны, не откажите накормить мальчика.

— Не бойтесь, голоднымъ не оставлю. Позову обѣдать, не объѣстъ!—не безъ обидчивости проговорила добрая женщина, которая не разъ предлагала и жильцу своему поѣсть вмѣстѣ съ ней.

Она жалѣла „графа“ и, главнымъ образомъ, потому, что онъ баринъ, отставной офицеръ и, вѣрно, прежде богатый, находится въ такомъ положеніи. Старый альбомъ „графа“ съ фотографіями генераловъ, блестящихъ дамъ и офицеровъ, въ который она полюбопытствовала какъ-то заглянуть въ отсутствіе „графа“, окончательно разжалобилъ Анисью Ивановну и заставилъ ее отнестись къ „графу“ еще съ большимъ участіемъ. И она (хоть при наймѣ комнаты это и не было выговорено) подавала ему самоваръ и вообще старалась оказывать услуги. Жилецъ онъ былъ тихій и очаровывалъ хозяйку своимъ любезнымъ и полнымъ достоинства обращеніемъ.

— А вы, Александръ Иванычъ, насчетъ чего же собственно хотите хлопотать? Опредѣлить куда мальчика?—полюбопытствовала Анисья Ивановна.

— Вообще устроить... Ну, разумѣется, прежде всего на счетъ денегъ... Надо же и одѣть, и обуть его...

— Что и говорить... Совсѣмъ, можно сказать, голый мальчикъ... Гдѣ же вы, Александръ Иванычъ, полагаете достать?... У сродственниковъ?

— Да...

— Дадутъ? недовѣрчиво спросила хозяйка.

— Разсчитываю. Я не для себя прошу.

— Ну, дай вамъ Богъ, Александръ Иванычъ!.. Сами вотъ терпите, а за мальчика хлопочите... Да и на счетъ его документа схлопочите, а то старшій дворникъ узнаетъ... Какъ бы не было непріятностей.

„Графъ“ обѣщалъ похлопотать и на счетъ документа — онъ пойдетъ сегодня же къ бывшему хозяину Антошки—и, поблагодаривъ квартирную хозяйку, хотѣлъ было уходить, какъ вдругъ она сказала, понижая голосъ:

— Вѣдь вы не при деньгахъ, кажется, Александръ Иванычъ!

— Не при деньгахъ, Анисья Ивановна, но передъ деньгами... А что?—шутливо спросилъ „графъ“.

— А то, что какъ же вы по дѣламъ будете ходить и по такой погодѣ... Ишь вѣдь дождь-то какой... Неравно и простудитесь... А вы бы въ конкѣ... И я съ полнымъ моимъ удовольствіемъ... Сколько вамъ будетъ угодно?.. Сорокъ копѣекъ, а то полтину?., Какъ получите, отдадите...

У „графа“ что-то защекотало въ горлѣ, и теплое благодарное чувство прилило къ сердцу, когда онъ отвѣтилъ:

— Ишь вы какая... заботливая, Анисья Ивановна... Сердечно благодарю васъ и не откажусь... Возьму двугривенный... Въ самомъ дѣлѣ... въ конкахъ удобнѣе...

Анисья Ивановна отдала деньги и предложила зонтикъ.

— Удобный зонтикъ, по крайней мѣрѣ, не промочитъ!

Но синій неуклюжій зонтикъ, видимо, шокировалъ „графа“, и онъ отказался.

Вернувшись къ себѣ, онъ засталъ ужъ Антошку вставшимъ и одѣтымъ въ свое тряпье, съ заспаннымъ лицомъ, полнымъ радости и счастія. Каріе его глазенки весело улыбались.

— Добраго утра, Антошка!—привѣтствовалъ его „графъ“, протягивая ему руку.—Хорошо спалъ?

— Добраго утра, графъ... А спалъ я чудесно, графъ.

— Ну что, здоровъ?

— Какъ есть вполнѣ... И спина не болитъ... Хучь сейчасъ на работу...

— Ишь ты выносливый какой... Вчера у тебя жаръ былъ... Я думалъ — заболѣешь, а ты какъ встрепанный... Что, здѣсь лучше, чѣмъ у дяденьки?..

Вмѣсто отвѣта, Антошка засмѣялся и вдругъ, охваченный радостнымъ благодарнымъ порывомъ, по привычкѣ нищенки, прильнулъ къ его рукѣ.

— Не надо... Не люблю,—промолвилъ „графъ“, отдергивая руку... Никогда этого не дѣлай... Слышишь?

— Вы не сердитесь, графъ. Я больше не буду!—виновато промолвилъ Антошка.

— Я не сержусь, голубчикъ!—улыбнулся „графъ“ и съ нѣжностью потрепалъ Антошку по плечу.

— Не прикажете ли чего сдѣлать, графъ? Сапоги ваши почистить? Комнату подмести?

— Прежде всего я прикажу тебѣ итти на кухню и хорошенько вымыться... Вотъ что я тебѣ прикажу... А вечеромъ я тебя сведу въ баню... Давно ты былъ въ банѣ?

— Давно... И не упомню когда... „Дяденька“ не посылалъ...

— Вотъ сегодня я поговорю съ твоимъ дяденькой...

— Зачѣмъ?—испуганно спросилъ Антошка.

— Возьму твой документъ.

— Какой документъ?

— Такой... У каждаго человѣка есть документъ, чтобы знали, кто онъ такой... А ты не бойся... Теперь твой дяденька ничего не смѣетъ тебѣ сдѣлать...

— А какъ онъ придетъ сюда?

— Не придетъ... Я его такъ припугну, что онъ и не подумаетъ прійти...

— Если бы и Нютку взять... Она ловкая дѣвчонка...

— О Нюткѣ, братецъ, потомъ подумаемъ...

Черезъ четверть часа оба пріятеля сидѣли за самоваромъ. „Графъ“ на постелѣ, а Антошка напротивъ, на стулѣ. Анисья Ивановна деликатно подала не одну булку, а еще и большую краюху ситнаго хлѣба... „Графъ“ выпилъ лѣниво стаканъ чая, покуривая скверную папироску, за то Антошка выпилъ цѣлыхъ три стакана, уписывая за обѣ щеки хлѣбъ.

— Сытъ?

— Сытъ совсѣмъ... Покорно благодарю...

Антошкѣ хотѣлось быть чѣмъ-нибудь полезнымъ „графу“, какъ-нибудь ему услужить, и онъ, увидавши на столѣ письма, проговорилъ:

— Прикажете снести, графъ?

— Въ такомъ костюмѣ?—засмѣялся „графъ“.

— Что жъ костюмъ? Я привыкъ... Я бы сбѣгалъ, графъ. Только дозвольте.

— Вижу, что сбѣгалъ бы... Лаской изъ тебя хоть веревки вей!..—вставилъ „графъ“ не совсѣмъ понятное для Антошки выраженіе.—А ты ужъ сегодня никуда не бѣгай, посиди дома... Видишь, какая погода... Я самъ письма разнесу и вообще пойду по разнымъ дѣламъ... Къ вечеру я вернусь... Обѣдать ты будешь съ хозяйкой, съ Анисьей Ивановной... Она, братъ, добрая, хорошая женщина Анисья Ивановна... Безъ меня ты можешь прибрать нашу комнату и помочь хозяйкѣ, если что нужно...

„Графъ“ сталъ одѣваться и, окончивъ одѣваніе, имѣлъ довольно внушительный видъ.

— Ну, что, Антошка, какъ ты находишь мой костюмъ... Хорошъ?

— Чего лучше! — отвѣчалъ восхищенный Антошка.

— Ну, и отлично!—засмѣялся „графъ“.—Кстати, ты не забылъ адреса той барыни, которая звала тебя за платьемъ?.. Я, быть можетъ, и ее навѣщу...

— Онъ у меня записанъ, — отвѣчалъ Антошка, доставая изъ кармана штановъ свою записную книжку...

— Ну-ка, давай ее сюда... Я посмотрю, какъ ты выучился писать... Гм... Недурно... весьма не-

дурно... „Скварцова.., Сергифская, 15“... Со временемъ можно будетъ и лучше... И выучимся... И писать, братъ, выучимся, и ариѳметикѣ, и исторіи... всему, Антошка, въ школѣ выучимся!—значительно проговорилъ „графъ“, заставляя Антошку вытаращить отъ изумленія глаза.

Онъ, признаться, подумалъ, что „графъ“ такъ себѣ... „хвастаетъ“, но изъ деликатности не заявилъ сомнѣнія на счетъ возможности исполнить такое обѣщаніе. „Графъ“ самъ нищенствовалъ — и вдругъ... школа... „Подико-сь все это денегъ стоитъ!“—подумалъ Антошка.

— Ну, братъ... объ этомъ послѣ поговоримъ... вечеркомъ... а пока до свиданія!

И „графъ“, надѣвъ чуть-чуть на бекрень свой цилиндръ, съ важнымъ и рѣшительнымъ видомъ вышелъ изъ комнаты, натягивая перчатки.

VIII.

„Графъ“ имѣлъ обыкновеніе рано утромъ выпивать рюмки двѣ водки. Хотя доктора и находили, что это вредно, но „графъ“, напротивъ, полагалъ, что это очень полезно. Нѣкоторый пріемъ алкоголя возбуждалъ его нервы, и онъ чувствовалъ себя бодрѣе и оживленнѣе.

Такъ какъ дома запаса водки не было, то первый визитъ „графа“ былъ въ заведеніе по близости, гдѣ онъ имѣлъ кредитъ.

— Съ добрымъ утромъ, Александръ Иванычъ!—любезно привѣтствовалъ его заспанный, пухлый сидѣлецъ.

„Графъ“ кивнулъ головой и проговорилъ:

— Стаканчикъ!

Проглотивъ стаканчикъ, онъ съ тѣмъ же небрежнымъ видомъ, съ какимъ, бывало, держалъ себя у Бореля или у Дюссо, кинулъ: — „за мной!“ и, дотронувшись до полей цилиндра, вышелъ на улицу.

Дождь лилъ немилосердно, и потому „графъ“ торопливо дошелъ до Офицерской и сѣлъ въ маленькую одноконную каретку-омнибусъ, которая повезла его по Казанской улицѣ до Невскаго. Оттуда онъ направился въ Большую Морскую и вошелъ въ подъѣздъ большого дома, гдѣ жилъ его братъ, тайный совѣтникъ Константинъ Ивановичъ Опольевъ.

Толстый раскормленный швейцаръ, съ отлично расчесанными холеными бакенбардами, которымъ могъ бы позавидовать любой директоръ департамента, съ нескрываемымъ презрѣніемъ оглядѣлъ „графа“ съ ногъ и до головы и хотѣлъ-было спровадить на улицу, какъ попрошайку, который не понимаетъ, куда лѣзетъ, какъ былъ рѣшительно пораженъ и озадаченъ высокомѣрнымъ тономъ, какимъ этотъ намокшій господинъ въ рыжемъ цилиндрѣ произнесъ.

— Эй... ты, швейцаръ!... Передай это письмо Константину Ивановичу... Да, смотри, немедленно...

Швейцаръ нехотя, съ брезгливой миной, протянулъ руку за письмомъ и съ умышленнымъ упорствомъ оглядывая костюмъ „графа“, проговорилъ не безъ презрительной нотки въ голосѣ:

— Если генералъ спроситъ, кто передалъ письмо, какъ сказать?

— Скажи, что... что... дальній родственникъ.

И, не спѣша, съ достоинствомъ испанскаго гранда, вышелъ изъ подъѣзда, оставивъ швейцара въ изумленіи, что у его превосходительства могутъ быть родственники, одѣтые какъ нищіе.

Дальнѣйшія посѣщенія „графомъ“ разныхъ швейцарскихъ, гдѣ его знали по прежнимъ визитамъ, нельзя было назвать особенно удачными.

Въ двухъ домахъ ему сообщили, что господа почиваютъ; въ двухъ—передали, что на письма никакого отвѣта не будетъ; въ трехъ ему выслали съ лакеями по рублю, а отъ кузины-княгини былъ деликатно переданъ конвертикъ. Онъ содержалъ въ себѣ зелененькую кредитку и маленькій листокъ почтовой бумажки, на которомъ были написаны карандашемъ слѣдующія слова:

„Желательно повидать мальчика“.

— Не вѣритъ!—прошепталъ „графъ“, запрятывая трехрублевую бумажку и записочку въ жилетный карманъ.

„Что жъ, когда Антошку приведемъ въ приличный видъ, можно его и послать къ княгинѣ Марьѣ Николаевнѣ... Пусть познакомится. Быть можетъ, что-нибудь и сдѣлаетъ!“—весело думалъ „графъ“, собираясь теперь сдѣлать визитъ къ „дяденькѣ“.

Былъ четвертый часъ. „Графъ“ порядочно-таки усталъ послѣ своихъ посѣщеній нѣсколькихъ домовъ въ разныхъ частяхъ города и проголодался. Но онъ рѣшилъ прежде закончить свою программу дѣйствій на сегодняшній день и потомъ уже пообѣдать.

Дождь пересталъ. „Графъ“ на Михайловской поднялся на имперіалъ конки и поѣхалъ на Пески.

Иванъ Захаровичъ и его супруга были дома, и оба находились въ дурномъ расположеніи духа. „Дяденька“ курилъ молча, безъ обычнаго благодушія, былъ совершенно трезвъ и не выказывалъ обычной нѣжности своей „Машенькѣ“. Онъ даже сегодня не ходилъ въ трактиръ, чтобы почитать газету и побесѣдовать о политикѣ и о разныхъ отвлеченныхъ предметахъ съ прикащикомъ. Въ свою очередь и Машенька была угрюма и зла и, грязная и нечесанная, съ подвязанной щекой отъ ожога, сидѣла за пологомъ и взглядывала по временамъ въ окно на дворъ.

Бѣгство Антошки безпокоило обоихъ по весьма уважительнымъ причинамъ.

Во-первыхъ, Антошка представлялъ собой и весьма доходную статью ихъ бюджета, и потеря такого „племянника“ затрогивала довольно чувствительно ихъ матеріальные интересы. Во-вторыхъ— и это, пожалуй, волновало супруговъ не менѣе— у обоихъ мелькали непріятныя мысли, какъ бы изъ за этого „неблагодарнаго подлеца“, забывшаго всѣ оказанныя ему благодѣянія (на это особенно напиралъ Иванъ Захаровичъ, цѣнившій, какъ извѣстно, высокія чувства) не вышло какихъ-нибудь серьезныхъ непріятностей съ полиціей и даже съ сыскнымъ отдѣленіемъ, близкое знакомство съ которымъ не очень-то улыбалось Ивану Захаровичу, имѣвшему уже случаи въ своей жизни раза два побывать тамъ.

Этотъ „разбойникъ“ не даромъ грозился, что найдетъ управу и, чего добраго, заведетъ какую-нибудь кляузу...

— Ддда... неблагодарный и подлый, можно ска-

зать, нынѣ народъ!—наконецъ проговорилъ Иванъ Захаровичъ

Реплики со стороны жены не послѣдовало, и Иванъ Захаровичъ снова задумчиво курилъ папироску.

Оба супруга не прочь бы явить Антошкѣ снисхожденіе и избить его не особенно сильно, не смотря на укушенную ногу и ошпаренное лицо, если бы только онъ явился съ повинной. Иванъ Захаровичъ даже нѣсколько сердился на жену за то, что она вчера его „настроила“ противъ Антошки, и размышлялъ теперь о томъ, что благоразуміе требуетъ не очень-то сильно валять ремнемъ и что слѣдуетъ при „выучкахъ“ остерегаться пускать въ ходъ пряжку, во избѣжаніе знаковъ на тѣлѣ, весьма замѣтныхъ при медицинскомъ осмотрѣ.

Вообще, Иванъ Захаровичъ, не смотря на сознаніе необходимости грозной власти въ своемъ заведеніи, обнаруживалъ, какъ большая часть жестокихъ людей, трусливую подлость въ этотъ день.

Оба супруга съ утра поджидали Антошку и часто поглядывали въ окно. Отпуская утромъ своихъ „пансіонеровъ“ на работу, Иванъ Захаровичъ былъ со всѣми необычно ласковъ и многихъ снабдилъ одеждой и обувью, болѣе соотвѣтствующими осенней погодѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ своимъ питомцамъ, въ случаѣ, если кто изъ нихъ встрѣтитъ Антошку, передать ему, что „дяденька“ нисколько на него не сердится и охотно проститъ его, если онъ вернется домой.

И, какъ опытный правитель въ духѣ Макіавелли, понимающій, что дурные примѣры, подобные Антош-

кину бѣгству, заразительны, и что послѣ нѣжныхъ словъ не мѣшаетъ и угроза, прибавилъ, обращаясь къ своимъ маленькимъ покорнымъ подданнымъ:

— Я, жалѣючи его, говорю. А то хуже будетъ, когда городовой его приволокетъ за шиворотъ. А приволокетъ безпремѣнно, потому какъ Антошка и всѣ вы въ полномъ моемъ распоряженіи и обязаны по закону мнѣ повиноваться... Ну, а тогда не пеняй... Не прощу! — не безъ энергіи закончилъ Иванъ Зхаровичъ свою правительственную рѣчь.

По случаю дурной погоды „дяденька“ милостиво разрѣшилъ своимъ воспитанникамъ вернуться пораньше. Къ тремъ часамъ всѣ почти вернулись.

Никто Антошки не встрѣчалъ.

— Этакій подлецъ!—сердито проворчалъ Иванъ Захаровичъ.

Въ эту минуту въ прихожей звякнулъ звонокъ.

Иванъ Захаровичъ самъ пошелъ отворять, по дорогѣ плотно затворивъ двери комнаты, въ которой помѣщались его питомцы.

Увидавъ незнакомаго человѣка, костюмъ котораго не внушалъ большого уваженія и въ то же время успокоивающимъ образомъ подѣйствовалъ на Ивана Захаровича, онъ все-таки по привычкѣ съ пытливой подозрительностью взглянулъ на вошедшаго, словно желая опредѣлить его житейское положеніе, и довольно холодно освѣдомился, что ему угодно.

— Мнѣ угодно переговорить съ вами по одному дѣлу, — сухо и рѣзко проговорилъ „графъ“, какъ будто не замѣчая протянутой ему руки.

Душа Ивана Захаровича ушла въ пятки.

„Ужъ не агентъ ли сыскной полиціи!“ — пробѣжало въ его головѣ.

И онъ, нѣсколько смущенный, понижая голосъ до конфиденціальнаго шепота, уже самымъ любезнымъ, заискивающимъ тономъ просилъ „графа“ пожаловать въ комнату.

— Машенька! Выдь на минутку! — значительно проговорилъ онъ, обращаясь къ женѣ, и когда та прошмыгнула мимо гостя въ двери, предложилъ ему присѣсть и снова бросилъ на него пристальный взглядъ.

Тутъ, въ комнатѣ, при свѣтѣ лампы, онъ лучше осмотрѣлъ и костюмъ графа, и его испитое лицо, и ему показалось, что онъ гдѣ-то видѣлъ этого господина...

„Графъ“, между тѣмъ, не предъявлялъ своего агентскаго билета, и Иванъ Захаровичъ все болѣе и болѣе сомнѣвался, что передъ нимъ агентъ. Онъ, слава Богу, видывалъ ихъ! И, словно досадуя на свой напрасный страхъ, онъ сѣлъ на стулъ противъ „графа“ и не безъ нѣкоторой фамильярности сказалъ:

— Такъ по какому такому дѣлу пожаловали, господинъ?.. Извините, не имѣю удовольствія знать, кто вы такой... А я съ незнакомыми никакихъ дѣловъ не веду... Да и, прямо ежели сказать, никакими дѣлами не занимаюсь.

— Я пришелъ получить у васъ метрическое свидѣтельство Антошки...

— Что-съ?..

— Слышали, кажется...

— Какого такого Антошки, позвольте узнать-съ?— нахально спросилъ Иванъ Захаровичъ, стараясь скрыть вновь овладѣвшее имъ безпокойство.

— А того Антошки, который ходилъ отъ васъ съ ларькомъ, и котораго вы вчера истязали ремнемъ и чуть не задушили... Нога ваша, вѣроятно, уже зажила?—насмѣшливо прибавилъ „графъ“.

— Позвольте, однако, спросить, кто вы такой будете и по какимъ такимъ правамъ требуете документъ моего родного племянника?

— Не лгите. Онъ вамъ не племянникъ... Я знаю!—увѣренно произнесъ „графъ“.

Иванъ Захаровичъ смутился.

— Все равно, вмѣсто родного. Я его воспиталъ. А вы, что ли, сродственникъ ему?—насмѣшливо кинулъ онъ.

— Нѣтъ, я мальчика давно знаю и принимаю въ немъ участіе... Въ немъ принимаютъ участіе и другія лица, и Антошка теперь находится у моей двоюродной сестры, княгини Моравской,—пугнулъ „графъ“, замѣтивъ, съ какимъ трусомъ имѣетъ дѣло.

Иванъ Захаровичъ недовѣрчиво взглянулъ на „графа“. Костюмъ его не свидѣтельствовалъ о родствѣ съ князьями, но въ то же время въ манерѣ этого господина было что-то барское и внушительное. Это Иванъ Захарычъ сообразилъ.

— А вы чѣмъ изволите быть?..

— Я... штабъ-ротмистръ лейбъ-гвардіи уланскаго Его Величества полка въ отставкѣ, Опольевъ. Можете, если хотите удостовѣриться... Вотъ мой указъ объ отставкѣ.

— Что мнѣ удостовѣряться?.. Только я документа не отдамъ. Нашли, съ позволенія сказать, дурака? По какой-такой причинѣ я отдамъ вамъ документъ?.. Довольно даже странно, что вы, господинъ, вмѣшиваетесь въ чужія дѣла... Я тоже права имѣю.

— Какъ знаете!—промолвилъ, вставая, „графъ“,—но только помните, что завтра же утромъ я подамъ заявленіе градоначальнику!—прибавилъ „графъ“ и направился къ двери.

Эта угроза произвела на Ивана Захаровича впечатлѣніе, и онъ сказалъ:

— Позвольте, сударь... Зачѣмъ же градоначальнику?.. Если мнѣ уплатятъ за содержаніе этого подлеца—какъ передъ Богомъ говорю, что Антошка неблагодарная тварь — я готовъ развязаться съ нимъ... Ну его... а то, согласитесь, за что же разорять бѣднаго человѣка...

— Мнѣ некогда съ вами разговаривать. Документъ, или завтра же вы будете въ сыскномъ отдѣленіи... И вообще я совѣтовалъ бы вамъ перемѣнить родъ занятій!—внушительно прибавилъ „графъ“...

— Какія такія занятія, позвольте спросить?

— А заведеніе чужихъ дѣтей, которыхъ вы посылаете нищенствовать...

— Всякому надо кормиться... И дѣти у меня, слава Богу, ничѣмъ не обижены.... всѣмъ довольны...

— И тѣмъ, что вы ихъ порете?.. Ну, довольно... Отдаете документъ или нѣтъ?

Черезъ пять минутъ „графъ“ вышелъ, получивъ подъ росписку метрическое свидѣтельство Антошки.

Струсившій и растерявшійся Иванъ Захаровичъ, провожая „графа“, униженно просилъ не поднимать исторіи и обѣщалъ серьезно подумать о перемѣнѣ занятій.

— Дѣйствительно, безпокойное занятіе, сударь... Того и гляди, изъ-за какого-нибудь неблагодарнаго мальчишки получишь однѣ непріятности!—говорилъ Иванъ Захаровичъ.

„Графъ“ возвращался въ конкѣ съ Песковъ, очень довольный, что дѣло съ этимъ „мерзавцемъ“ было покончено такъ скоро и легко. Онъ не ожидалъ, что „дяденька“ окажется такимъ трусомъ и отдастъ документъ первому встрѣчному, который пугнетъ его. Теперь можно и пообѣдать. Но прежде „графъ“ рѣшилъ, не смотря на голодъ, свершить маленькую вечернюю экскурсію въ одну изъ людныхъ улицъ и, глядя по успѣху, позволить себѣ болѣе или менѣе роскошное меню обѣда.

Деньги, бывшія у „графа“ въ карманѣ, онъ считалъ Антошкиными и взять изъ нихъ на обѣдъ считалъ возможнымъ только въ случаѣ крайней необходимости.

Доѣхавъ до Михайловской, онъ пошелъ по лѣвой сторонѣ Невскаго и сдѣлалъ нѣсколько предложеній одолжить ему какую-нибудь монетку. Не смотря на то, что предложенія эти дѣлались и по-русски, и по-французски, и по-нѣмецки, ни одна душа не одолжила „графа“, и онъ повернулъ въ Большую Морскую.

У ресторана Кюба онъ замѣтилъ господина въ путейской формѣ, выходившаго съ какой-то дамой изъ подъѣзда ресторана со стороны Кирпичнаго переулка, и быстро очутился возлѣ инженера. При свѣтѣ фонаря онъ разглядѣлъ веселое, жизнерадостное молодое еще лицо съ сѣдоватыми волосами, выбивавшимися изъ-подъ фуражки. Инженеръ оживленно и громко что-то говорилъ дамѣ подъ густой вуалью.

— Господинъ инженеръ,—проговорилъ почти на ухо „графъ“ своимъ сипловатымъ баскомъ—не откажите послѣ устрицъ одолжить монетку на скромный обѣдъ... Премного обяжете...

Инженеръ, дѣйствительно, только что ѣвшій съ своей дамой устрицы, какъ-то торопливо полѣзъ въ жилетный карманъ, взглядывая нѣсколько сконфуженными, ласковыми и наблюдательными глазами на страннаго господина и, смѣясь, спросилъ:

— А вы развѣ не одобряете устрицъ и тѣхъ людей, которые ихъ ѣдятъ?

— Устрицы весьма одобряю, особенно съ хорошимъ шабли или съ максотеномъ sec, заѣдая стильтономъ или рокфоромъ... Благодарю васъ!—прибавилъ „графъ“, получая, къ крайнему изумленію, не монетку, а бумажку, и слегка приподнимая шляпу.

— Не за что... Эй, Иванъ... подавай!—крикнулъ инженеръ лихачу-извощику.

— Виноватъ...—вдругъ заговорилъ „графъ“, снова подходя къ инженеру.—Вы, разумѣется, ошиблись.

— Въ чемъ?

— Это не канарейка, а синенькая... Возьмите назадъ, чтобъ послѣ не раскаяваться!—иронически вымолвилъ „графъ“, протягивая инженеру бумажку.

— Я не ошибся... Я и хотѣлъ одолжить вамъ именно пять рублей!—необыкновенно мягко и ласково отвѣчалъ инженеръ, не безъ удивленія посматривая на этого страннаго субъекта.

— Не ошиблись? Въ такомъ случаѣ я кладу деньги въ карманъ и позволю себѣ замѣтить, что вы представляете собою рѣдкій примѣръ легкомыслія и расточительности, по нынѣшнимъ временамъ... Первый разъ въ теченіи моей практики я дѣлаю такой громадный заемъ на улицѣ... Удивительно!.. Всего хорошаго... Всякихъ успѣховъ...

— Вы, однако, большой оригиналъ!—замѣтилъ инженеръ, заинтересованный графомъ...

— Ника, ѣдемъ!—торопила дама.

— До свиданія!—крикнулъ инженеръ...

— Мое почтеніе!

„Графъ“ приподнялъ шляпу и нѣсколько мгновеній смотрѣлъ вслѣдъ удаляющемуся экипажу удивленными глазами.

— Вѣрно очень счастливъ сегодня!—прошепталъ онъ, трогаясь съ мѣста.

Въ виду такого неожиданнаго благополучія „графъ“ считалъ вправѣ позволить себѣ рѣдкую роскошь—пообѣдать, какъ слѣдуетъ, въ трактирѣ, а не въ закусочной, и даже выпить полъ-бутылки крымскаго бордо. Давно ужъ онъ не пилъ вина!

И онъ направился въ одинъ изъ маленькихъ, ресторановъ на Гороховой, предвкушая удовольствіе полакомиться вкусными блюдами и глотая слюнки при мысли о нѣсколькихъ рюмкахъ водки передъ аппетитной закуской. Куда ни шло, онъ кутнетъ рубля на полтора.

Спасибо легкомысленному инженеру!

IX.

Его превосходительство Константинъ Ивановичъ Опольевъ уже сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ своемъ большомъ, внушительномъ кабинетѣ, убранномъ въ строго-солидномъ стилѣ, гладко выбритый, свѣжій и хорошо сохранившійся, не смотря на свои пятьдесятъ два года и многочисленныя занятія, въ щегольски сшитомъ утреннемъ костюмѣ, и прилежно занимался, обложенный дѣлами въ синихъ папкахъ, съ большимъ краснымъ карандашомъ въ красивой

холеной рукѣ съ большими крѣпкими ногтями, — когда въ дверяхъ кабинета показался въ это утро его камердинеръ Егоръ съ письмомъ на маленькомъ серебряномъ подносѣ въ рукахъ.

Неслышно ступая въ своихъ мягкихъ башмакахъ, Егоръ приблизился къ столу и положилъ на край его письмо „графа“.

Опольевъ поднялъ лицо, красивое, смуглое, серьезное лицо, окаймленное такими же вьющимися и засѣдѣвшими черными волосами, какъ и у младшаго брата, съ большими темными глазами, надъ которыми красивыми дугами темнѣли густыя брови, сходившіяся у переносицы.

— Письмо вашему превосходительству!

— Хорошо!—промолвилъ Опольевъ низковатымъ пріятнымъ голосомъ и, взявъ въ руки письмо, не спѣша и аккуратно взрѣзалъ конвертъ ножомъ слоновой кости.

Брезгливая улыбка слегка искривила его губы, когда онъ читалъ письмо брата. Онъ отложилъ письмо, пожалъ плечами, и снова принялся за работу.

Однако, минуту спустя, его превосходительство подавилъ пуговку электрическаго звонка и, когда явился Егоръ, спросилъ:

— Кто принесъ это письмо?

— Не могу знать. Швейцаръ подалъ.

— Узнайте.

Егоръ скоро вернулся и доложилъ, что письмо подалъ какой-то очень скверно одѣтый господинъ и...

Камердинеръ видимо затруднялся продолжать.

— И что же?..

— Онъ назвался...

— Ну, говорите же, кѣмъ онъ назвался?—нетерпѣливо допрашивалъ Опольевъ.

— Дальнимъ родственникомъ вашего превосходительства, — словно бы извиняясь, что обязанъ передать такое неправдоподобное извѣстіе,—проговорилъ Егоръ и даже позволилъ себѣ улыбнуться.

„По крайней мѣрѣ, имѣлъ стыдъ не назваться братомъ!“ — облегченно подумалъ его превосходительство.

И сказалъ:

— Позовите сюда швейцара.

Когда швейцаръ явился, Опольевъ тихимъ ровнымъ и спокойнымъ тономъ, какимъ всегда говорилъ съ прислугой, произнесъ:

— Если господинъ, который принесъ утромъ письмо, придетъ еще когда-нибудь, не принимайте отъ него писемъ и никогда не пускайте его. Поняли?

— Понялъ, ваше превосходительство.

— Можете итти.

Швейцаръ повернулся почти по военному и исчезъ.

Его превосходительство вновь принялся за работу.

Часа черезъ полтора онъ поднялся съ кресла, слегка перегнулся, расправилъ свою уставшую спину и, взявъ со стола письмо, легкой, молодцоватой походкой, чуть-чуть перекачиваясь, прошелъ черезъ рядъ комнатъ въ столовую.

Тамъ за чайнымъ столомъ сидѣла жена Опольева, полноватая, довольно красивая еще, блондинка, въ кольцахъ на пухлыхъ бѣлыхъ рукахъ, съ пышнымъ бюстомъ и туго перетянутой тальей, и молоденькая дѣвушка въ черномъ шерстяномъ платьѣ, свѣжая, худенькая брюнетка съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя не столько красивы, сколько при-

влекательны. Особенно привлекательны были эти большіе темно-сѣрые глаза, опушенные длинными рѣсницами, ясные, дѣтски-довѣрчивые и въ то же время будто пугливые.

— Здравствуй, Anette! Здравствуй, Ниночка!— привѣтствовалъ своихъ Опольевъ.

И его серьезное, строгое лицо прояснилось ласковой улыбкой, и ровный, нѣсколько монотонный голосъ его зазвучалъ мягкими звуками.

Онъ поцѣловалъ благоухающую руку жены, горячо поцѣловалъ дочь и присѣлъ къ столу.

— Ну, что, хороша была вчера опера? Тебѣ понравилась, Нина?

— Очень, папа.

— Музыка или пѣвцы?

— Музыка...

— И я вчера хотѣлъ попасть въ театръ, да засѣданіе коммиссіи затянулось... На, вотъ, прочитай-ка это письмо, Anette,—вдругъ, хмурясь, проговорилъ Опольевъ, передавая письмо женѣ...

— А все-таки жаль!—слегка пѣвучимъ голосомъ протянула жена, окончивъ чтеніе письма.

— А мнѣ нисколько не жаль!—рѣзко и докторально отвѣтилъ Опольевъ, видимо недовольный мнѣніемъ жены.—Совсѣмъ не жаль! Человѣкъ, который дошелъ до положенія скота, нисколько не заслуживаетъ моего сожалѣнія, хотя бы онъ былъ и близкій мой родственникъ. Нисколько! И я не понимаю этихъ узъ крови, совсѣмъ не понимаю и не чувствую ихъ. Коль скоро человѣкъ опозорилъ и себя, и всю семью такъ, какъ вотъ этотъ господинъ... (его превосходительство указалъ пальцемъ на письмо, лежавшее около Анны Павловны), то

нечего и разсчитывать на какія-то узы... Мнѣ не денегъ жаль... какіе-нибудь двадцать рублей не бѣда бросить... но принципъ... понимаешь ли, принципъ...

— Но послушай... вѣдь онъ обращается къ тебѣ въ первый разъ послѣ того, какъ ты,—помнишь—такъ круто отнесся къ нему... И наконецъ, вѣдь онъ не для себя, а для какого-то мальчика...

— Ты вѣришь... этому мальчику?—засмѣялся тихимъ жесткимъ смѣхомъ Опольевъ.—Ну, милая, ты довольно легковѣрна... Ему на пьянство надо, вотъ для чего... Помилуй, человѣкъ не глупый, который послѣ своего паденія могъ бы какъ-нибудь устроиться... жить честнымъ трудомъ... работать, какъ всѣ мы работаемъ, дошелъ до того, что по вечерамъ останавливаетъ прохожихъ и проситъ подаянія...

— Неужели это правда?.. Мнѣ говорила Маріе, но я не повѣрила..

— Къ сожалѣнію, правда... И ты хочешь, чтобъ я такимъ помогалъ?.. Да я готовъ помочь всякому чужому, но сколько-нибудь порядочному человѣку, но только не этому пропойцѣ... Никогда! Дай ему разъ, онъ повадится... Эти люди наглы и лживы... Покойный батюшка не даромъ его проклялъ— а отецъ былъ твердыхъ правилъ человѣкъ! И я не хочу его знать... Чортъ съ нимъ... Пусть пропадаетъ... Такіе люди не нужны обществу...

— Онъ самъ приходилъ?—спросила жена, восхищенная убѣдительными краснорѣчивыми словами мужа и его умомъ.

— Вообрази... имѣлъ наглость прійти самъ... Еще, слава Богу, пощадилъ... назвался только даль-

нимъ родственникомъ... Я приказалъ швейцару никогда больше его не пускать и не принимать никакихъ писемъ!—заключилъ Опольевъ...

Молодая дѣвушка, слышавшая что-то смутно о „погибшемъ дядѣ“, внимала жестокимъ словамъ любимаго отца съ какимъ-то невольнымъ чувствомъ сомнѣнія и, вся притихшая, какъ-то пугливо взглядывала на него.

— Ну, однако, мнѣ пора въ министерство... До свиданія, милыя!—промолвилъ Опольевъ и, сдѣлавъ прощальный жестъ, вышелъ...

— Мама! Позволь мнѣ прочитать это письмо... Можно?

Мать передала молодой дѣвушкѣ письмо.

Та прочитала его и сказала:

— Мама! Папа ошибается... Такъ не пишутъ обманщики. Дядя навѣрное проситъ не для себя, а для мальчика... Грѣшно не помочь!—прибавила дѣвушка, и лицо ея подернулось тихою грустью.

— Ты слышала, что папа говорилъ?

— Слышала... А все-таки папа не правъ... Необходимо помочь!—рѣшительно произнесла дѣвушка.—И дядѣ, и мальчику...

— Отецъ всегда правъ!—строго проговорила мать.

Наступило молчаніе.

X.

Только благодаря сознанію важности принятыхъ на себя обязанностей, „графъ“ въ этотъ вечеръ обнаружилъ воистину героическую силу характера, ограничившись всего пятью рюмками водки и полубутылкой краснаго вина.

Давно ужъ онъ не ѣлъ такого вкуснаго обѣда, напомнившаго ему лакомыя блюда былыхъ временъ, давно ужъ не позволялъ себѣ такой роскоши, какъ вино. И онъ ѣлъ съ аппетитомъ проголодавшагося человѣка, соблюдая, однако, видъ джентльмена, имѣющаго обыкновеніе обѣдать болѣе или менѣе хорошо каждый день.

„Графъ“ нѣсколько оживился, покончивъ обѣдъ. Глаза его слегка блестѣли пьянымъ блескомъ. Онъ чувствовалъ потребность завершить обѣдъ маленькой чашкой кофе и, разумѣется, съ рюмкой коньяку.

Одну только рюмочку... всего одну!

Но въ тотъ самый моментъ, когда „графъ“ величественнымъ жестомъ руки подозвалъ лакея, чтобы отдать соотвѣтствующее приказаніе, въ головѣ его, весьма кстати, пронеслась мысль объ Антошкѣ, и вслѣдъ затѣмъ онъ вспомнилъ, что коньякъ, особенно недурной, можетъ увлечь его далеко за предѣлы благоразумія и бюджета и значительно отдалить время возвращенія домой... За одной рюмкой любимаго имъ напитка можетъ послѣдовать другая, третья, четвертая, и тогда... что будетъ тогда съ Антошкиными деньгами, и гдѣ онъ самъ проведетъ ночь?

— Что прикажете?—довольно небрежно освѣдомился лакей, точно сконфуженный, что ему пришлось служить такому подозрительному господину.

Душевная борьба видимо еще не кончилась, потому что „графъ“ не сразу отвѣчалъ, что ему угодно.

Еще секунда, другая, и онъ рѣшительно спросилъ:

— Что съ меня слѣдуетъ?

— Рубль шестьдесятъ пять копѣекъ.

— Сдачи не надо!—небрежно кинулъ „графъ“, подавая два рубля, и торопливо вышелъ изъ ресторана, словно бы боялся, что рѣшеніе его можетъ внезапно измѣниться.

Вернулся онъ домой, чуть-чуть захмѣлѣвшій, но совершенно твердый на ногахъ. Онъ былъ возбужденно веселъ и доволенъ собой, какъ человѣкъ, избѣжавшій серьезной опасности.

— Ну вотъ и я, Антошка! Здравствуй, братъ!— весело проговорилъ „графъ“, входя въ комнату и выкладывая на столъ нѣсколько свертковъ, многочисленность которыхъ нѣсколько удивила обрадованнаго появленіемъ „графа“ Антошку.

— Зазябли, графъ?..

— Нисколько... ничуть... Чувствую, братъ, себя превосходно... Теперь мы съ тобой обезпечены на недѣлю чаемъ и сахаромъ!—сказалъ „графъ“, похлопывая рукой по двумъ сверткамъ...—Четверть фунта чая и пять фунтовъ сахара!... А вотъ тутъ кое-что и для тебя есть, Антошка! — ласково подмигнулъ „графъ“.—Останешься доволенъ.

Онъ снялъ шляпу, снялъ пальто, бережно повѣсилъ на гвоздь и потрепалъ Антошку по щекѣ.

— Вѣрно, сегодня хорошо работали съ письмами, графъ?—спросилъ Антошка съ участьемъ.

— Недурно работалъ, какъ ты выражаешься,— засмѣялся „графъ“... — И съ письмами, и такъ... благодаря ораторскому искусству... А ты, пожалуй, правильнѣе смотришь на вещи, называя это работой. Собственно говоря, такое занятіе—очень непріятная и тяжелая работа, хотя люди и называютъ насъ нищими бездѣльниками! Пусть-ка его

превосходительство, мой братецъ, попробуетъ такой работы... Ха-ха-ха!.. Да, сегодня я недурно работалъ, Антошка... Однако, не такъ хорошо, какъ надѣялся...

— Не на всѣ письма былъ отвѣтъ?

— Ты сообразительный мальчикъ! Именно не на всѣ... Но все-таки для начала твоей экипировки кое-что получено... Можно тебѣ и нѣсколько бѣлья сдѣлать, и сапоги купить и даже пріобрѣсти у татарина какую-нибудь принадлежность костюма. Напримѣръ, жакетку или панталоны, что ли... Сразу, братъ, полное благополучіе не достигается... Нѣтъ! Но ты этимъ не смущайся... Я тебѣ весь костюмъ сдѣлаю и полушубокъ куплю! Непремѣнно и въ скоромъ времени! — увѣренно повторилъ „графъ“, ласково глядя на Антошку.—А пока, вотъ попробуйка-ка эту штучку,—прибавилъ „графъ“, вынимая изъ одного изъ пакетовъ красную пастилку.

Антошка рѣшительно былъ подавленъ такою заботой объ его костюмѣ и такимъ вниманіемъ. Эта заботливость трогала и смущала его тѣмъ болѣе, что пальто самого „графа“, по мнѣнію Антошки, не должно было въ достаточной степени защищать отъ холода.

Онъ быстро проглотилъ вкусную „штучку“ и молчалъ, не находя словъ для изъявленія благодарности, и въ то же время недоумѣвалъ, какъ это „графъ“ можетъ такъ хорошо „работать“, чтобы съ такою увѣренностью говорить о полушубкѣ, и почему онъ до сихъ поръ не позаботился о собственномъ пальто. Это, казалось ему, было непростительной ошибкой съ его стороны.

— Мнѣ вовсе не надо полушубка. Зачѣмъ мнѣ

полушубокъ, ежели вы не будете посылать меня на работу?—вымолвилъ, наконецъ, Антошка.—Мнѣ никакого даже костюма не надо... Здѣсь тепло... Вотъ вамъ, графъ, ежели, напримѣръ, къ пальту да теплый воротникъ...

— Обо мнѣ не безпокойся, добрый мой мальчикъ,—возразилъ „графъ“, тронутый такою деликатностью Антошки. — Я знаю секретъ, какъ согрѣться, если очень холодно...

— И я знаю, графъ.

— Ты? Какой же твой секретъ?

— Я пробовалъ. Бывало, заколѣешь отъ холода, выпьешь шкаликъ, и будто теплѣе...

— Никогда больше не пробуй, Антошка!—строго и торжественно сказалъ „графъ“, и прибавилъ. —Ахъ, бѣдный, бѣдный! Такой маленькій и ужъ согрѣвался водкой!

— Никакъ нельзя было по нашей работѣ иной разъ не выпить,—оправдывался Антошка.—И меньше меня мальчики пили...

— Теперь у тебя такой работы не будетъ... слышишь? И ты дай мнѣ слово, что никогда больше не прикоснешься къ водкѣ, чтобъ не огорчить меня... Дашь?

— Убей меня Богъ, если я прикоснусь!—горячо воскликнулъ Антошка и перекрестился.—Да я и не люблю ея... Только горло деретъ...

— То-то... Нечего и любить подлую! — какъ-то грустно и значительно протянулъ „графъ“.

Онъ сталъ раздѣваться и, облачившись въ халатъ, присѣлъ къ столу и спросилъ:

— Ну разсказывай, Антошка, что ты безъ меня дѣлалъ? Скучно было?

Антошка не безъ нѣкоторой гордости объявилъ, что онъ не сидѣлъ, сложа руки. Утромъ прибралъ комнату, вытопилъ печь, потомъ помогалъ кое въ чемъ Анисьѣ Ивановнѣ, и вотъ теперь занялся книжкой.

— Ай да молодчина, Антошка! Хвалю, что не сидѣлъ въ праздности. Праздность—мать всѣхъ пороковъ... Не слыхалъ объ этомъ?... Ну, а теперь скажи: ѣсть хочешь?

— Нѣтъ, я сытъ. Только что ужиналъ. Анисья Ивановна дала мнѣ горячихъ щей и мяса... Преотличные!

— А я тебѣ ветчины принесъ... Ну, все равно, завтра поѣшь... И документъ твой принесъ...

— Получили?—воскликнулъ Антошка.

— Получилъ.

— И видѣли ихъ?

— И видѣлъ. Вѣдьма-то твоя съ подвязанной щекой ходитъ,—ловко ты, братъ, ее ошпарилъ!—а дяденька прихрамываетъ!—присочинилъ „графъ“, желая доставить Антошкѣ удовольствіе. — Бумага твоя здѣсь, у меня. Припугнулъ я этого мерзавца... Теперь ты, Антошка, вольный россійскій гражданинъ... Дяденьки не бойся... Онъ ничего не смѣетъ тебѣ сдѣлать... Тю-тю твой дяденька! И вовсе онъ тебѣ не дяденька и никогда имъ не былъ... То-то... Ну, а теперь будемъ чай пить и бесѣдовать... А чай будемъ пить съ вареньемъ... Любишь варенье?.. И калачи есть... Ставь-ка скорѣй самоваръ... Умѣешь?

— Еще бы не умѣть!—весело отвѣчалъ Антошка.

— Да попроси ко мнѣ Анисью Ивановну...

Безконечно обрадованный, что ненавистный „дяденька“ теперь не смѣетъ взять его къ себѣ, Антошка со всѣхъ ногъ полетѣлъ на кухню и, передавъ Анисьѣ Ивановнѣ приглашеніе „графа“, принялся ставить самоваръ съ какимъ-то ожесточеніемъ усердія.

Ахъ, какъ было радостно и свѣтло теперь на душѣ у Антошки и какъ казалось ему лучезарно будущее!.. А главное, какъ хотѣлось ему отблагодарить „графа“, къ которому онъ чувствовалъ такую горячую любовь, что готовъ былъ для „графа“ на все...

„Хотя бы еще такую порку выдержать, какъ третьяго дня!“—мысленно рѣшилъ Антошка, придумывая какъ бы онъ могъ доказать свою преданность...

И пока онъ раздувалъ уголья, въ головѣ его бродили, смѣняясь одна другой, самыя смѣлыя мечты о томъ, какъ онъ потомъ купитъ „графу“ шубу и найметъ ему комнату побольше... Какъ онъ избавитъ его отъ работы, которая ему почему-то кажется тяжелой и непріятной, хотя, казалось ему, что особенно непріятнаго нѣтъ—писать письма и получать въ отвѣтъ деньги. И не особенно тяжело, если только тепло одѣться, попросить на улицѣ у хорошо одѣтыхъ людей... Что имъ стоитъ дать пятачекъ?.. По крайней мѣрѣ, когда онъ работалъ въ нищенкахъ, онъ нисколько не стѣснялся... Но „графъ“ не хочетъ, чтобы Антошка такъ работалъ, и Антошка, конечно, не будетъ... „Графъ“ худу не научитъ. Только бы поскорѣй ему поучиться читать и писать, а тамъ онъ найдетъ мѣсто... Онъ поступитъ въ прикащики въ лавку. Чего луч-

ше? А то сдѣлается газетчикомъ... тоже недурно... Во всякомъ случаѣ онъ позаботится о добромъ „графѣ“. И Анисья Ивановна пусть вмѣстѣ живетъ... И Нютка тоже... То-то будетъ отлично!

И Антошка находился въ такомъ альтруистическомъ настроеніи, что въ своихъ ребячьихъ мечтахъ ни разу не вспомнилъ ни о дяденькѣ, ни о вѣдьмѣ, и въ данную минуту далекъ былъ отъ мысли засадить перваго въ острогъ, а вторую бросить подъ конку.

XI.

„Графъ“ усадилъ Анисью Ивановну на стулъ и, предложивъ ей полакомиться пастилой, совѣтовался съ ней на счетъ того, что можно сдѣлать для Антошки на семь рублей.

Анисья Ивановна приняла живое участье въ этомъ дѣлѣ и кстати похвалила мальчика. Сегодня онъ самъ вызвался ей помогать и дѣлалъ все со стараніемъ. Она предложила свои услуги по части бѣлья. На два рубля она купитъ холста и сошьетъ ему по парѣ рубахъ, исподнихъ и подвертокъ.

— А за два рубля, Александръ Иванычъ, можно купить въ рынкѣ сапоги, а на три цѣлый костюмъ для мальчика. Вотъ и обули, и одѣли...

— Вы говорите: можно? Отлично! Только за глаза трудно покупать... Итти-то ему не въ чемъ.

Но и это затрудненіе было улажено. Анисья Ивановна обѣщала попросить у дворника пальтецо и сапоги его сынишки. Онъ одного роста съ Антошкой.

„Графъ“ горячо благодарилъ хозяйку. Отдавая

ей два рубля, онъ передалъ ей еще полтинникъ, чтобъ покончить маленькіе счеты.

— Да вы не торопитесь, Александръ Иванычъ. Мнѣ пока деньги не нужны, а у васъ большіе расходы.

— Пожалуйста,—настоялъ „графъ“.— У меня есть въ виду значительная получка, Аксинья Ивановна. Непремѣнно двадцать рублей должны прислать!—прибавилъ „графъ“.—Куда-жъ вы? Сейчасъ Антошка самоваръ принесетъ.. Не угодно ли съ нами чаю напиться?

Анисья Ивановна сперва отнѣкивалась, но кончила тѣмъ, что согласилась выпить „чашечку“ и пошла за стаканами и чашкой.

Скоро на маленькомъ столѣ шумѣлъ самоваръ. Около стояли варенье, пастила и калачи. Отъ ветчины всѣ отказались.

Антошка угощался на славу и только удивлялся, что „графъ“ ничего не ѣстъ, а пьетъ пустой чай и попыхиваетъ папироской. Анисья Ивановна, молча, прикусывая вареньемъ, выпила чашку и скоро поднялась, объяснивъ, что у нея дѣло...

— А мѣрку я завтра съ тебя сниму, Антошка!— проговорила она, уходя.

— Вотъ, братъ, дѣло и слажено... Завтра мы тебя обмундируемъ!—промолвилъ „графъ“.—А потомъ я тебя къ одной княгинѣ пошлю...

— Къ княгинѣ? Зачѣмъ мнѣ итти къ княгинѣ. Съ письмомъ, что ли?

— Нѣтъ, такъ. Она съ тобой говорить будетъ...

— Настоящая княгиня?

— Настоящая...

— Зачѣмъ же ей со мной говорить?..

— Разспрашивать будетъ... Ты ей всю правду говори, какъ жилъ у дяденьки, какъ ко мнѣ убѣжалъ...

— Къ чему ей это знать?..

— Она, быть можетъ, денегъ дастъ или захочетъ опредѣлить тебя куда-нибудь...

— Я бы отъ васъ никуда не хотѣлъ! — рѣшительно заявилъ Антошка.

— Я и самъ не отпущу тебя, если ты согласенъ со мною жить... Развѣ ужъ что-нибудь хорошее представится...

— Ничего не представится. А я мѣсяца въ два, Богъ дастъ, выучусь писать и читать по настоящему и тогда въ газетчики поступлю. У меня есть одинъ знакомый газетчикъ... Онъ схлопочетъ...

— Въ газетчики?—протянулъ „графъ“.

— Что жъ развѣ худое мѣсто? Не бойсь, жалованье дадутъ... А я у васъ жить буду.

— Положимъ, и въ газетчики не дурно... Всякія новости знать будешь. Но можно и лучше сыскать мѣсто, если подольше поучиться. Напримѣръ, этакъ, знаешь ли, машинистомъ, а?.. Ты прежде поучись основательно... А ужъ мы съ тобой какъ-нибудь да прокормимся... Много ли намъ нужно? А къ княгинѣ ты все-таки сходи... Кто знаетъ, она, быть можетъ, что-нибудь и сдѣлаетъ... Кстати увидишь, какъ живутъ князья... Любопытно...

— Не бойсь, очень богато... Мнѣ сказывалъ одинъ человѣкъ, будто они ѣдятъ на серебряныхъ и на золотыхъ тарелкахъ, а купаются въ молокѣ... Это правда?

— Не совсѣмъ... Твой человѣкъ нѣсколько преувеличилъ... Но все-таки живутъ богато...

— И лакеевъ страсть?

— Есть-таки.

Антошка примолкъ и, минуту спустя, спросилъ:

— И откуда только у нихъ деньги, у этихъ самыхъ князей да графовъ?

— Доходы получаютъ съ имѣній, съ домовъ... А то и сами наживаютъ.

— А эти имѣнія и дома откуда?

— Гмм... Откуда?.. У однихъ перешли отъ родителей; другіе купили на деньги, которыя тоже отъ родителей достались... Ну, а третьи сами нажили... А какъ, лучше и не спрашивай...

Это объясненіе не вполнѣ однако удовлетворило любознательность Антошки. Откуда, въ свою очередь, у родителей явились имѣнія и дома такъ и осталось для него невыясненнымъ.

Но онъ не нашелъ удобнымъ приставать къ „графу“ съ дальнѣйшими разспросами о происхожденіи богатствъ и, переходя къ другой, занимавшей его мысли, спросилъ:

— А что, „графъ“, настоящіе князья и графы дѣлаютъ?

Не настоящій „графъ“ весело разсмѣялся.

— А ты какъ думаешь, Антошка? — переспросилъ онъ.

— Я думаю, что они ничего не дѣлаютъ. Да и что имъ дѣлать?

— Ты не ошибся... Собственно говоря, они ничего не дѣлаютъ... Не всѣ впрочемъ... Нѣкоторые служатъ... получаютъ жалованье... выходятъ въ генералы...

— Зачѣмъ, ежели они богаты...

— А такъ... Лестно... Шапка бѣлая... на груди

кресты и звѣзды... мундиръ расшитый... Видалъ?..

— Видалъ...

— Не бойсь и ты хотѣлъ бы быть генераломъ?

— Очень бы даже хотѣлъ... Но только изъ простыхъ генераловъ не бываетъ...

— Бываетъ... Ежели выучишься всему, что нужно, и ты можешь быть генераломъ... Конечно, это рѣдко, но случается...

— Ну?..

— Я тебѣ вѣрно говорю.

— А вы, графъ, тоже прежде были богаты?

— Былъ, Антошка...

— То-то васъ графомъ называютъ...

— Только я не графъ...

— Изъ какихъ же вы будете?

— Изъ дворянъ, изъ старинныхъ дворянъ, Антошка!

— Это изъ господъ, значитъ?..

— Именно, мой другъ...

— Я такъ и полагалъ, что вы изъ важныхъ...

— Это почему?

— Видъ у васъ такой графскій... Сейчасъ примѣтно... Другой и видно богачъ, а виду нѣтъ... А вы богаты тоже были? — допрашивалъ Антошка.

— Да... было состояніе...

— И много у васъ денегъ было?.. Тысячъ десять, поди? — освѣдомлялся Антошка, имѣвшій о богатствѣ довольно смутныя представленія.

— Тысячъ триста считай! — усмѣхнулся „графъ“.

Антошка ахнулъ. Въ его воображеніи пронеслось что-то колоссальное.

„Я бы такихъ денегъ не спустилъ!“ — подумалъ онъ и спросилъ:

— За такія деньги можно, напримѣръ, домъ купить?

— Да еще какой!

— Ишь ты! — Куда жъ вы столько денегъ протратили?

— Такъ, зря протратилъ... на всякія глупости и безобразія... Только и жилъ для того, чтобъ себя потѣшить и другимъ показать: вотъ какой я дуракъ... Не понималъ тогда, что это гнусно...

— Для форца, значитъ?—старался уяснить себѣ Антошка.

— То-то для форца, какъ ты выражаешься... И когда я ухнулъ свои триста тысячъ, я еще задолжалъ на двѣсти... Отецъ долги заплатилъ и отказался отъ меня... Проклялъ... Понялъ?

— Понялъ!—шепнулъ Антошка, невольно вздрагивая при представленіи объ ужасѣ проклятія.

— Ну вотъ съ тѣхъ поръ я и сдѣлался нищимъ...

Антошка участливо посматривалъ на „графа“.

— А развѣ тогда никто вамъ не помогъ?—спросилъ онъ.

— Никто... Да и къ чему помогать такому мотыгѣ? Рѣшительно не къ чему!

— А я на мѣстѣ отца помогъ бы!—рѣшительно заявилъ Антошка.

„Графъ“ усмѣхнулся.

— Капиталу большого не далъ бы, а отпускалъ бы на прожитокъ... А то вдругъ такъ-таки и бросить человѣка. Пропадай, молъ!

„Графъ“ любовно взглянулъ на своего сожителя и словно бы про себя замѣтилъ:

— Оно, пожалуй, и лучше вышло, что тогда меня всѣ бросили... А то я такъ бы свиньей и остался!

Этой „философіи“ Антошка видимо не понялъ и удивленно приподнялъ брови. По его мнѣнію, получать барину на прожитокъ отъ сродственниковъ ничего общаго не имѣло со свинствомъ. На то онъ и баринъ, чтобы ничего не дѣлать... Видалъ онъ, слава Богу, господъ... Катаются себѣ да гуляютъ. Пречудесно!

Однако онъ не сообщилъ этихъ соображеній „графу“, и съ большимъ любопытствомъ и нѣкоторымъ соболѣзнованіемъ спросилъ послѣ минуты молчанія:

— А еслибъ *того* не случилось... вы могли бы выйти въ генералы?

— Навѣрное. Всѣ мои товарищи генералы... Я прежде офицеромъ былъ.

— Офицеромъ?—протянулъ удивленно Антошка.

— Хочешь посмотрѣть, какой я былъ?

„Графъ“ досталъ изъ своего сундука старенькій альбомъ и, передавая его Антошкѣ, проговорилъ:

— Вотъ узнай-ка, гдѣ я?

— Антошка сталъ разсматривать альбомъ, въ которомъ было много офицеровъ, генераловъ въ крестахъ и со звѣздами и красивыхъ дамъ, нѣсколько огорошенный такимъ обиліемъ важныхъ особъ.

— Это все ваши сродственники, графъ?

— Тутъ не одни родственники; есть и бывшіе товарищи и знакомые...

— И князья, и графы есть?

— Однако ты, Антошка, какъ посмотрю, имѣешь къ нимъ большое пристрастіе... Ужъ не думаешь ли и ты графомъ быть со временемъ?—разсмѣялся „графъ“.—Ну, а меня не узналъ?

— Нѣтъ! — отвѣчалъ нѣсколько сконфуженный Антошка.

— Вотъ, полюбуйся!

И „графъ“ указалъ на фотографію молодого красавца-брюнета, въ полной парадной формѣ уланскаго офицера, веселаго, жизнерадостнаго, съ смѣлымъ, слегка надменнымъ, выраженіемъ въ большихъ глазахъ. И поза на фотографіи была вызывающая, самоувѣренная...

— Это—вы?—воскликнулъ, полный восхищенія изумленія, Антошка, и его быстрые, каріе глаза перебѣгали съ портрета на оригиналъ, желая уловить сходство.

— Я... Собственной своей персоной...

— Теперь и не признать!

— Ну еще бы!—грустно протянулъ „графъ“.

И по его преждевременно состарившемуся, испитому землистому лицу, нисколько не напоминавшему красавца на портретѣ, пробѣжала тѣнь...

— Укатали, братъ, сивку крутыя горки!—промолвилъ „графъ“.

Оба примолкли.

— Однако, ложись спать, Антошка... Завтра пораньше пойдемъ въ рынокъ покупать тебѣ обмундировку... Ложись... О князьяхъ и графахъ еще успѣемъ поговорить... Только, знаешь ли что?.. Не особенно завидуй имъ... Право, не стоитъ...

Скоро они улеглись спать.

Антошка, хоть и полонъ былъ новыми впечатлѣніями и мыслями, но, тѣмъ не менѣе, довольно скоро сладко захрапѣлъ.

Въ этотъ вечеръ, передъ отходомъ ко сну, „графъ“ почему-то вдругъ вспомнилъ о совѣтахъ доктора и

не выпилъ обычныхъ нѣсколькихъ рюмокъ водки, хотя бутылка и была имъ принесена въ числѣ другихъ закусокъ и спрятана въ сундукъ, чтобъ Антошка ея не видалъ. И—что еще было страннѣй!—ему, еще нѣсколько дней тому назадъ совсѣмъ равнодушному къ смерти, теперь, напротивъ, очень хотѣлось жить.

Долго ворочался „графъ“ на своемъ жесткомъ блинчатомъ тюфякѣ, долго кашлялъ скверными, сухимъ кашлемъ, чувствуя, какъ ноетъ грудь, и долго думалъ объ Антошкиной судьбѣ и объ его полушубкѣ.

„Неужели „знатный братецъ“ до конца будетъ послѣдователенъ и оставитъ просьбу безъ отвѣта? Неужели жалость недоступна его сердцу?“

И въ головѣ „графа“ забродили воспоминанія о „братцѣ“.

Никогда они не были близки и дружны. Этотъ благоразумный, солидный и корректный Костя, любимецъ отца, всегда относился нѣсколько свысока къ безпутному Шуркѣ и нерѣдко читалъ ему нравоученія. И всегда онъ былъ какой-то жесткій и гордился и тѣмъ, что вышелъ изъ школы правовѣдѣнія съ золотой медалью, и своимъ умомъ, и своими блестящими успѣхами по службѣ. Когда бабушка оставила одному Шуркѣ, своему любимцу, свое состояніе, братъ еще болѣе озлился на Шурку, говорилъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ, что дуракамъ счастье, и наотрѣзъ отказался взять половину наслѣдства, которую Шурка великодушно предложилъ старшему брату. Съ тѣхъ поръ они рѣдко и видались. Шурка просаживалъ наслѣдство, а Костя работалъ, усердно дѣлая карьеру. Скоро онъ уѣхалъ

въ провинцію, назначенный двадцати семи лѣтъ прокуроромъ окружного суда, и вернулся въ Петербургъ, чтобы занять довольно видное мѣсто въ то самое время, какъ младшій братъ долженъ былъ выйти изъ полка и избѣжалъ позора суда за подлогъ только благодаря тому, что отецъ заплатилъ за сына большую часть своего состоянія... Послѣ этого „Шурка“ обратился за помощью къ брату, но получилъ отъ него жестокое письмо...

О, это было одно изъ тѣхъ безсердечныхъ и въ то же время неумолимо справедливыхъ писемъ, логичныхъ и строго принципіальныхъ, которыя могутъ писать только очень сухіе и мнящіе себя непогрѣшимыми люди. И „графъ“ до сихъ поръ не забылъ этого письма—онъ даже сохранилъ его—въ которомъ старшій братъ привелъ вѣскія соображенія, почему онъ считаетъ невозможнымъ помочь человѣку, дѣлающему подложныя надписи, хотя бы такимъ человѣкомъ былъ и родной братъ, и почему онъ „покорнѣйше проситъ“ не считать его братомъ и ни въ какія сношенія не входить. Далѣе онъ откровенно выражалъ сожалѣніе, что отецъ заплатилъ по векселю, а не передалъ дѣла судебному разбирательству, и рекомендовалъ пустить себѣ пулю въ лобъ. Это было бы самое лучшее.

Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ. „Графъ“ зналъ изъ газетъ, что братъ занимаетъ очень видное мѣсто. О немъ пишутъ въ газетахъ. Въ иллюстраціяхъ помѣщаютъ его портреты. „Знатный братецъ“ былъ знаменитъ, и пропойца-нищій раза два-три видѣлъ его на улицѣ... видѣлъ и каждый разъ вспоминалъ его со злобой. Онъ ненавидѣлъ его и глубоко презиралъ, считая его далеко не за-

служивающимъ той репутаціи, какой онъ пользовался. Прослышавъ про его богатство, онъ былъ увѣренъ, что „знатный братецъ“, не смотря на всю свою корректность, далеко не разборчивъ въ средствахъ, но только умѣетъ ловко хоронить концы.

„Навѣрное воруетъ!“—рѣшилъ „графъ“ и нерѣдко въ компаніи такихъ же пропойцъ, какъ онъ самъ, ораторствовалъ по поводу несправедливости и неправды, которыя царятъ на землѣ.

— Укради что-нибудь какой-нибудь уличный воришка—и его въ тюрьму, ему нѣтъ пощады, а если воруетъ видное лицо, какъ бы вы думали, что ему? Ничего! Даже если и попадется, то самое большее, что уволятъ и назначатъ въ какой-нибудь совѣтъ... Такъ-то на свѣтѣ творятся дѣла!

Онъ все ждалъ, что „знатный братецъ“ попадется и его уволятъ, но проходили года, и онъ крѣпко сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, хотя озлобленная увѣренность „графа“ какъ будто и имѣла нѣкоторыя основанія. По крайней мѣрѣ, о безкорыстіи Опольева ходили весьма нелестные слухи въ бюрократическихъ кругахъ, и многіе удивлялись, какъ это министръ вѣритъ въ добродѣтели Опольева.

Съ такими недобрыми воспоминаніями о своемъ „знатномъ братцѣ“ графъ еще долго не засыпалъ. Онъ ужъ не надѣялся больше на отвѣтъ. Никакого отвѣта не будетъ. Необходимо придумать новый источникъ для пріобрѣтенія полушубка.

XII.

На слѣдующее утро, скверное и сырое октябрьское утро, „графъ“ съ Антошкой отправились въ Александровскій рынокъ и послѣ тщательнаго осмо-

тра разныхъ костюмовъ и сапогъ купили, наконецъ, все, что было нужно.

Нельзя сказать, чтобы „графъ“ былъ удовлетворенъ покупками, но за то Антошка былъ въ полномъ восторгѣ и отъ сапогъ, и отъ поношенной темно-сѣрой блузы, и отъ штановъ, пріобрѣтенныхъ за три рубля послѣ довольно оживленнаго торга. Въ такомъ костюмѣ Антошка еще никогда не ходилъ. Все было цѣло и, главное, впору, точно на него сшитое. „Дяденькины“ же костюмы всегда отличались полнымъ несоотвѣтствіемъ съ тоненькой и худенькой фигурой Антошки и имѣли видъ мѣшковъ. Недурна была и фуфайка, пріятно согрѣвающая грудь, хороша была и шапка изъ поддѣльныхъ смушекъ, купленная у татарина за двугривенный.

Изъ рынка они вернулись домой. Отворила имъ двери Анисья Ивановна, необыкновенно радостная, и тотчасъ же сообщила „графу“, что его ждетъ посыльный съ „пріятнымъ письмецомъ“.

— Ужъ полчаса, какъ дожидается, Александръ Иванычъ. Не могу, говоритъ, безъ росписки довѣрить... А я тоже сбѣгала, холста купила... Вечеромъ и шить начну...

Радостное волненіе охватило „графа“ при извѣстіи о „пріятномъ письмецѣ“ и напрасно онъ старался скрыть его! Лицо его мгновенно просвѣтлѣло и оживилось, и голосъ дрогнулъ, когда онъ торопливо проговорилъ:

— Попросите-ка, Анисья Ивановна, посыльнаго... Что за письмецо...

„Совѣсть въ немъ, видно, не совсѣмъ пропала!“ подумалъ онъ въ ту же минуту.

Посыльный вошелъ въ комнату „графа“ и подалъ ему небольшой, элегантный, надушенный конвертъ съ коронкой. Къ изумленію „графа“, почеркъ на конвертѣ былъ очевидно женскій: мелкій англійскій и довольно красивый.

Онъ вскрылъ конвертъ. Тамъ было письмо и въ немъ двадцати-пяти-рублевая бумажка. Тѣмъ же мелкимъ почеркомъ написанное письмо было слѣдующаго содержанія:

„Дорогой дядюшка!

„Папа поручилъ мнѣ прислать прилагаемыя деньги и извиниться передъ вами, что самъ не отвѣчаетъ вамъ. Онъ очень занятъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проситъ не благодарить его, и если вамъ, что будетъ нужно, обращаться ко мнѣ. Я съ большимъ удовольствіемъ принимаю на себя эту обязанность и усердно прошу не забывать этого. Дай Богъ вамъ и вашему бѣдному мальчику всего хорошаго. Преданная вамъ Нина Опольева“.

Глаза „графа“ были влажны, когда онъ прочиталъ это письмо.

Онъ понялъ, почему не надо благодарить „знатнаго братца“, и тотчасъ же написалъ племянницѣ:

„Дорогая Нина Константиновна!

„Ваша помощь и ваше доброе письмо тронули меня до глубины души. Что бы вамъ ни говорили обо мнѣ, вѣрьте, что присланныя вами деньги будутъ употреблены на мальчика. Будьте счастливы и примите горячую благодарность отъ меня и отъ мальчика. Безгранично благодарный А. Опольевъ“.

— Вотъ вамъ отвѣтъ и двугривенный за то, что ожидали меня!—радостно проговорилъ „графъ“, обращаясь къ старику посыльному.

И затѣмъ спросилъ:

— Кто вамъ письмо передалъ? Сама барышня или прислуга?

— Сама барышня... Позвали въ корридоръ передъ кухней и передали...

— Что, какъ она?.. Должно быть, совсѣмъ молодая?

— Молодая... Лѣтъ этакъ двадцати, не болѣе.

— Такъ, такъ... Брюнетка или блондинка?

— Чернявенькія, сударь... И аккуратненькая такая барышня.

— А собой какъ? Красива?

— Очень даже лицомъ пріятныя... И простыя такія, даромъ, что такого важнаго генерала дочь... Ласково такъ говорила со мной... Просили, чтобы скорѣй отнесъ вамъ письмо... Очень, молъ, нужное... Въ собственныя руки безпремѣнно отдайте... И цѣлыхъ шесть гривенъ дали... Не по такціи, значитъ.

„Не въ отца!“—подумалъ „графъ“.

Когда посыльный ушелъ, „графъ“ весело воскликнулъ, показывая Антошкѣ бумажку, которую давно уже не видалъ въ своихъ рукахъ:

— Вотъ мы и съ полушубкомъ, Антошка... И у насъ еще про запасъ останется... Рѣшительно тебѣ везетъ счастье! Спасибо милой племянницѣ... Спасибо молодому, доброму сердцу... Оно отозвалось и повѣрило... Да, Антошка, молодость-то отзывчива...

— А откуда у барышни такъ много денегъ, что она вамъ такую бумажку прислала? — задалъ вопросъ практичный Антошка.

— Откуда... Вѣрно, отецъ на булавки ей даетъ... Она единственная у него дочь...

— На булавки... и такую пропасть денегъ?..

„Графъ“ объяснилъ, что значитъ „на булавки“, и пошелъ заказывать Анисьѣ Ивановнѣ обѣдъ.

Въ тотъ же день Антошка щеголялъ въ полушубкѣ.

„Графъ“ въ этотъ вечеръ не выходилъ на работу.

XIII.

Княгинѣ Марьѣ Николаевнѣ Моравской тридцать два.

Такъ, по крайней мѣрѣ, она говоритъ вотъ уже года три, четыре, и показаніе это нисколько не противорѣчитъ ея наружности.

Она недурна собой, даже красива, свѣжа, цвѣтуща и пышетъ здоровьемъ. Слегка подведенные глаза полны блеска и жизни и въ то же время цѣломудренно-строги. Таліи ея позавидовали бы многія барышни. Походка легка и граціозна. Фигура красивая и внушительная, напоминающая римскую матрону древнихъ временъ.

Всѣмъ этимъ она обязана не одному только Господу Богу, но въ значительной мѣрѣ и самой себѣ, такъ какъ заботы о своей персонѣ она возводитъ до степени культа и ведетъ самый гигіеническій образъ жизни, чтобъ не пополнѣть, не подурнѣть и преждевременно не поблекнуть.

Она ежедневно беретъ холодную ванну, спитъ въ прохладной комнатѣ, ходитъ пѣшкомъ верстъ по пяти, не ѣстъ мучного и сладкаго, не пьетъ горячаго чая или кофе, рано ложится спать и рано встаетъ, словомъ, основательно блюдетъ себя.

Дѣтей у нея нѣтъ. Мужу, военному генералу, страдающему ревматизмомъ и печенью, подъ шестьдесятъ. Исключительно свѣтская жизнь княгиню не удовлетворяетъ. Семейная—и подавно. Супругъ совсѣмъ не интересенъ со своимъ ревматизмомъ и брюжжаніемъ. Свободнаго времени у княгини много, и она отдаетъ его на служеніе ближнимъ.

Она — дама-благотворительница, необыкновенно дѣятельная и энергичная.

Въ этой дѣятельности она находитъ удовлетвореніе. Поглощенная ею, княгиня не такъ чувствуетъ „тяжесть креста“, какъ фигурально она называетъ свой бракъ съ почтеннымъ генераломъ.

Въ свою очередь, и князь хотя и относится слегка насмѣшливо къ „филантропическому зуду“ жены и къ тому, что она „пускаетъ къ себѣ всякую сволочь“, тѣмъ не менѣе, въ сущности, весьма доволенъ и охотно открываетъ супругѣ свой кошелекъ.

Еще бы! Вѣдь, благодаря ея увлеченію, онъ избавился отъ семейныхъ сценъ, онъ не видитъ скучающаго лица любимой жены, онъ не слышитъ ядовитыхъ намековъ о загубленной жизни.

Все это, какъ рукой сняло, съ тѣхъ поръ, какъ Марья Николаевна посвятила себя дѣламъ благотворенія и въ нихъ, казалось, забыла о неудовлетворенности личной своей жизни. Она стала мягче и ласковѣе съ мужемъ и, повидимому, прощала ему и его шестьдесятъ лѣтъ, и его печень, и терпѣливо выслушивала за обѣдомъ жалобы князя на государственныхъ людей.

Вы, вѣроятно, видѣли эту высокую, статную, элегантную женщину со слегка приподнятой голо-

вой, одѣтую почти всегда въ черное, безукоризненно сшитое, платье, на благотворительныхъ вечерахъ, гдѣ она является въ качествѣ распорядительницы и всегда о чемъ-то хлопочетъ, отдаетъ приказанія, появляясь то тутъ, то тамъ? Если не видали, то, навѣрное, знаете княгиню Моравскую по наслышкѣ, какъ объ извѣстной благотворительницѣ. И ужъ во всякомъ случаѣ встрѣчали ея имя въ газетахъ.

Она предсѣдательница кружка: „Помогай ближнему!“, членъ разныхъ благотворительныхъ обществъ, издательница и авторъ многихъ душеспасительныхъ брошюръ, рекомендующихъ въ горячей вѣрѣ найти забвеніе отъ терній жизни, устроительница всякихъ благотворительныхъ спектаклей, концертовъ, лекцій и базаровъ, и одна изъ самыхъ умѣлыхъ и назойливыхъ опустошительницъ кармановъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ въ различныхъ слояхъ общества.

Стоитъ только быть ей представленнымъ или явиться къ ней по какому-нибудь дѣлу, какъ черезъ минуту, другую у васъ въ рукахъ два, три билета на какое-нибудь зрѣлище съ благотворительной цѣлью. Отдѣлаться отъ княгини такъ же трудно, какъ попасть въ царство небесное. Она нападаетъ внезапно, безъ всякихъ предисловій, и смотритъ на васъ такъ строго и рѣшительно, что нужно обладать большимъ мужествомъ, чтобы немедленно не вынуть бумажника и не заплатить контрибуціи.

Репутація княгини въ свѣтѣ выше всякихъ подозрѣній. Ея даже не злословятъ и только удивляются самоотверженію, съ какимъ она несетъ крестъ свой, имѣя на рукахъ шестидесятилѣтняго мужа.

Ее уважаютъ, но не особенно любятъ. Злые

языки даже говорятъ, что отъ сердечныхъ увлеченій княгиню спасаютъ не столько строгія правила, сколько темпераментъ. Она холодна по натурѣ и слишкомъ дорожитъ своею репутаціей, чтобъ рискнуть увлечься.

Но, какъ бы то ни было, а княгиня высоко держитъ знамя супружескаго долга и женской добродѣтели и, гордая ею, даже не повторяетъ словъ Пушкинской Татьяны, такъ какъ никого не любитъ, кромѣ самой себя.

Въ это утро княгиня, проведя послѣ ванны цѣлый часъ въ уборной, гдѣ выпила чашку жидкаго чая съ крошечнымъ сухарикомъ, по обыкновенію ровно въ девять часовъ вышла въ свой роскошный небольшой кабинетъ, убранный съ тонкимъ вкусомъ и изяществомъ и полнымъ рѣдкихъ художественныхъ вещей.

Свѣжая, цвѣтущая и благоухающая, княгиня была въ черномъ кашемировомъ платьѣ, нѣжная ткань котораго плотно охватывала красивыя формы. Темно-каштановые волосы были гладко зачесаны назадъ и собраны въ коронку, возвышавшуюся надъ головой. Не совсѣмъ правильныя крупныя черты ея лица не лишены были той холодной красоты, которая свѣтитъ, а не грѣетъ. Высокій лобъ, прямой римскій носъ, чуть-чуть приподнятый, съ расширенными ноздрями, румяныя щеки, тонкія, плотно сжатыя губы, большіе темносѣрые глаза и надъ ними красивыя дуги густыхъ бровей.

И въ выраженіи этихъ глазъ, и въ складѣ рта, и въ нѣсколько горделивомъ подъемѣ головы, и во

всей ея фигурѣ было что-то строгое, холодное и самоувѣренное. Сразу чувствовалось, что эта красивая женщина любитъ себя и свое холеное тѣло, внутренно любуется собой и своимъ видомъ будто говоритъ: „Посмотрите, какая я цвѣтущая, здоровая и добродѣтельная. Чувствуйте это!“

Въ маленькихъ ея ушахъ сверкали брилліантовые кабюшоны. На рукахъ колецъ не было, за исключеніемъ обручальнаго. Кольца едва бы шли къ ея нѣсколько крупнымъ, почти мужскимъ, бѣлымъ, выхоленнымъ рукамъ съ крѣпкими розоватыми ногтями большихъ, но породистыхъ пальцевъ.

Она подошла къ письменному столу, на которомъ съ поразительною аккуратностью были разставлены разныя письменныя красивыя принадлежности и расположены бумаги и книги, и посмотрѣла въ свою маленькую записную книжку, въ которую княгиня записывала программу дня.

Оказалось, что сегодня во время прогулки ни одного изъ кліентовъ кружка посѣщать не слѣдуетъ. Въ часъ у нея засѣданіе комитета; въ три у нея назначено дѣловое свиданіе, а въ четыре она должна ѣхать хлопотать о концертѣ. Вечеромъ — благотворительный спектакль.

Она посмотрѣла затѣмъ аккуратно собранныя въ папкѣ прошенія для доклада въ сегодняшнее засѣданіе и, взглянувъ на часы, прошла черезъ анфиладу комнатъ на половину мужа. Она всегда ходила здороваться къ нему сама, чтобы мужъ не являлся къ ней и не засиживался у нея, отнимая время.

Низенькій, худой, плѣшивый старикъ-генералъ въ коротенькой тужуркѣ съ закутанными въ пледъ

ногами, сидѣлъ въ большомъ креслѣ въ жарко натопленномъ кабинетѣ и читалъ газету.

При видѣ своей молодой и цвѣтущей жены, съ появленіемъ которой въ комнату какъ будто ворвалось само здоровье, онъ завистливо вздохнулъ и, поднявшись съ кресла, пошелъ къ ней на встрѣчу, стараясь твердо ступать тоненькими ногами и вообще принять молодцоватый видъ.

— Здравствуй, Marie.

И князь почтительно и нѣжно поцѣловалъ руку жены. Она слегка прикоснулась губами къ его холодному желтоватому лбу.

Передъ высокой, крѣпкой, здоровой княгиней, тщедушный князь казался какимъ-то карликомъ.

— Добраго утра, Пьеръ. Ну, какъ ты сегодня себя чувствуешь. Кажется хорошо?—спросила княгиня своимъ низкимъ и густымъ красивымъ контральто.

— Сегодня какъ будто получше... Ревматизмъ не донимаетъ... А тебя и спрашивать нечего... Цвѣтешь, красавица!—прибавилъ нѣжно князь, и взглядъ его маленькихъ тусклыхъ глазъ скользнулъ по роскошному бюсту жены...

— Ну до свиданія... Иду гулять...

— До свиданія, Marie...

Онъ опять поцѣловалъ женину руку и спросилъ:

— Къ завтраку придешь?

— Разумѣется...

Княгиня облегченно вздохнула, выйдя изъ этой душной, натопленной комнаты—она не любила жаркихъ комнатъ—и прошла въ переднюю.

Молодая, чисто одѣтая горничная ужъ ожидала ее тамъ со шляпкой, перчатками и зонтикомъ.

Представительный лакей подалъ ей коротенькую жакетку, и княгиня, несмотря на сырость и дождь, пошла „дѣлать моціонъ“, направляясь твердой и скорой походкой съ. Гагаринской набережной къ Лѣтнему саду.

Передъ уходомъ, она взглянула на часы. Было ровно десять.

— Въ половинѣ двѣнадцатаго я вернусь!—сказала она швейцару и прибавила:— Если кому-нибудь меня нужно видѣть, пусть подождетъ.

— Слушаю, ваше сіятельство!—отвѣчалъ швейцаръ.

Княгиня обязательно гуляла ровно полтора часа, ни болѣе, ни менѣе, имѣя съ собою подометръ, и—совсѣмъ не по женски—была аккуратна, какъ вѣрнѣйшіе часы, и—что еще удивительнѣе—умѣла отдавать приказанія кратко, ясно и точно.

XIV.

Вернулась она слегка вымокшая, зарумяненная и проголодавшаяся.

— Никого не было?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство!

Перемѣнивъ обувь (калошъ княгиня не носила) и чулки, она присѣла къ письменному столу и принялась просматривать газеты, принесенныя отъ князя и отчеркнутыя краснымъ карандашомъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя почему-либо ему очень нравились или, напротивъ, возбуждали его негодованіе.

Княгиня, впрочемъ, не особенно интересовалась такими мѣстами, находя взгляды мужа слишкомъ

ужъ напоминающими времена Іоанна Грознаго, но все-таки ихъ прочитывала, чтобы подавать въ случаѣ разговора реплики.

Часы пробили двѣнадцать.

И съ послѣднимъ ударомъ хорошо вышколенный княгиней лакей доложилъ, что завтракъ поданъ.

Княгиня отложила въ сторону непрочитанныя еще „Times“ и „ Figaro“ и торопливо прошла въ столовую.

Князь уже былъ тамъ въ растегнутомъ сюртукѣ, подъ которымъ былъ ослѣпительной бѣлизны жилетъ, и не садился въ ожиданіи княгини.

Имъ подали различныя блюда послѣ того, какъ они отвѣдали закуски. Князю — бульонъ, яйца въ смятку и рубленную, разбавленную хлѣбомъ, куриную котлетку съ какимъ-то пюре, а княгинѣ— большой сочный кусокъ филе.

Плотоядный огонекъ блеснулъ въ глазахъ проголодавшейся женщины, когда она, съѣвъ маленькій кусочекъ селедки, заложила салфетку за воротъ платья, и положила съ серебрянаго блюда къ себѣ на тарелку филе, поливъ его почти кровянымъ соусомъ.

Она ѣла „корректно“, не спѣша, съ видимымъ наслажденіемъ, хорошо прожевывая куски и запивая ихъ глотками чуть-чуть тепловатаго польяка изъ маленькаго стакана, и что-то животное, напоминающее радостнаго звѣря, было въ это время въ красивомъ лицѣ княгини. Глаза оживились; широкія ноздри слегка раздувались.

Она вся, казалось, отдавалась наслажденію ѣды, серьезная и сосредоточенная и словно бы инстинктивно чувствовала, что въ этомъ кровавомъ нѣж-

номъ мясѣ, которое она дробитъ своими крѣпкими и крупными бѣлыми зубами, она черпаетъ и свѣжесть, и румянецъ, и здоровье.

А генералъ въ эту минуту лѣниво ковырялъ вилкой котлетку, поглядывая на жену и завидуя ея аппетиту. Онъ зналъ, что жена не любитъ разговаривать во время ѣды, и молчалъ.

Княгиня окончила мясо и чувствовала, что еще голодна. Но она удержалась отъ соблазна взять кусокъ холодной индѣйки, поданной лакеемъ, и только скушала немножко цвѣтной капусты.

Затѣмъ ей подали крошечную чашку кофе и тутъ же на подносѣ письмо.

Она прочитала письмо и сказала лакею:

— Пусть мальчикъ подождетъ. Когда я кончу завтракать, проведите его въ корридоръ. Что! онъ очень грязенъ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, не замѣтно...

— А одѣтъ какъ, въ лохмотьяхъ?

— Одѣяніе весьма пристойное. Полушубокъ-съ.

— Въ такомъ случаѣ проведете его въ мой кабинетъ!—приказала княгиня.

Она выжидала, пока остынетъ кофе, и генералъ воспользовался этимъ, чтобъ заговорить.

— А ты обратила, Маріе, вниманіе, что дѣлается во Франціи...

— Какъ же, читала...

— Недурная страна равенства и братства... Хе-хе-хе...

Княгиня отмалчивалась.

— А я говорю, что и мы къ тому же идемъ!

Жена подняла на мужа удивленные глаза и стала отхлебывать маленькими глоточками кофе.

— Ну ужъ ты слишкомъ,—промолвила она.

— Не слишкомъ душа моя, а я вижу, что творится въ бѣдной Россіи... Земство все еще о себѣ воображаетъ... Ты читала корреспонденцію изъ Оршанска... Я отмѣтилъ...

— Нѣтъ еще...

— Такъ прочти... Увидишь, что не слишкомъ... И вообще... Само правительство созываетъ какіе-то сельско-хозяйственные съѣзды... Говори, что угодно... Рѣшительно у насъ нѣтъ государственныхъ людей... Надо бы сразу, знаешь ли...

Княгиня, почти не слушая, тщательно выполаскивала ротъ.

— Извини, меня тамъ ждутъ,—проговорила она, вставая...

Поднялся и князь.

— Непремѣнно, Marie, прочти... Это Богъ знаетъ что такое...

— Прочту, будь увѣренъ...

— Тебѣ не нужна будетъ карета?.. Я ѣду сегодня въ совѣтъ.

— Нѣтъ... я выѣду на дрожкахъ.

И супруги разошлись по своимъ комнатамъ.

Тѣмъ временемъ Антошка, вымытый и причесанный, въ новомъ полушубкѣ и вычищенныхъ сапогахъ сидѣлъ въ сторонкѣ въ обширной кухнѣ и зоркими, любопытными глазами молчаливо наблюдалъ и повара въ бѣлой курткѣ и колпакѣ, и лакея во фракѣ, и забѣгавшую щеголеватую горничную, и не оставилъ безъ должнаго вниманія длин-

наго ряда блестящихъ кострюль, кострюлекъ и разныхъ невиданныхъ имъ формъ и мѣдныхъ вещей, разставленныхъ на трехъ полкахъ.

Это обиліе вычищенной на славу мѣдной посуды нѣсколько удивило его, и онъ рѣшилъ, что держать столько безполезныхъ вещей положительно не къ чему. Если бы половину продать, и то было бы за глаза достаточно.

И пылкое его воображеніе уже оцѣнивало приблизительно стоимость назначеннаго имъ къ продажѣ, и на эти деньги, которыя онъ почему-то уже считалъ своей собственностью, покупало теплую шубу „графу“, необходимую для такого больного человѣка. А эту ночь бѣдный „графъ“ все кашлялъ, кашлялъ и утромъ, снаряжая Антошку къ княгинѣ, часто схватывался за грудь.

Анисья Ивановна поила „графа“ малиной и совѣтовала ему посидѣть дома.

Вотъ почему Антошка жалѣлъ „графа“, и воображеніе его, увлеченное видомъ безполезныхъ кострюль, работало въ извѣстномъ направленіи.

Затѣмъ, наблюдая, какъ поваръ безъ церемоніи пробуетъ кушанья, Антошка возъимѣлъ желаніе сдѣлаться поваромъ и началъ, было, размышлять, сколько княжескій поваръ долженъ получать жалованья (должно быть, не мало—не даромъ онъ такой толстый!)—какъ вошедшій лакей прервалъ его размышленія и сказалъ:

— Пойдемъ, мальчикъ, къ княгинѣ!.. Да сапоги оботри хорошенько, а то наслѣдишь!

Нѣсколько оробѣвшій Антошка вытеръ на-сухо сапоги и пошелъ вслѣдъ за лакеемъ, осторожно ступая по паркетнымъ поламъ и коврамъ.

Лакей отворилъ двери кабинета и слегка подтолкнулъ Антошку. Онъ очутился передъ лицомъ княгини.

XV.

Антошка остановился у дверей съ разинутымъ ртомъ отъ изумленія и теребилъ въ рукахъ шапку, нѣсколько смущенный и подавленный, при видѣ пушистыхъ ковровъ, картинъ, мебели, обоевъ, разныхъ вещицъ, клѣтки съ попугаемъ, словомъ, всей роскошной обстановки комнаты, въ которой находился.

Никогда въ жизни не видалъ онъ ничего подобнаго и, озираясь съ видомъ ошалѣвшаго дикаря, въ первую минуту не замѣтилъ княгини, сидѣвшей въ дальнемъ углу за письменнымъ столомъ и нѣсколько скрытой трельяжемъ.

— Попка! Попка дуракъ!.. Попочка!

Антошка вздрогнулъ.

Однако, догадавшись скоро, что это кричитъ птица, онъ сосредоточилъ на ней свое вниманіе и улыбнулся.

Княгиня между тѣмъ разсматривала Антошку въ длинный черепаховый лорнетъ съ тѣмъ подозрительнымъ вниманіемъ, съ какимъ обыкновенно смотрятъ благотворители на обращающихся къ нимъ кліентовъ.

Повидимому, она осталась довольна первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее выразительнымъ, блѣднымъ и худымъ лицомъ Антошки, и, отводя лорнетъ, произнесла ободряющимъ, мягкимъ, но въ тоже время дѣловымъ тономъ:

— Подойди поближе. Не бойся, мальчикъ!

Антошка только теперь увидалъ княгиню.

Осторожно ступая по ковру, словно у него былъ ларекъ въ рукахъ, и боясь что-нибудь задѣть въ этой, полной мебели и всякихъ диковинныхъ штукъ, комнатѣ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился въ почтительномъ отдаленіи.

— Еще ближе!—приказала княгиня.

Антошка приблизился къ столу.

Первое впечатлѣніе охватившаго его смущенія уже прошло. Не даромъ же Антошка большую часть своей жизни проводилъ на улицѣ, обращаясь за копѣечками для „бѣднаго сиротки“ преимущественно къ хорошо одѣтымъ людямъ, норовя ихъ по возможности „объегорить“, какъ выражался онъ самъ въ минуты откровенности.

И Антошка довольно смѣло поднялъ свои умные, бѣгающіе каріе глаза на свѣжее, красивое, выхоленное лицо княгини и, помня наставленіе „графа“, не состроилъ плаксивой физіономіи, такъ какъ этого, по обстоятельствамъ, не требовалось.

Повидимому, наружность молодой женщины удовлетворила эстетическое чувство Антошки и вполнѣ соотвѣтствовала его представленію о красотѣ настоящихъ княгинь и о томъ, что онѣ ѣдятъ съ золотыхъ тарелокъ и, разумѣется, до отвала пищу самую хорошую и потому такія гладкія и румяныя.

Но костюмъ княгини, признаться, разочаровалъ его.

Воображенію его представлялось—да и фотографіи разныхъ важныхъ барынь, выставленныя въ витринахъ, казалось, подтверждали его—что настоящія княгини и графини обязательно должны быть

въ какихъ-нибудь особенныхъ платьяхъ, затканныхъ серебромъ или золотомъ и непремѣнно съ оголенными шеями и руками, украшенными драгоцѣнными каменьями, или, по крайней мѣрѣ, въ красныхъ, а не то голубыхъ платьяхъ, стоющихъ много денегъ, а вмѣсто того эта княгиня, въ комнатѣ у которой такъ все красиво и пахнетъ чѣмъ-то пріятнымъ, одѣта вся въ черномъ, точно монашка.

Только горѣвшіе въ ея ушахъ крупные бриллианты указывали, по мнѣнію Антошки, на отличіе ея отъ обыкновенныхъ барынь, которыхъ онъ видалъ на улицахъ. Да и у многихъ изъ нихъ были такіе же камешки.

„Скупая, должно быть. Жалѣетъ одѣжи“—рѣшилъ Антошка.

— Какъ тебя зовутъ, мальчикъ?

— Антошка, ваше сіятельство!—довольно бойко отвѣчалъ Антошка.

Онъ съ особеннымъ, свойственнымъ мелкимъ торгашамъ, щегольскимъ мастерствомъ произнесъ титулъ, которымъ съ расточительною щедростью награждалъ, не справляясь въ департаментѣ геральдіи, лицъ, покупавшихъ у него на улицѣ спички, бумаги и конверты.

— А твоя фамилія?

Антошка онѣшилъ. Онъ не зналъ, какъ его фамилія и никогда не интересовался знать, есть ли у него она и вообще нужна ли ему такая роскошь.

— Меня всѣ Антошкой зовутъ, ваше сіятельство!

— Однако, должна же у тебя быть фамилія?

— Въ документѣ, который графъ отобралъ у дяденьки, вѣрно обозначена фамилія.

„Графъ“ и „дяденька“ рѣшительно ничего не объяснили княгинѣ и только усложнили дѣло допроса, вызвавъ на лицѣ княгини выраженіе нѣкотораго недоумѣнія.

— Такъ ты не знаешь, какъ твоя фамилія?

— Не знаю,— отвѣчалъ Антошка, нѣсколько сконфуженный, что на первыхъ же порахъ далъ маху и не догадался сочинить фамилію, которая, судя по словамъ княгини, должна была быть и у него.

— Кто твои родители?

— У меня нѣтъ родителей, ваше сіятельство!

— То есть, умерли?

— Богъ ихъ знаетъ. Надо полагать, что умерли.

— И матери не помнишь?

— Не помню.

— У кого же ты жилъ до сихъ поръ?

— У Ивана Захарыча...

— Кто онъ такой... Твой родственникъ?

— Назывался дяденькой, только онъ не дяденька, а чужой... Я у него въ нищенкахъ работалъ, а потомъ съ ларькомъ ходилъ... У него много дѣтей живетъ въ нищенкахъ... На него сбираютъ... Этимъ онъ и живетъ.

Антошка рѣшительно заинтересовалъ княгиню, открывая ей Америку. Она, ретивая благотворительница, и не знала, что въ Петербургѣ существуетъ такой безнравственный промыселъ.

— Гдѣ живетъ этотъ Иванъ Захаровичъ?

Антошка сказалъ адресъ. Княгиня записала его въ записную книжку и продолжала допросъ:

— А теперь ты гдѣ живешь?

— У графа...

— У какого графа?—удивилась княгиня и въ то же время подумала, что ея несчастный кузенъ обманулъ ее, написавши, что мальчикъ находится у него.

— То-есть, они не графы, а только ихъ такъ прозываютъ... А по настоящему ихъ зовутъ Александръ Иванычъ Опольевъ... Они, можно сказать, меня и спасли отъ Ивана Захарыча, какъ я отъ него убѣжалъ... Они мой документъ у него отобрали и пріютили меня...

— А ты отчего убѣжалъ отъ этого Ивана Захарыча?

— Шибко билъ... Ремнемъ билъ...

— Тебя только билъ?

— Меня еще рѣже, а другихъ ребятъ и не дай Богъ, какъ хлесталъ, ваше сіятельство... Особенно маленькихъ...

— За что же онъ наказывалъ?

— Главное, за выручку.

— Какъ, за выручку?

— Если кто, значитъ, мало соберетъ милостыньки. А—извольте разсудить ваше сіятельство—ежели въ дурную погоду, да въ рваной одежѣ, какая тутъ выручка? Тутъ дай Богъ не заколѣть отъ холода, а не то, что выручка... А онъ этого не разбиралъ... Все больше жена его, подлая, настраивала... Озвѣрѣетъ и давай ремнемъ...

— Какой ужасъ!—проронила княгиня.—И дѣти никому не жаловались?

— Кому жаловаться? Онъ застращивалъ. „Вы, говоритъ, у меня проданные, я, говоритъ, что хочу,

то съ вами и дѣлаю!.. Дай Богъ здоровья, графу, это онъ объяснилъ, что мы не проданные... Я и убѣжалъ отъ этого дьявола, ваше сіятельство!

Положительно Антошка являлся въ нѣкоторомъ родѣ интереснымъ героемъ въ глазахъ княгини. Его разсказъ можетъ дать благодарную тэму для сегодняшняго засѣданія комитета.

И она сказала Антошкѣ:

— Разскажи мнѣ подробно и по чистой правдѣ, за что именно тебя наказали и какъ ты убѣжалъ... И почему именно къ „графу“... Ты гдѣ съ нимъ познакомился?

— На улицѣ... Они тоже работали...

— Какъ работали?

— Сбирали, значитъ... Только больше по вечерамъ...

„До чего упалъ!“—подумала княгиня и проговорила:

— Такъ разсказывай же, какъ это все случилось..

Съ этими словами княгиня придвинула записную книжку и карандашъ, чтобы отмѣтить существенныя показанія Антошки и не забыть ихъ при докладѣ.

Она всегда, допрашивая кліентовъ съ искусствомъ и настойчивостью хорошаго судебнаго слѣдователя, записывала даваемыя ей свѣдѣнія и затѣмъ наводила болѣе или менѣе точныя справки о просителяхъ, считая возможнымъ и полезнымъ оказывать помощь только болѣе или менѣе добропорядочнымъ нищимъ, то-есть, такимъ, которые, ради подачки, не лгутъ наглѣйшимъ образомъ.

Эта система помощи, возведенная въ принципъ, строго проводилась въ обществѣ „Помогай ближ-

нему!“, предсѣдательницей котораго была княгиня, и потому, вѣроятно, многіе его кліенты запасались самыми доброкачественными свидѣтельствами, фабриковавшимися умѣлыми людьми, о разныхъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ злоключеніяхъ и несчастіяхъ.

Польщенный вниманіемъ, оказаннымъ его особѣ настоящей княгиней, Антошка не безъ повѣствовательнаго таланта разсказалъ о непосредственной причинѣ своего бѣгства, предпославъ эпизодъ съ двугривеннымъ, даннымъ доброй барыней, и не злоупотребилъ вниманіемъ своей слушательницы подробностями выдержанной имъ порки. Подчеркнувъ затѣмъ съ похвальною, впрочемъ, скромностью, подвиги, оказанные имъ самимъ въ этотъ достопамятный вечеръ, онъ съ художественною краткостью и силою росписалъ „дяденьку“ и „рыжую вѣдьму“ и съ горячимъ чувствомъ признательнаго сердца разсказалъ про гостепріимство добраго „графа“

— Кабы не графъ, пропасть бы мнѣ, какъ собакѣ, ваше сіятельство!—заключилъ Антошка свой разсказъ.

И съ этими словами вытеръ рукавомъ обильно струившійся по лицу потъ, такъ какъ продолжительное пребываніе въ теплой комнатѣ, да еще въ полушубкѣ, давало таки себя знать.

Княгиня записала показанія Антошки и, когда онъ кончилъ, подняла на него испытующій взглядъ.

Довольно приличный, относительно, костюмъ Антошки возбудилъ вдругъ въ ней подозрительныя мысли и словно бы бросалъ тѣнь на правдивость разсказа. Вѣдь ей разсказываютъ такъ много невѣроятныхъ вещей!

И она спросила:

— Ты не лжешь, мальчикъ?

— Убей меня Богъ, ваше сіятельство.

— Не клянись всуе... Это не хорошо,—строго остановила Антошку княгиня и продолжала:— Тебя не научилъ разсказать всю эту исторію твой графъ?

— Они приказывали правду говорить и ничему не научали. Графъ ничему дурному не научитъ!— горячо заступился за „графа“ Антошка, чуя въ словахъ княгини, что „графа“ подозрѣваютъ въ чемъ-то нехорошемъ.

— Ты разсказывалъ, что убѣжалъ отъ этого Ивана Захаровича въ лѣтнемъ пальто и въ башмакахъ...

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Такъ объясни мнѣ, пожалуйста: откуда у тебя и полушубокъ и сапоги, а? гдѣ ты ихъ досталъ? — допрашивала княгиня, продолжая смотрѣть въ глаза Антошки и ожидая, что мальчикъ смутится.

Но Антошка нисколько не смутился и отвѣтилъ:

— Все это мнѣ графъ справили.

— Графъ?—усмѣхнулась княгиня.—Но твой благодѣтель самъ нищій... На какія же деньги онъ могъ тебя одѣть?.. Это что-то неправдоподобно!— говорила княгиня, которая дѣйствительно не могла понять, что этотъ несчастный пропойца и нищій, какимъ былъ ея кузенъ, могъ не только сердечно отнестись къ другому нищему, но еще и одѣть его.

Тогда Антошка разсказалъ про письма, которыя „графъ“ разносилъ, и про двадцать пять рублей, полученные отъ какой-то „сродственницы“. Изъ

этихъ денегъ графъ и сдѣлалъ полную обмундировку. Все справилъ: и рубахи, и пиджакъ, и сапоги, и полушубокъ...

— Вотъ какой графъ, ваше сіятельство!—произнесъ дрогнувшимъ голосомъ Антошка... — Какъ отецъ родной... И я за графа, кажется, что угодно приму... Меня-то одѣли и обули въ самомъ лучшемъ видѣ, а самъ-то графъ, ваше сіятельство, въ зябкомъ пальтецѣ ходятъ... Наскрозь продуваетъ... Хучь бы воротникъ мѣховой какой, и того нѣтъ... А между тѣмъ больны... Кашляютъ страсть!—говорилъ со страстностью адвоката Антошка, имѣя заднюю мысль порадѣть въ пользу своего друга. Быть можетъ, княгиня, узнавъ положеніе родственника, справитъ графу шубу.

Рѣчь Антошки дышала такой правдой, что даже и пессимистическая княгиня повѣрила, что Антошка не разсказываетъ заранѣе сочиненной исторіи. И княгинѣ какъ будто стало неловко за свои подозрѣнія на своего „пропавшаго“ кузена. Она прежде его знала, и онъ ей когда-то даже нравился.

И княгиня, значительно смягчившись, спросила:

— Такъ твой графъ боленъ?

— Грудью, должно быть, больны...

— Пьетъ, видно?..

— И вовсе не пьетъ, ваше сіятельство!—рѣшительно отвѣчалъ Антошка.

Княгиня недовѣрчиво усмѣхнулась.

Затѣмъ она задала Антошкѣ еще нѣсколько вопросовъ относительно помѣщенія и пищи у Ивана Захаровича и, получивъ обстоятельные отвѣты, занесла ихъ въ записную книжку.

Какъ не лестно было Антошкѣ находиться въ

гостяхъ у княгини, тѣмъ не менѣе визитъ этотъ начиналъ казаться ему нѣсколько продолжительнымъ. Было дьявольски жарко и очень хотѣлось ѣсть.

И Антошка разсчитывалъ, что княгиня тотчасъ же прикажетъ выдать графу на шубу, а ему, Антошкѣ, тоже отвалитъ по крайней мѣрѣ рубль и отпуститъ его домой.

Но надежды Антошки не оправдались.

Княгиня нѣсколько времени молчала, погруженная, казалось, въ какія-то размышленія, и наконецъ обратилась къ Антошкѣ съ вопросомъ:

— Тебѣ сколько лѣтъ?..

— Пятнадцатый...

— Грамотѣ, конечно, не знаешь?

— Немножко, самоучкой, ваше сіятельство.

— А въ церковь ходишь?..

— Нѣтъ, ваше сіятельство...

Княгиня строго покачала головой и что-то черкнула въ книжкѣ.

— Но, по крайней мѣрѣ, дома молишься каждый день?

Антошка, имѣвшій довольно смутныя понятія и о религіи, и о религіозныхъ обязанностяхъ, обыкновенно прибѣгалъ къ помощи Господа Бога въ экстренныхъ случаяхъ, преимущественно тогда, когда выручка была плоха и ему грозила, по его соображеніямъ, порка. Въ такіе моменты Антошка съ страстной горячностью молился Богу, сочиняя самъ молитвы, принаровленныя исключительно къ обстоятельствамъ дѣла. Онъ просилъ Всемогущаго, чтобы онъ послалъ ему хорошую выручку или чтобы запретилъ подлому чорту дяденькѣ наказывать

его ремнемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда молитвы его не бывали услышаны, и Антошка возвращался изъ комнаты „дяденьки“ съ исполосованной спиной,—онъ обращался къ Господу Богу съ молитвами уже самаго не христіанскаго характера, а именно: просилъ, чтобы дяденьку разразило на мѣстѣ, а „рыжую вѣдьму“ взяли черти.

Затѣмъ онъ часто упоминалъ имя Божіе и особенно Христа Спасителя во время нищенства, а во время своей торговой дѣятельности клялся и божился, призывая Господа Бога въ доказательство доброкачественности и дешевизны спичекъ, конвертовъ и бумаги,—съ расточительностью, во истину грѣховной.

Таково было религіозное поведеніе Антошки.

И потому, когда княгиня задала ему послѣдній вопросъ, онъ, рѣшительно не знавшій, что молиться слѣдуетъ каждый день, а не тогда только, когда грозитъ встрепка, — добросовѣстно сознался, что каждый день не молится.

И, сознавшись, тотчасъ же раскаялся, что не совралъ, такъ какъ опять увидѣлъ, какъ неодобрительно княгиня покачала головой и снова черкнула что-то въ своей книжкѣ...

Рѣшительно конецъ визита подгадилъ все. „Теперь тю-тю и графская шуба, и рубль!—подумалъ Антошка, прозрѣвая, какъ опытный наблюдатель, въ серьезномъ выраженіи красиваго лица княгини, и особенно въ ея глазахъ, большихъ, строгихъ, темносѣрыхъ глазахъ, что-то недовольное и малообѣщающее.

— Ты знаешь какую-нибудь молитву?

Увы! Антошка не зналъ ни одной молитвы, кромѣ вдохновенныхъ молитвъ собственнаго сочиненія.

Соврать было рѣшительно невозможно. Эта „занозистая княгиня“, какъ уже мысленно окрестилъ ее Антошка, сейчасъ же поймаетъ.

И Антошка, испытывая чувство подавленности и нѣкотораго раздраженія, далеко безъ прежней развязности проговорилъ:

— Не знаю.

Снова зачиркалъ карандашъ. И опять вопросъ:

— И „Отче нашъ“ не знаешь?

— Не знаю!—угрюмо, опуская на коверъ глаза, прошепталъ Антошка.

— Бѣдный мальчикъ!—промолвила княгиня, отмѣтивъ въ книжкѣ, что Антошка не знаетъ даже „Отче нашъ“.

Но это восклицаніе не пріободрило Антошку и только отозвалось въ его ушахъ, но не проникло въ сердце.

Снова наступило молчаніе.

Антошка съ удовольствіемъ готовъ былъ бы дать тягу, значительно разочаровавшись въ настоящихъ княгиняхъ, которыя вмѣсто того, чтобы дать мальчику на бѣдность и приказать его накормить, нудятъ его допросами, не принимая въ соображеніе, что онъ задыхается отъ жары.

„Нечего сказать, княгиня!“

То-то онъ разскажетъ „графу“, какъ она донимала. И что за бѣда, что онъ не знаетъ молитвъ. Онъ можетъ ихъ выучить, если на то пошло!

— Я подумаю, что для тебя можно сдѣлать, мальчикъ!—проговорила, наконецъ, княгиня и пожала пуговку электрическаго звонка.

Явился лакей.

— Проводите мальчика на кухню. Пусть онъ тамъ подождетъ. Что, все приготовлено въ залѣ?

— Все готово, ваше сіятельство!

— Ступай, мальчикъ, посиди. Ты еще будешь мнѣ нуженъ.

Антошка вышелъ, нѣсколько недоумѣвающій.

„Что еще съ нимъ будутъ дѣлать? Неужели опять нудить допросами? Въ такомъ случаѣ хоть бы дали поѣсть!“—подумалъ Антошка, чувствуя дьявольскій аппетитъ, особенно усилившійся на кухнѣ, гдѣ пахло чѣмъ-то вкуснымъ.

Но княгиня, скорбѣвшая о мальчикѣ, не знавшемъ даже „Отче нашъ“ и рѣшившая сегодня же въ засѣданіи поднять вопросъ о томъ, какъ его устроить, не подумала, что мальчикъ, можетъ быть, голоденъ, и не приказала накормить Антошку.

XVI.

Въ часъ начали собираться члены комитета Общества „Помогай ближнему!“.

Въ ожиданіи начала засѣданія въ кабинетѣ княгини шла обычная болтовня: передавали новости, говорили о погодѣ, о только что назначенномъ новомъ министрѣ, о послѣднемъ судебномъ дѣлѣ, интересовавшемъ Петербургъ.

Собравшіяся дамы-благотворительницы принадлежали въ разнымъ кружкамъ петербургскаго общества: было нѣсколько свѣтскихъ, двѣ, три, принадлежащія къ среднему кругу, одна женщина врачъ, и некрасивая, немолодая, сухощавая дѣвица—куп-

чиха милліонерка, извѣстная своею щедрою благотворительностью.

Во второмъ часу княгиня попросила гостей порейти въ залъ. Почти всѣ собрались, только адмиральша Андрусова, по обыкновенію, опоздала — вѣрно, скоро пріѣдетъ.

Всѣ усѣлись вокругъ большого стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, на которомъ были разложены листы бѣлой бумаги, очиненные карандаши и экземпляры послѣдняго отчета.

На концѣ стола, передъ кресломъ предсѣдательницы рядомъ съ большой чернильницей и перьями лежали папки съ бумагами и красовался звонокъ.

— Открываю засѣданіе! — произнесла княгиня, опускаясь въ кресло.

По обѣ ея стороны усѣлись единственные два мужчины, бывшіе среди присутствовавшихъ девяти дамъ: казначей Общества, Артемій Ильичъ Пушниковъ, извѣстный петербургскій коммерсантъ и богачъ, пожилой, сухощавый господинъ съ бритымъ лицомъ, смахивающій на англичанина, и секретарь, г. Цвѣтковскій, молодой блондинъ изъ лицеистовъ съ пріятнымъ, нѣсколько женоподобнымъ лицомъ, мягкими, изящными манерами и почтительно нѣжнымъ взглядомъ красивыхъ голубыхъ глазъ,—словомъ, съ тою наружностью, которая словно бы присуща секретарямъ дамскихъ благотворительныхъ обществъ.

Корректный, элегантно-одѣтый, коротко остриженный, съ бородкой à la Henri IV, чистенькій и аккуратный, онъ и имя имѣлъ вполнѣ соотвѣтствующее положенію: Евгеній Аркадьевичъ.

Сынъ небогатыхъ родителей, онъ служилъ въ

одномъ изъ департаментовъ и подавалъ надежды, а досуги свои посвящалъ обществу „Помогай ближнему!“, работая въ немъ усердно и добросовѣстно и нѣсколько побаиваясь строгой предсѣдательницы, которая вникала во всѣ дѣла и, энергичная, дѣятельная и до щепетильности аккуратная сама, требовала и отъ другихъ добросовѣстнаго исполненія принятыхъ на себя обязанностей.

— Не угодно ли, Евгеній Аркадьевичъ, прочитать протоколъ прошлаго засѣданія?

Цвѣтковскій поднялся съ кресла и пріятнымъ, слегка пѣвучимъ баритономъ сталъ читать протоколъ о разрѣшенныхъ разнымъ лицамъ пособіяхъ, о назначеніи пенсій, о наведеніи справокъ, объ отказахъ по тѣмъ или другимъ причинамъ, объ устройствѣ благотворительнаго концерта и т. п.

Чтеніе заняло минутъ пять времени.

— Угодно принять протоколъ?—спросила княгиня.

Никто не возражалъ.

Секретарь положилъ протоколъ передъ предсѣдательницей. Она подписала его, и затѣмъ всѣ стали подписывать, передавая протоколъ другъ другу, пока онъ не вернулся къ секретарю и, имъ подписанный, бережно и аккуратно былъ вложенъ въ портфель.

— Вы готовы, Евгеній Аркадьичъ?

— Готовъ, княгиня!—отвѣчалъ секретарь, кладя передъ собой чистый листъ бумаги и вооружаясь перомъ.

— Не угодно ли прослушать справки о лицахъ, обращавшихся съ просьбами о пособіи въ прошлое засѣданіе. Лидія Васильевна!.. Вамъ первой... О

вдовѣ рядового камчатскаго пѣхотнаго полка, Пелагеѣ Устиновой... прачкѣ,—говорила княгиня привычнымъ, дѣловымъ тономъ, громко и отчетливо, заглядывая въ исписанный листокъ.

Некрасивая пожилая дѣвушка-милліонерка, за громаднымъ состояніемъ которой напрасно охотились одно время молодые и красивые женихи титулованныхъ фамилій, стала давать отчетъ о своемъ посѣщеніи прачки.

Она говорила порывисто и горячо, краснѣя, торопясь и заикаясь и оттого, что конфузилась говорить въ собраніяхъ, хотя была членомъ во многихъ благотворительныхъ обществахъ, и оттого, что сознавала некрасивость своего желтаго прыщеватаго лица съ подслѣповатыми глазами, и оттого, что на нее были обращены взгляды всѣхъ присутствовавшихъ дамъ, которыя не безъ зависти разглядывали ея простое, но прелестно сшитое платье отъ Ворта и крупные брилліанты въ ушахъ.

Она была на прошлой недѣлѣ у Дарьи Семеновой, на Петербургской сторонѣ. Положеніе ея ужасное. Ей пятьдесятъ пять лѣтъ. Вотъ уже годъ, какъ она не въ состояніи работать и добывать себѣ кусокъ хлѣба. У нея застарѣлый ревматизмъ, и она не встаетъ съ постели. Въ больницу ее не принимаютъ...

— Кажется, хроническихъ больныхъ не принимаютъ въ больницы, Анна Игнатьевна?—обратилась некрасивая милліонерка къ дамѣ, сидѣвшей напротивъ.

Плотная, здоровая и крѣпкая женщина-врачъ, лѣтъ около сорока, въ черномъ шелковомъ платьѣ, съ золотой цѣпочкой отъ часовъ поверхъ лифа, съ

тѣмъ твердымъ, увѣреннымъ и даже самодовольнымъ выраженіемъ на своемъ широкомъ, румяномъ лицѣ съ крупными некрасивыми чертами, которое нерѣдко бываетъ у женщинъ, добившихся тяжелымъ, долгимъ трудомъ успѣха въ жизни,—подтвердила предположеніе дѣвушки милліонерки, замѣтивъ авторитетнымъ тономъ:

— Совершенно вѣрно. Хрониковъ въ больницы не принимаютъ.

— Вотъ и старуха говоритъ, что ее не приняли...

И дѣвушка-милліонерка продолжала перечислять бѣды Пелагеи Устиновой.

Родныхъ у нея здѣсь ни души. Живетъ она въ отвратительномъ углѣ и три мѣсяца не платитъ за квартиру, такъ что бѣдную старуху квартирная хозяйка грозитъ выгнать... Все, что она скопила на черный день, прожито. Все это разсказала старуха... Она вообще производитъ хорошее впечатлѣніе... Ея слова подтвердили и всѣ ея сожители и квартирная хозяйка.

— По моему мнѣнію, ей непремѣнно слѣдуетъ помочь... даже назначить пенсію!—заключила докладчица, деликатно, разумѣется, умолчавъ, что при посѣщеніи старухи она дала ей своихъ пять рублей.

— Мнѣ кажется, самое лучшее намъ помѣстить ее въ богадѣльню!—проговорила княгиня.

Всѣ согласились, что это было бы лучше всего.

— Я говорила ей объ этомъ, но она не хочетъ.

— Отчего не хочетъ?

— Она надѣется поправиться и опять работать...

Еще бы ей хотѣть въ богадѣльню, этой Пелагеѣ, извѣстной на Петербургской сторонѣ нищей и посѣтительницы кабаковъ.

Она, эта охавшая, съ завязаннымъ лицомъ, старуха тотчасъ же по уходѣ дамы-благотворительницы, вскочила съ постели, какъ встрепанная, и добросовѣстно подѣлившись съ сожителями за подтвержденіе ея безшабашнаго вранья, ушла изъ квартиры и вернулась домой мертвецки-пьяная.

Отдавши должную дань трудолюбивымъ порывамъ Пелагеи Устиновой, комитетъ постановилъ: назначить ей по три рубля ежемѣсячнаго пособія на годъ, и если она не поправится, хлопотать о помѣщеніи ея въ богадѣльню. О постановленіи извѣстить просительницу.

Женщина-врачъ, сообщившая о престарѣлой вдовѣ мелкаго чиновника, и г. Цвѣтковскій, доложившій объ одной молодой женщинѣ, брошенной съ четырьмя дѣтьми негодяемъ мужемъ, были не такъ восторженны въ своихъ рѣчахъ, какъ дѣвушка-милліонерка, и, по всей вѣроятности, менѣе довѣрчивы къ словамъ разнаго бѣднаго люда, который имъ приходилось посѣщать по своимъ обязанностямъ благотворителей. Но такъ какъ и вдова-чиновница, и женщина, брошенная мужемъ, безспорно жили въ нищетѣ, то имъ было назначено временное пособіе по пяти рублей на каждую, причемъ постановлено было имѣть въ виду брошенную женщину и ея малолѣтнихъ дѣтей.

Затѣмъ княгиня стала докладывать поступившія прошенія.

Ихъ было порядочно, этихъ прошеній, на большихъ и на маленькихъ листахъ бѣлой и сѣрой бумаги, написанныхъ и чувствительнымъ, и строгодѣловымъ, и патетическимъ, и унизительнымъ, и ругательнымъ слогомъ, и длинныхъ, съ автобіогра-

фическими подробными свѣдѣніями, и съ изложеніемъ утѣшительныхъ видовъ на будущее, и лаконическихъ въ нѣсколько строчекъ, и, наконецъ, юмористическихъ, въ которыхъ разная бѣднота, но по преимуществу „престарѣлые капитаны и поручики“, „несчастные благородные дворяне“ и „горемычныя вдовы“, обремененныя сиротами, взывали къ „добрымъ сердцамъ“ и „высокому покровительству“ Высочайше утвержденнаго Общества „Помогай ближнему!“.

Княгиня не читала прошеній, особенно длинныхъ и иногда не лишенныхъ глубокаго трагизма, скрытаго въ высокопарныхъ, безграмотныхъ словахъ, а дѣлала извлеченія, выбирая самое существенное.

По нѣсколькимъ прошеніямъ давнишнихъ кліентовъ разрѣшены были выдачи, нѣсколькимъ хорошо извѣстнымъ пьяницамъ было отказано, а по остальнымъ рѣшено собрать свѣдѣнія...

Доложивъ послѣднее прошеніе, княгиня проговорила:

— Теперь позвольте обратить ваше вниманіе на одно изъ тѣхъ ужасающихъ золъ, которыя, къ стыду нашему, творятся въ Петербургѣ... Я сегодня, сейчасъ объ этомъ узнала, и совершенно случайно. Знаете ли вы, что въ Петербургѣ существуетъ особый промыселъ: брать несчастныхъ дѣтей и посылать ихъ рваныхъ и плохо обутыхъ просить милостыню на улицахъ. Мы всѣ, конечно, видѣли такихъ дѣтей, но едва ли кому-нибудь изъ насъ могла прійти въ голову чудовищная мысль, что эти дѣти — жертвы чужой организованной эксплоатаціи...

Вслѣдъ за такимъ эффектнымъ началомъ, кня-

гиня, со свойственною ей умѣлостью, передала факты, сообщенные ей Антошкой о заведеніи Ивана Захаровича, объ истязаніи дѣтей, объ ихъ одеждѣ, помѣщеніи, пищѣ.

Для огромнаго большинства благотворительныхъ дамъ сообщеніе княгини было невѣроятнымъ открытіемъ.

Всѣ возмутились.

— Неужели, милая княгиня, такіе ужасы существуютъ!—воскликнула одна изъ свѣтскихъ благотворительницъ, молодая элегантная дама.

— Вѣдь это что-то чудовищное! — воскликнула другая.

— И чего смотритъ полиція!—строго замѣтила пожилая супруга какого-то виднаго чиновника.

— Вы, княгиня, открываете одно изъ возмутительнѣйшихъ явленій!—вставилъ, въ видѣ комплимента, секретарь.

Весьма довольная, что ей пришлось открыть это возмутительное явленіе и познакомить съ нимъ своихъ коллегъ, княгиня продолжала:

— У меня находится одна изъ такихъ жертвъ—мальчикъ, который бѣжалъ изъ заведенія нищихъ дѣтей послѣ того, какъ его истязали. Онъ нашелъ пристанище у одного сострадательнаго нищаго, человѣка, когда-то принадлежавшаго обществу, и окончательно павшаго... Этотъ отверженецъ — можете себѣ представить?—принялъ горячее участіе въ мальчикѣ, кое-какъ одѣлъ его, обратившись за подачками къ своимъ родственникамъ, и прислалъ его ко мнѣ съ просьбой что-нибудь сдѣлать для него... Этотъ мальчикъ и разсказалъ мнѣ все... Его исторія—необыкновенно печальная... Онъ сирота... Не

знал ни отца, ни матери... и „работал“, как он выражается, то-есть, собирал милостыню, для этого изверга, какого-то отставного солдата... Мальчик производит хорошее впечатлѣніе, но вообразите, въ какой обстановкѣ онъ росъ?.. Онъ не знаетъ даже своей фамиліи... Только одно имя! А ему пятнадцатый годъ!

Открытіе мальчика, „не знающаго своей фамиліи“, вызываетъ общій взрывъ удивленія.

Снова раздаются восклицанія:

— Не знаетъ своей фамиліи!

— Несчастный мальчикъ!

— Это дикарь какой-то!

Только женщина-врачъ не выражала удивленія, и въ глазахъ ея мелькала едва замѣтная улыбка. Ее подмывало даже объявить во всеуслышаніе, что въ сообщенномъ фактѣ нѣтъ ничего особенно удивительнаго и въ доказательство привести кое-какія данныя о положеніи дѣтей бѣдныхъ хотя бы въ Англіи.

Но Анна Игнатьевна вспомнила, что получила мѣсто въ институтѣ, благодаря княгинѣ, и, не смотря на желаніе блеснуть эрудиціей, дипломатически промолчала, хорошо сознавая, что омрачить это наивное удивленіе малосвѣдущихъ дамъ и въ особенности княгини—было бы для нихъ непріятно.

„Пусть себѣ удивляются тому, что всякому интеллигентному человѣку хорошо извѣстно! На то онѣ и свѣтскія барыни!“ высокомѣрно подумала Анна Игнатьевна, питавшая въ то же время нѣкоторое завистливое удивленіе къ этимъ свѣтскимъ барынямъ за ихъ манеры и умѣнье одѣваться.

Но еще большее впечатлѣніе, чѣмъ незнаніе фамиліи, произвели на собраніе слова княгини:

— Мало того... Этотъ мальчикъ никогда не бывалъ въ церкви и никогда не молился... Онъ даже не знаетъ: „Отче нашъ!“

Послѣ нѣсколькихъ секундъ изумленнаго молчанія нѣсколько дамъ сразу заговорили о томъ, что надо принять мѣры противъ такихъ чудовищныхъ явленій... Необходимо указать полиціи. Вѣроятно въ Петербургѣ не одно такое заведеніе, въ которомъ выростаютъ подобныя дѣти... Что ждетъ ихъ въ будущемъ?.. Обществу „Помогай ближнему!“ слѣдуетъ прійти имъ на помощь... Это его святая обязанность... Не правда ли, княгиня?

Княгиня, твердо соблюдавшая порядокъ, позвонила въ колокольчикъ.

Наступило молчаніе.

— Я не имѣю повода сомнѣваться въ правдивости показаній мальчика,—заговорила княгиня,—но во всякомъ случаѣ прежде всего надо навести справки... Если комитету будетъ угодно, я возьму это на себя... Разрѣшаетъ комитетъ?

Всѣ изъявили согласіе.

Кто жъ это лучше сдѣлаетъ, какъ не княгиня?

— Если свѣдѣнія, сообщенныя мальчикомъ, подтвердятся, я сама поѣду просить кого слѣдуетъ о томъ, чтобы обратили вниманіе на эту безжалостную эксплоатацію дѣтей... и затѣмъ доложу комитету... Занесите это въ протоколъ, Евгеній Аркадьевичъ!

— Я записалъ, княгиня...

— А я тогда скажу Петру Петровичу... Хотите, княгиня?—спросила молодая элегантная барыня.

— Отлично... Онъ, конечно, распорядится, чтобы этого не было.

— Конечно, онъ ничего и не знаетъ о бѣдныхъ дѣтяхъ!—промолвила пожилая супруга важнаго чиновника.

— Что же касается мальчика, то я предложила бы комитету помѣстить его въ нашъ пріютъ... У насъ вѣдь есть, кажется, одна вакансія въ пріютѣ, Евгеній Аркадьевичъ?

— Есть, княгиня...

— Угодно комитету разрѣшить помѣстить мальчика въ пріютъ?..

Никто не имѣлъ ничего противъ.

— Оставлять его на попеченіи того лица, у котораго находится, было бы гибельно для мальчика и для всей его будущности... А мальчикъ очень способный... Быть можетъ, комитету угодно видѣть будущаго питомца и отъ него самого услышать его печальную эпопею?..

Это предложеніе было принято съ большимъ удовольствіемъ. Всѣмъ любопытно было первый разъ въ жизни взглянуть на маленькаго несчастнаго дикаря, не знающаго своей фамиліи и не знающаго „Отче нашъ!“.

XVII.

Благодаря сердобольной молодой судомойкѣ, догадавшейся предложить голодному Антошкѣ стаканъ кофе съ большимъ кускомъ ситника, мальчикъ заморилъ червяка и, снявши полушубокъ, уже съ меньшею подавленностью духа сидѣлъ въ сторонкѣ на кухнѣ и снова любопытно наблюдалъ и за поваромъ, и за другой прислугой, прислушиваясь къ ихъ разговорамъ. Довольно ѣдкія замѣчанія на счетъ

княгини только подтвердили предположеніе Антошки, что она „заносистая“ и что ее всѣ слуги въ домѣ боятся.

Прошелъ долгій часъ, и Антошка рѣшился обратиться къ лакею, водившему его въ кабинетъ княгини, съ вопросомъ:

— Позвольте узнать: долго мнѣ еще дожидаться?

Слова эти были сказаны такимъ почтительнымъ тономъ, что Антошка сразу расположилъ къ себѣ великолѣпнаго лакея съ роскошными бакенбардами.

— Теперь, должно быть недолго... Комитетъ скоро кончится!—снисходительно проговорилъ онъ.

Антошка видимо не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о комитетѣ, и лакей ему пояснилъ:

— Господа, значитъ, собрались къ княгинѣ, ну и разсуждаютъ о такихъ же бѣдныхъ субъектахъ, какъ ты... И твое дѣло обсудятъ, какъ слѣдуетъ. Не бойся, и тебѣ выйдетъ какая-нибудь резолюція... Сиди, пока не потребуютъ!

Антошка, рѣшительно не подозрѣвавшій о существованіи благотворительныхъ обществъ и въ теченіи своей, во истину каторжной, жизни у „дяденьки“ ни разу не испытавшій ихъ благодѣяній, былъ порядочно-таки удивленъ, что господа собираются для разговоровъ о бѣдныхъ субъектахъ (слово это онъ почему-то счелъ ругательнымъ и вообще презрительнымъ по отношенію къ бѣднымъ) и въ особенности тѣмъ, что господа обсуждаютъ—если только лакей не вретъ—и его какое-то дѣло.

По его мнѣнію, это ужъ совершенно лишнее. Что тутъ обсуждать? Гораздо проще, казалось бы, богачкѣ княгинѣ, не спрашивая ни чьихъ совѣтовъ, дать ему рубль и послать въ конвертѣ графу

краснснькую: „купите, молъ, себѣ теплый воротникъ“, и дѣло съ концомъ! А то изъ-за такихъ пустяковъ собираться и разсуждать, заставляя человѣка зря дожидаться, — это Антошка находилъ невѣроятнымъ и „довольно даже глупымъ“.

И онъ подумалъ, что вѣрно княгиня забыла про него, а лакей вретъ и смѣется надъ нимъ, разчесанная шельма!

„Знаю я ихъ подлецовъ. Они любятъ издѣвку!“ —рѣшилъ про себя Антошка, испытавшій не разъ во время лѣтнихъ экскурсій по дачамъ съ ларькомъ лакейскія каверзы.

Однако онъ не выразилъ на своемъ лицѣ подозрѣнія и сдѣлалъ видъ, что вполнѣ повѣрилъ словамъ лакея.

„Пусть себѣ думаетъ, что надулъ!“

Но когда, наконецъ, этотъ же самый лакей торопливо вошелъ на кухню съ приказаніемъ Антошкѣ итти за нимъ и, разрѣшивъ Антошкѣ остаться въ блузѣ, ввелъ его въ большую залу, Антошка, увидавъ сидѣвшихъ за столомъ лицъ, убѣдился, что лакей былъ правъ.

„Вѣрно, все княгини и князья!“ подумалъ онъ и, оставленный лакеемъ у двери, поглядывалъ на „княгинь“ безъ особеннаго смущенія и страха, имѣя уже случай изъ продолжительнаго свиданія съ самой настоящей княгиней убѣдиться, что страшнаго въ нихъ рѣшительно ничего нѣтъ. Это не то, что „дяденька“, „рыжая вѣдьма“ или озвѣрѣвшій „фараонъ!“

Онъ замѣтилъ, что княгиня что-то сказала щуплому барину, сидѣвшему около нея, и тотъ направился къ нему.

„Видно, объявка будетъ!“

Но вмѣсто того „щуплый“, какъ обозначилъ Антошка молодого секретаря, довольно осторожно взялъ своими двумя бѣлыми и длинными пальцами за рукавъ Антошкиной блузы и, проговоривъ „идемъ мальчикъ!“, не безъ нѣкоторой торжественности провелъ Антошку черезъ залу и поставилъ его у кресла предсѣдательницы, лицомъ къ столу такъ, что всѣ господа члены комитета Общества „Помогай ближнему!“ могли отлично разсмотрѣть такую диковину, какъ мальчикъ, прокусившій ногу своего мучителя и — что еще необыкновеннѣе! — не знающій ни своей фамиліи, ни „Отче нашъ“.

Зрители, устремившіе любопытные взоры на Антошку, были, повидимому, нѣсколько разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ увидѣть передъ собою маленькаго дикаря, грязнаго, съ всклокоченными волосами или что-нибудь въ подобномъ родѣ.

Вмѣсто того, передъ ними мальчикъ, какъ мальчикъ, даже довольно приличный и чистый и совсѣмъ не имѣющій того забитаго вида, который, казалось бы, долженъ имѣть послѣ всѣхъ своихъ злоключеній. Напротивъ! Въ этой маленькой, тщедушной фигуркѣ и особенно въ выраженіи его глазъ было что-то слишкомъ смѣлое и вызывающее для мальчика въ его положеніи и совсѣмъ непривычное въ кліентахъ, съ которыми благотворительныя дамы имѣли дѣло.

Однако, онѣ нашли (о чемъ нѣкоторыя и перекинулись французскими фразами), что мальчикъ недуренъ собою, но только бѣдняжка блѣденъ и, хотя разочарованныя, все-таки не отказали ему въ нѣкоторомъ сочувственномъ сожалѣніи.

Нѣсколько иначе отнеслись къ нему мужчины: казначей, господинъ Пушниковъ подумалъ, что Антошка долженъ быть продувная бестія и что, слѣдовательно, изъ него современемъ можетъ выйти человѣкъ, а секретарь Евгеній Аркадьевичъ былъ нѣсколько шокированъ и не совсѣмъ, по его мнѣнію, почтительною позой Антошки и недостаточнымъ, такъ сказать, проникновеніемъ чувствомъ благоговѣнія и благодарности, которое долженъ бы испытывать этотъ нищенка и бродяжка, имѣя счастье находиться передъ такимъ собраніемъ.

Во всякомъ случаѣ Антошка не оправдалъ ожиданій, и княгиня это тотчасъ же замѣтила.

И, чтобы возбудить интересъ къ открытому ею интересному мальчику, она сказала ему:

— Ну, мальчикъ, разскажи намъ, что ты терпѣлъ у своего Ивана Захаровича и какъ ты отъ него убѣжалъ... Разсказывай, какъ знаешь... Не бойся... Здѣсь все твои доброжелатели...

Антошка удивился, что это интересуетъ княгиню настолько, что она во второй разъ заставляетъ его разсказывать да еще не съ глаза на глазъ, а при другихъ.

Однако, дѣлать было нечего. Антошка откашлялся и повторилъ свой разсказъ съ нѣкоторыми, впрочемъ, сокращеніями.

Тѣмъ не менѣе, успѣхъ Антошки, какъ лектора былъ несомнѣнный, и когда, вслѣдъ за сообщеніемъ Антошки, засѣданіе было закрыто, то многія дамы передъ уходомъ подходили къ Антошкѣ и выражали ему въ болѣе или менѣе теплыхъ словахъ участіе. Его называли „бѣднымъ мальчикомъ“, его трепали по щекѣ лайковыми и шведскими перчат-

ками. Его утѣшали, что теперь положеніе его совсѣмъ измѣнится, и онъ сдѣлается вполнѣ хорошимъ мальчикомъ и будетъ знать не только „Отче нашъ“, но и другія молитвы и вполнѣ оправдаетъ заботы о немъ Общества „Помогай ближнему!“.

Антошка принималъ всѣ эти знаки сочувствія довольно равнодушно и, къ ужасу секретаря Евгенія Аркадьевича, даже не благодарилъ, а только хлопалъ глазами, очевидно, не вполнѣ понимая въ чемъ дѣло и какимъ образомъ измѣнится его положеніе, если ни одна изъ этихъ „княгинь“, подходившихъ къ нему и находившихъ, что онъ бѣдный мальчикъ, не дала ему ни гривенника. „А дай каждая изъ нихъ по гривеннику — было бы ровно 90 копѣекъ!“ быстро рѣшилъ въ умѣ своемъ Антошка математическую задачу.

Двухъ мужчинъ онъ вовсе не принялъ въ разсчетъ при этой выкладкѣ, такъ какъ сразу почувствовалъ не особенно дружелюбное отношеніе ихъ къ себѣ. Особенно этотъ „щуплый“ брезгливо посматривалъ на него своими стеклянными голубыми глазами... Отъ этихъ двухъ господъ нечего было и ожидать хотя бы пятака—и чортъ съ ними!..

Но барыни, кажется, могли бы дать по гривеннику. Не бойсь, не обѣднѣли бы. А то трепали по щекѣ и ушли себѣ, а еще княгини?...

Нечего сказать: „Довольно скупыя княгини!“— подумалъ Антошка, оставаясь наединѣ съ княгиней Моравской въ большой залѣ и поглядывая, какъ она писала какое-то письмо.

„Вѣрно, графу и, вѣрно, сейчасъ вложитъ бумажку“, рѣшилъ про себя Антошка.

Но его подвижное выразительное лицо, только-

что оживленное надеждой, что всѣ его сегодняшнія мытарства кончатся, наконецъ, посылкой денегъ графу, омрачилось, когда княгиня никакой бумажки въ конвертъ не положила и, вручая его Антошкѣ, проговорила:

— Вотъ отдай эту записку твоему графу... Пусть завтра ровно къ часу пришлетъ тебя съ твоимъ документомъ въ пріютъ... Я въ это время сама тамъ буду... Адресъ написанъ... Васильевскій Островъ, десятая линія, д. 15. Не забудешь?

Антошка былъ удрученъ, прозрѣвая что-то очень непріятное, въ виду того, что его требовали съ документомъ.

И онъ спросилъ упавшимъ голосомъ:

— Осмѣлюсь спросить, ваше сіятельство, зачѣмъ мнѣ итти въ пріютъ?

— Какъ зачѣмъ? Я тебя опредѣлю въ нашъ пріютъ. Ты знаешь, что такое пріютъ, мальчикъ?

— То-то не знаю, ваше сіятельство.

— Это — заведеніе для дѣтей. Ты будешь тамъ жить. Тебя будутъ одѣвать, кормить и учить и года черезъ два-три ты выйдешь оттуда порядочнымъ человѣкомъ и о тебѣ позаботятся... Тебѣ пріищутъ мѣсто... Ну, что доволенъ, мальчикъ?

Но вмѣсто выраженія радости, Антошка сталъ мраченъ, какъ туча, и довольно рѣшительно сказалъ:

— Я въ пріютъ не согласенъ, ваше сіятельство!

Княгиня была изумлена. И красивые ея глаза сдѣлались совсѣмъ строгими, когда она спросила:

— Почему же ты не согласенъ?

— Я не уйду отъ графа!

— Глупый мальчикъ! Ты не понимаешь самъ,

что говоришь... Тебѣ непремѣнно надо уйти отъ твоего графа.

— Очень даже хорошо понимаю, ваше сіятельство!—вызывающе возразилъ Антошка, чувствуя къ княгинѣ непріязнь за то, что она хочетъ разлучить его съ единственнымъ человѣкомъ на свѣтѣ, котораго онъ безгранично любитъ.

Но княгиня, искренно желавшая вырвать мальчика изъ „когтей порока“, въ которыхъ онъ несомнѣнно погрязнетъ, оставаясь при „графѣ“, не обратила вниманія на тонъ Антошки и проговорила нѣсколько докторальнымъ и, по ея мнѣнію, убѣдительнымъ тономъ:

— Слушай, мальчикъ, что я тебѣ скажу... Слушай и вникни. Твой „графъ“ самъ нищій... Онъ самъ проситъ милостыню на улицахъ... Такъ какъ же онъ будетъ тебя содержать? Это во-первыхъ...

Но Антошка снова не далъ княгинѣ продолжать и съ живостью произнесъ:

— Я достану себѣ мѣсто, ваше сіятельство... Только вотъ выучусь читать да писать... Я въ газетчики пойду, а ужъ какъ угодно, графа не оставлю, развѣ онъ меня прогонитъ... Я очень вамъ благодаренъ, ваше сіятельство, за этотъ самый пріютъ... но отъ графа не уйду... При немъ буду... И графъ этого желаютъ... И до самой его смерти я при ихъ останусь!—возбужденно и горячо заключилъ Антошка.

Не безъ нѣкотораго удивленія внимала княгиня этимъ словамъ, недоумѣвая такой сильной привязанности мальчика къ павшему человѣку. И чѣмъ онъ могъ такъ привязать къ себѣ?

— Твоя признательность очень похвальна и дѣ-

лаетъ тебѣ честь, мальчикъ,—заговорила княгиня, даря Антошку благосклоннымъ взглядомъ,—благодарные люди такъ рѣдки... но ты еще слишкомъ малъ, чтобы понимать людей и понимать свою пользу... Въ пріютѣ ты научишься всему хорошему, а оставаясь у графа, ты пропадешь... Ты можешь сдѣлаться порочнымъ и сквернымъ человѣкомъ, пьяницей и воромъ, и попадешь въ тюрьму... Вся жизнь твоя погибнетъ... Твой графъ ничему хорошему не научитъ... Онъ будетъ посылать тебя нищенствовать, какъ и самъ, и никакого тебѣ мѣста не дадутъ... Онъ самъ, этотъ твой „графъ“ пропащій, скверный человѣкъ... Берегись его!

Глаза Антошки, возмущеннаго до глубины души такою клеветой на „графа“, уже сверкали злымъ огонькомъ.

— Графъ-то скверный?—воскликнулъ Антошка.—Ну ужъ извините, ваше сіятельство, а графъ, можетъ быть, получше другихъ генераловъ да важныхъ князей, даромъ что бѣдны!... И вовсе неправда, что графъ посылаетъ меня нищенствовать... Я самъ предлагалъ работать на ихъ, такъ онъ запретилъ! „Не смѣй, говоритъ, Антошка. Тебѣ, говоритъ, надо выучиться и стать человѣкомъ! „Вотъ онъ какой графъ! Да такого другого господина не сыскать по добротѣ, а не то что: „дурному научитъ“. Онъ дурному не научитъ, не извольте безпокоиться, ваше сіятельство... Онъ добрый, не то что другіе... А если на старости лѣтъ, да больные выходятъ на работу, такъ что жъ изъ этого? У нихъ денегъ нѣтъ, а кормиться надо... По настоящему, если бы богатые сродственники его были добрые, они бы по-

могли графу, а не то, что его ругать... А то сами богачи, на золотыхъ тарелкахъ кушаютъ, а не могутъ сродственнику новаго пальто справить... Подыхай, молъ! Это, не бойсь, благородно, ваше сіятельство?..

Антошка не помнилъ себя отъ охватившаго его негодованія и его рѣчь текла неудержимымъ страстнымъ потокомъ.

Изумленная княгиня не вѣрила своимъ ушамъ.

Такія возмутительно-дерзкія слова у этого мальчика!? Боже, какъ испорченъ этотъ несчастный!

И княгиня смѣрила Антошку съ головы до ногъ презрительно-строгимъ взглядомъ и нервно позвонила въ колокольчикъ.

Явился лакей съ великолѣпными бакенбардами.

— Уведите этого дерзкаго мальчика!—приказала княгиня.

Лакей поспѣшилъ вывести Антошку.

— Что, братецъ, видно дурная резолюція тебѣ вышла?—не безъ участія спросилъ лакей, когда Антошка торопливо надѣвалъ полушубокъ на кухнѣ, видимо спѣша поскорѣй удирать, а то, чего добраго, еще его задержатъ и силкомъ отправятъ въ этотъ, ставшій ненавистнымъ ему, пріютъ.

— Тоже: въ пріютъ. Такъ я и пошелъ въ ея пріютъ!—взволновано отвѣчалъ Антошка, направляясь къ дверямъ.

— Такъ что же ты дерзничалъ, коли тебѣ вышла такая резолюція? Въ пріютѣ хорошо... Кормятъ, поятъ вашего брата...

— Очень вамъ благодарны за вашъ пріютъ... Мы и безъ вашего пріюта найдемъ мѣсто!.. Тоже княгиня, нечего сказать! — довольно насмѣшливо

проговорилъ Антошка и, юркнувъ за двери, со всѣхъ ногъ пустился по лѣстницѣ.

Нѣсколько взволнованная княгиня скорбно вздохнула, оставшись одна. Господи! Какія выростаютъ дѣти въ этой ужасной нищетѣ и въ этомъ невѣжествѣ! И какая дерзость у этого мальчика! Какія мысли!? Это, вѣрно, все этотъ несчастный кузенъ его научилъ вмѣсто того, чтобы выучить хоть какой-нибудь молитвѣ.

Но княгиня не даромъ была энергичная благотворительница.

Тѣмъ съ большимъ упорствомъ намѣревалась она теперь спасти Антошку. И въ головѣ своей рѣшила непремѣнно отобрать Антошку отъ графа, если только онъ не пришлетъ мальчика добровольно въ пріютъ...

На всѣхъ парахъ летѣлъ Антошка домой, и когда, наконецъ, вернулся и вошелъ въ комнату „графа“, то, торопясь передать свои впечатлѣнія, возбужденно проговорилъ:

— Однако, графъ... княгиня. Ужъ вы извините, хоть она и ваша сродственница, а прямо сказать: скаредная! Держала цѣлое утро и хоть бы велѣла накормить... И ни копѣйки не дала... И всѣ тамъ онѣ разныя княгини... Ни грошика! У нихъ комитетъ былъ, и обо мнѣ тоже разсуждали... И допрашивали... Я имъ два раза разсказывалъ, сперва ей, княгинѣ, а потомъ имъ всѣмъ, какъ отъ дьявола дяденьки убѣжалъ... А княгиня, то какъ бы вы полагали, чѣмъ она меня ошарашила? Въ пріютъ, говоритъ... Съ вами, графъ, молъ, нельзя жить... Станешь воромъ и пьяницей... Ну и отчекрыжилъ же я княгиню, будьте спокой-

ны!... Сказалъ, что отъ васъ не пойду .. Вѣдь вы не отдадите меня въ пріютъ къ нимъ... Не отдадите, графъ?...

— Да ты успокойся, Антошка, и толкомъ все разскажи, а то, какъ мельница мелешь... А прежде всего давай обѣдать... И то я тебя заждался... Небойсь, ѣсть хочешь?

Хозяйка подала обѣдъ, и Антошка, утоливъ голодъ, сталъ разсказывать подробно о своемъ визитѣ къ княгинѣ.

Во время разсказа Антошки „графъ“ то смѣялся, то хмурилъ брови.

XVIII.

Окончивъ безсвязный свой разсказъ, Антошка спохватился, что не подалъ „графу“ записки княгини и, вынувъ изъ полушубка смятый длинный конвертикъ съ золотой коронкой и факсимиле княгини на той сторонѣ, гдѣ конвертъ заклеивается,— подалъ его со словами:

— Вотъ, графъ, прочтите, чего она тутъ еще набрехала ваша княгиня...

„Графъ“ внимательно прочелъ записку разъ, прочелъ другой, положилъ ее на столъ и, къ удивленію Антошки, задумался, точно эта записка произвела на него большее впечатлѣніе, чѣмъ Антошкинъ разсказъ.

Въ ней княгиня въ самой деликатной формѣ сообщала то, что болѣе откровенно выразила Антошкѣ на словахъ относительно неудобства пребыванія у „графа“. Выражая увѣренность, что онъ

самъ понимаетъ это и не захочетъ подвергать несчастнаго мальчика „всѣмъ ужаснымъ случайностямъ нищеты и порока“, княгиня надѣялась, что „графъ“ обрадуется, что она беретъ мальчика въ пріютъ, и обѣщала впослѣдствіи лично позаботиться объ его судьбѣ.

Предложеніе во всякомъ случаѣ было заманчивое. По крайней мѣрѣ, на первые годы мальчикъ будетъ во всемъ обезпеченъ и получитъ какое-нибудь образованіе. Потомъ ему легче найти занятія да еще при покровительствѣ княгини.

А при всемъ горячемъ желаніи, что можетъ сдѣлать для мальчика онъ, всѣми отверженный нищій и вдобавокъ больной? Не понадѣялся ли слишкомъ онъ на свои силы и на чужія подачки, самонадѣянно разсчитывая устроить Антошку, не отпуская его отъ себя?.. Всѣ эти дни грудь нѣтъ, нѣтъ, да и заноетъ. Что, если онъ заболѣетъ настолько, что не въ состояніи будетъ выходить по вечерамъ на работу? Что будетъ тогда съ Антошкой? Не права ли кузина со своими „случайностями нищеты и порока“, и вправѣ ли онъ отказываться отъ предложенія только ради того, что ему хочется имѣть на склонѣ своей, вѣроятно, недолгой уже жизни, любимое и любящее существо, которое озарило свѣтомъ горемычное его существованіе и словно бы придало ему новый смыслъ?

Такія мысли бродили въ головѣ „графа“ и вызывали душевную борьбу. И брови его хмурились, и въ лицѣ было что-то угрюмое и страдальческое.

Ужели судьба бросила ему этотъ лучъ свѣта, согрѣла его сердце привязанностью къ такому же брошенному существу, какъ и онъ самъ, чтобы не-

медленно же отнять его, и оставить снова его одного, какъ персть, на свѣтѣ съ проклятіями прошлой жизни, съ озлобленіемъ на людей и съ вѣчнымъ мракомъ на душѣ? А онъ такъ привязался къ Антошкѣ, и этотъ мальчикъ такъ любитъ его!..

И „графъ“ невольно вспомнилъ разсказъ мальчика о томъ, какъ онъ „отчекрыжилъ“ изъ-за него княгиню, и со скорбною нѣжностью посмотрѣлъ на Антошку.

А Антошка, притихшій и встревоженный, не спускалъ глазъ съ графа, недоумѣвая, отчего это онъ вдругъ сдѣлался такой печальный.

Что могло быть въ этой запискѣ?

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Наконецъ „графъ“ проговорилъ съ рѣшительнымъ видомъ человѣка, принявшаго героическое рѣшеніе:

— А знаешь, что я тебѣ скажу, Антошка?

— Что, графъ?—съ тревогой въ голосѣ стремительно перебилъ Антошка.

— Положимъ, и княгиня, и всѣ эти дамы и мужчины, что засѣдали въ комитетѣ и разглядывали тебя, какъ рѣдкость, порядочные шуты гороховые... Положимъ... Но все-таки въ пріютѣ вовсе не такъ скверно, какъ ты думаешь... Это совсѣмъ не то, что у „дяденьки“...

При этихъ словахъ Антошка такъ-таки и обомлѣлъ.

Не находя словъ, онъ растерянно вытаращилъ испуганные глаза и застылъ на табуретѣ въ позѣ отчаянія.

— Право, братецъ, не дурно, — продолжалъ „графъ“, стараясь въ шутливомъ тонѣ голоса скрыть свое волненіе и отводя взглядъ отъ поблѣд-

нѣвшаго лица мальчика,—и квартира, и одежда, и пища, однимъ словомъ все, какъ слѣдуетъ... ни о чемъ не заботься... Всталъ, одѣлся:—пожалуйте чай пить... А тамъ обѣдъ, вечеромъ ужинъ... И обучатъ тебя всему—только была-бъ охота... Выйдешь изъ пріюта, всякую штуку будешь знать: и грамматику, и ариѳметику, и географію... всему выучатъ... А я буду заходить къ тебѣ въ пріютъ... Вѣрно, пускаютъ?... Навѣрное даже пускаютъ... Два-три года, братецъ, скоро пройдутъ... А потомъ ты найдешь себѣ мѣсто и опять мы вмѣстѣ будемъ жить, если я буду живъ... Право, вѣдь недурно, Антошка? Раскинь-ка умомъ!

Но Антошка молчалъ, подавленный и грустный. Слезы стояли въ его глазахъ, и на сердцѣ была безпредѣльная горечь.

„Одинъ близкій человѣкъ у него на свѣтѣ и тотъ его гонитъ отъ себя?“

— Графъ,—проговорилъ наконецъ онъ дрогнувшимъ голосомъ,—не гоните меня... Я... я ничего не буду вамъ стоить... Я сейчасъ же найду работу. Ей Богу, найду!

— Глупый! Развѣ я тебя гоню? Я для твоей же пользы хочу, чтобы ты былъ въ пріютѣ!—воскликнулъ графъ, самъ взволнованный этимъ отчаяніемъ мальчика и его словами.

— Но вы раньше говорили, что я буду при васъ.

— Говорилъ и очень хотѣлъ бы не разставаться съ тобой, а не то, что гнать тебя, но пойми ты, голубчикъ мой, я вотъ болѣю, могу слечь въ постель, мало ли что можетъ случиться...

— А я буду при васъ... Буду ходить за вами!—съ порывистою страстностью воскликнулъ Антош-

ка.—Развѣ я оставлю васъ одного, когда васъ всѣ бросили? Графъ! Добренькій графъ! Не отдавайте меня къ княгинямъ, въ пріютъ... Вѣдь вы одинъ на свѣтѣ у меня... А я самъ выучусь всему, что нужно... А въ пріютъ я не хочу... не хочу... Что я тамъ безъ васъ буду дѣлать?... И никто не смѣетъ взять меня въ пріютъ... Я убѣгу оттуда... Графъ, графъ! Что жъ вы молчите?...

Антошка не могъ продолжать и зарыдалъ.

Слезы катились по изможденнымъ щекамъ графа, радостныя, признательныя слезы, и вздрагивавшій голосъ его звучалъ необыкновенною нѣжностью, когда онъ говорилъ:

— Ну, ну... полно, Антошка... Не реви, какъ бѣлуга... Не хочешь въ пріютъ—оставайся у меня... Какъ-нибудь да проживемъ... И ты станешь человѣкомъ, добрый, хорошій мой мальчикъ... Не будемъ больше говорить о пріютѣ. Ну его, къ чорту!

И графъ нѣжно погладилъ Антошкину голову.

Безпредѣльно счастливый и благодарный Антошка припалъ къ его рукѣ.

Съ слѣдующаго же дня „графъ“ каждое утро занимался съ Антошкой, заставляя его читать и писать, и обучалъ его ариѳметикѣ, къ которой, впрочемъ, Антошка былъ достаточно приготовленъ недавнею своею торговою дѣятельностью. Антошка лѣзъ, что называется, изъ кожи, и своею понятливостью и успѣхами приводилъ въ изумленіе учителя. Онъ все еще не совсѣмъ поправился и могъ не выходить по вечерамъ на работу, благодаря деньгамъ, присланнымъ племянницей. Такимъ образомъ, графъ и Антошка проводили вмѣстѣ вечера, во время кото

рыхъ „графъ“, разсказывая своему внимательному слушателю различные эпизоды своей бурной жизни, съ критическими къ нимъ комментаріями, и оцѣнивая явленія и людей, давалъ Антошкѣ уроки практической философіи и этики. И, право, не смотря на грѣховное прошлое и весьма горемычное настоящее „графа“, Антошка въ этихъ урокахъ отверженца и пропойцы почерпнулъ не мало хорошаго и назидательнаго, что запало ему на всю жизнь.

Теперь, благодаря взаимной привязанности этихъ двухъ несчастныхъ существъ, крошечная каморка, въ которой они жили, казалась имъ милой, уютной и точно просвѣтлѣвшей, и сами они чувствовали себя не такими одинокими и заброшенными, какъ прежде, и были полны надеждъ на лучшее будущее.

Такъ прошло нѣсколько счастливыхъ дней, и этой нищенской идилліи наступилъ конецъ.

Послѣдняя бумажка была отдана хозяйкѣ на расходы, и „графъ“, не смотря на собачій холодъ, рѣшилъ вечеромъ снова выйти на работу.

Антошка со страхомъ глядѣлъ на легкое пальтецо „графа“ и заикнулся, было, предложить свои услуги „походить около вокзала“, но „графъ“ такъ сердито замахалъ головой, что Антошка не смѣлъ продолжать.

XIX.

Будь княгиня Моравская болѣе счастлива въ личной своей жизни и не „неси она креста“, бѣдному Антошкѣ едва ли грозила опасность быть облагодѣтельствованнымъ помимо его желанія, такъ какъ

княгиня не отдалась бы всей душой дѣлу благотворительности и не находила бы времени дѣйствовать столь рѣшительно, энергично и неуклонно.

Искренно возмущенная и разсказомъ Антошки о несчастныхъ дѣтяхъ и искренно желавшая не дать Антошкѣ завязнуть въ „когтяхъ порока“, княгиня на другой же день послѣ засѣданія комитета Общества „Помогай ближнему!“, окончивъ свой долгій туалетъ, передъ тѣмъ, что итти на прогулку, по обыкновенію, справилась въ своей записной книжкѣ о программѣ дня.

Въ числѣ многихъ отмѣтокъ, значились и слѣдующія: „навести справки объ ужасномъ заведеніи несчастныхъ дѣтей“ и „узнать въ пріютѣ: явился ли мальчикъ отъ Опольева“.

Мысль о спасеніи Антошки крѣпко засѣла въ голову княгини.

Не смотря на не совсѣмъ благонравное его поведеніе въ концѣ визита, Антошка понравился ей. Понравились княгинѣ и его умное, выразительное лицо, и его бойкіе отвѣты, а эта горячая, страстная защита пріютившаго его „графа“ просто-таки восхитила ее, и она рѣшила, во что бы то ни стало, привести въ исполненіе комитетское постановленіе, если мальчикъ не явится въ пріютъ.

„Въ такомъ случаѣ уже не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что этотъ пропойца взялъ мальчика къ себѣ, чтобы его эксплоатировать!“ разсуждала княгиня и прошептала:

— Бѣдный мальчикъ!

Ровно въ часъ княгиня была уже въ пріютѣ. Тамъ дожидался ее секретарь Евгеній Аркадьевичъ, вызванный телеграммою, чтобы изъ пріюта сопут-

ствовать княгинѣ. Ѣхать одной въ заведеніе Ивана Захаровича она не рѣшалась.

— Мальчика нѣтъ?—спросила княгиня, входя въ пріютъ.

— Нѣтъ, княгиня!—отвѣчалъ Евгеній Аркадьевичъ, и прибавилъ:—я думаю, что онъ и не явится...

— Почему вы такъ думаете?

— Мнѣ кажется, что онъ предпочтетъ нищенствовать... Слишкомъ ужъ онъ испорченъ... Эта его манера себя держать...

— Я съ вами не согласна, Евгеній Аркадьевичъ!—рѣшительно и властно перебила княгиня, вообще не любившая слушать чужія мнѣнія, если они не сходились съ ея собственными.—Вы слишкомъ поспѣшны въ приговорахъ, Евгеній Аркадьевичъ.

Нѣсколько смущенный, что попалъ въ просакъ, Евгеній Аркадьевичъ поспѣшилъ оговориться, что онъ позволилъ себѣ судить по первому впечатлѣнію. Разумѣется, княгиня, говорившая съ мальчикомъ, имѣетъ болѣе вѣрныя сужденія.

— Ну, покажите мнѣ пріютъ, Римма Михайловна!—обратилась княгиня къ пожилой, одѣтой во все черное, худой и облизанной начальницѣ пріюта, которая всегда, при посѣщеніи строгой предсѣдательницы, замирала въ почтительномъ трепетѣ подневольнаго существа, боявшагося лишиться куска хлѣба.

Княгиня обошла пріютъ. Все найдено было въ порядкѣ. Четырнадцать пріютскихъ, подъ гребенку остриженныхъ мальчиковъ, похожихъ въ своихъ форменныхъ черныхъ курточкахъ на маленькихъ арестантовъ, были выстроены въ залѣ и на при-

вѣтствіе княгини: „здравствуйте, дѣти!—отвѣтили съ такимъ оглушительнымъ согласіемъ: „здравія желаемъ, ваше сіятельство!,— что княгиня даже слегка вздрогнула.

Она прошла по фронту, потрепала по щекамъ самыхъ маленькихъ, спросила о здоровьѣ двухъ худыхъ, блѣднолицыхъ, съ синевою подъ глазами, подростковъ и, пожелавъ всѣмъ хорошо учиться и хорошо вести себя, простилась съ дѣтьми, сопровождаемая тѣмъ же оглушительнымъ ревомъ четырнадцати голосовъ: „Счастливо оставаться, ваше сіятельство!“

Княгиня была не въ духѣ. Этотъ Антошка, не явившійся въ пріютъ, положительно безпокоилъ ее, и Евгеній Аркадьевичъ напрасно старался занять княгиню, сидя около нея въ каретѣ. Давно ужъ онъ ухаживалъ за пышной, красивой княгиней съ почтительностью втайнѣ влюбленнаго, не смѣющаго, разумѣется, обнаружить своихъ чувствъ, но княгиня, какъ будто, и не замѣчала этого.

И теперь Евгеній Аркадьевичъ, посматривая сбоку на княгиню, рѣшительно приходилъ въ недоумѣніе. „Эта безсовѣстно-холодная женщина положительно недоступна чувствамъ!“ подумалъ Евгеній Аркадьевичъ, тщетно стараясь обратить на себя какое-либо вниманіе княгини Марьи Николаевны, расположеніе которой было бы крайне выгодно, по мнѣнію молодого человѣка, для его карьеры... Она вліятельная, со связями...

— Положительно дурацкій темпераментъ!—мысленно проговорилъ онъ, взглядывая на строгое безстрастное лицо молодой женщины.

Наконецъ, карета остановилась у воротъ одно-

го изъ невзрачныхъ домовъ въ дальней улицѣ Песковъ. Городовой выпучилъ глаза съ почтительнымъ удивленіемъ на подъѣхавшихъ.

Евгеній Аркадьевичъ выскочилъ изъ кареты и пошелъ отыскивать дворника.

Черезъ нѣсколько минутъ княгиня вмѣстѣ съ секретаремъ поднималась, по отвратительной лѣстницѣ, въ квартиру Ивана Захаровича и часто подносила къ носу надушенный платокъ. Старшій дворникъ слѣдовалъ за ними, по требованію Евгенія Аркадьевича, который сообщилъ дворнику о цѣли посѣщенія такой важной особы, какъ княгиня Моравская. Признаться, Евгеній Аркадьевичъ, немножко трусилъ—мало ли на какой можно нарваться скандалъ!—и потому присутствіе дворника казалось ему необходимо.

Въ эту минуту по лѣстницѣ быстро взбѣжала маленькая Анютка, закутанная въ платкѣ, и при видѣ княгини растерялась.

— Ты кто такая, дѣвочка?—остановилась княгиня.

— Анютка...

— Куда идешь?

— Къ дяденькѣ, вотъ сюда, — указала она на дверь.

— А гдѣ ты была?

— Милостыньку собирала...

Княгиня значительно переглянулась съ секретаремъ. Улика была на лицо.

— Какъ же ты, дворникъ, говорилъ мнѣ, что не знаешь, что дѣти собираютъ милостыню?—строго замѣтилъ Евгеній Аркадьевичъ.

— Почемъ же я могу знать, что дѣлаютъ жильцы!—отвѣчалъ дворникъ.

Позвонили. Двери отворила супруга Ивана Захаровича. Его самого не было дома.

При видѣ посѣтителей и старшаго дворника молодая женщина видимо струсила и не знала, какъ ей быть: пускать ли непрошенныхъ гостей или нѣтъ. Но старшій дворникъ, мигнувъ ей глазомъ, проговорилъ:

— Ея сіятельство желаютъ узнать на счетъ дѣтей, что живутъ у васъ. Дозвольте осмотрѣть квартиру...

Княгиня вошла, сопровождаемая Евгеніемъ Аркадьевичемъ и дворникомъ. Анютка шмыгнула вслѣдъ за ними.

По приказанію княгини, была отперта маленькая комнатка, гдѣ помѣщались племянники и племянницы Ивана Захаровича, и княгиня просто ахнула—до того ее поразила грязь этого помѣщенія. Никого изъ обитателей не было дома. Всѣ были на работѣ.

— Сколько тутъ помѣщается дѣтей?—спросила княгиня.

— Семь человѣкъ...

— Чьи это дѣти?

— Сродственники мужа.

— Не лгите... Я все знаю... Мнѣ разсказалъ одинъ мальчикъ, убѣжавшій отъ васъ... Какъ вамъ съ мужемъ не стыдно заниматься такимъ постыднымъ дѣломъ и истязать дѣтей?

Дворникъ дѣлалъ какіе-то таинственные знаки „рыжей вѣдьмѣ“.

Та бросилась въ ноги.

— Ваше сіятельство... по бѣдности... Самимъ кормиться нечѣмъ...

— Гдѣ эта дѣвочка.. Анютка, которую я встрѣтила?..

Дворникъ привелъ Анютку. Худенькая дѣвочка съ большими черными глазами дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Я беру ее съ собой... Ея бумаги сегодня же доставить ко мнѣ!—обратилась она къ дворнику.

Евгеній Аркадьевичъ поспѣшилъ сообщить адресъ.

Никто не возражалъ. Подобное самоуправство нисколько не удивило дворника.

Княгиня на минуту задумалась и продолжала тѣмъ же рѣшительнымъ и властнымъ тономъ, обращаясь къ дворнику:

— Завтра къ часу дня приведите ко мнѣ всѣхъ дѣтей, принесите ихъ документы и сообщите: кто ихъ родители и гдѣ они живутъ.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство!

— Ну, ѣдемъ со мной, дѣвочка!—сказала княгиня, обращаясь къ Анюткѣ.

Дворникъ повелъ дѣвочку. Ее, недоумѣвающую и испуганную, посадили въ карету.

— А вамъ, извините, мѣста нѣтъ, Евгеній Аркадьевичъ!—промолвила княгиня.

— Не безпокойтесь, княгиня, я поѣду на извозчикѣ.

И, прощаясь съ ней, прибавилъ:

— Какой для васъ счастливый день, княгиня! И какъ будутъ благословлять васъ всѣ эти спасенныя дѣти!

— Это ужасно... ужасно!—возбужденно проговорила княгиня, и красивое лицо ея сіяло отъ внутренняго довольства.—Мы, право, сдѣлали сегодня воистину доброе дѣло, Евгеній Аркадьевичъ,

—прибавила она съ чувствомъ.—Завтра къ часу, прошу васъ, будьте у меня!—прибавила княгиня, протягивая ему руку.—Прикажите кучеру ѣхать домой!

Княгиня ѣхала вполнѣ удовлетворенная сегодняшнимъ днемъ и предстоящими хлопотами по устройству всѣхъ этихъ дѣтей. Ея дѣятельной натурѣ было дѣла на нѣсколько дней, и это ее радовало. Завтра же она увидится съ градоначальникомъ и разскажетъ все, что видѣла.

— Ужасно... ужасно!—повторяла княгиня.

Завтра же она поговоритъ и о несчастномъ мальчикѣ. Она попроситъ вытребовать Антошку отъ Опольева и водворить въ пріютѣ.

Поглощенная этими мыслями, полная разныхъ добрыхъ намѣреній, княгиня словно и забыла объ Анюткѣ, которая испуганно прижалась въ своихъ лохмотьяхъ въ уголъ кареты и тихо, совсѣмъ тихо, всхлипывала.

Ей было страшно. Зачѣмъ ее взяли? Куда везетъ эта красивая, важная дама въ богатой шубѣ?

Княгиня между тѣмъ вспомнила о своей спутницѣ и взглянула на нее.

— Ты что же плачешь, дѣвочка? Не бойся! Тебя больше обижать не будутъ... Никто не обидитъ... Тебѣ хорошо будетъ! — ласково говорила княгиня, любуясь миловиднымъ личикомъ дѣвочки и особенно ея большими черными испуганными глазами, осѣненными густыми рѣсницами.

Ласковый голосъ княгини нѣсколько успокоилъ Анютку.

— Теперь не боишься?—продолжала княгиня.

— Не бо-юсь! — протянула Анютка, вытирая грязнымъ кулачкомъ слезы.

И вслѣдъ затѣмъ пугливо спросила.

— А куда вы везете меня?

— Къ себѣ пока. Тебя накормятъ, напоятъ чаемъ... Тебя вымоютъ, причешутъ и одѣнутъ въ хорошенькое платье. Хочешь?

— Хочу!—отвѣтила дѣвочка.

И ея личико просвѣтлѣло.

Нѣсколько минутъ княгиня смотрѣла на это крошечное созданье въ какомъ-то раздумьи, точно о чемъ-то вспоминая. И черты ея строгаго, холоднаго лица смягчались...

Обыкновенно дѣти, которыхъ спасала и призрѣвала княгиня Марья Николаевна, по долгу благотворительницы, не возбуждали въ ней особенно теплыхъ чувствъ. Она никогда ихъ не ласкала, не согрѣвала нѣжнымъ словомъ.

Но въ эту минуту эта маленькая Анютка почему-то возбудила въ ней не одну только жалость, а что-то другое, болѣе нѣжное и сильное, неожиданно для нея самой охватившее ея сердце.

И эта уравновѣшенная, сдержанная женщина, отъ которой вѣяло всегда холодомъ, вдругъ наклонилась къ грязной дѣвочкѣ и стала цѣловать ее съ страстной порывистостью внезапно пробудившагося материнскаго инстинкта.

Анютка широко раскрыла глаза, болѣе пораженная, чѣмъ тронутая этою неожиданною лаской.

А въ глазахъ княгини блестѣли слезы. Ея красивое, свѣжее лицо было задумчиво и грустно. Голосъ ея прозвучалъ необычною нѣжностью, когда она спросила Анютку:

— Тебѣ холодно, дѣвочка?

И, не дожидаясь отвѣта, она закрыла Анютку

полой своей роскошной ротонды, подбитой черно-бурыми лисицами.

Прошло нѣсколько минутъ, и этотъ порывъ чувства какъ будто непріятно удивилъ княгиню своею неожиданностью.

„Нервы“ — подумала она, недовольно пожимая плечами.

И княгиня, съ тонкимъ чутьемъ эгоистической натуры, оберегавшая себя отъ какихъ бы то ни было волненій, могущихъ нарушить спокойствіе ея великолѣпной особы, — рѣшила и теперь, что давать поблажки нервамъ не слѣдуетъ.

Когда карета подъѣхала къ подъѣзду ея особняка на Сергіевской, княгиня уже справилась съ собою, больше Анютку не цѣловала и вышла изъ кареты тою же холодною, строгою и безукоризненною княгиней, какою ее всѣ привыкли видѣть.

Прежнее рѣшеніе на счетъ Анютки было отмѣнено. Нечего держать ее нѣсколько дней въ домѣ, какъ княгиня прежде хотѣла.

И она, поднявшись къ себѣ, велѣла горничной накормить Анютку и немедленно отвезти ея въ пріютъ для дѣвочекъ Общества „Помогай ближнему!“.

Послѣ этого она приняла валеріановыхъ капель и пошла переодѣваться, чтобъ ѣхать съ визитами.

Иванъ Захаровичъ вернулся домой только къ вечеру и былъ порядочно пьянъ. Дѣти, увидѣвшія дяденьку, предчувствовали, что сдача выручекъ не обойдется сегодня безъ ремня, и испуганно притаились въ своей комнатѣ.

Весь хмѣль сразу выскочилъ у Ивана Захаро-

вича изъ головы, когда достойная его супруга сообщила ему о посѣщеніи княгини и объ увозѣ Анютки, и онъ совсѣмъ упалъ духомъ, когда старшій дворникъ отобралъ отъ него всѣ дѣтскіе документы и объявилъ, что на слѣдующій день отведетъ всѣхъ его питомцевъ къ княгинѣ.

Надо было спасать собственную шкуру, и Иванъ Захаровичъ послѣ бесѣды съ дворникомъ, на слѣдующее же утро имѣлъ конфиденціальное совѣщаніе съ письмоводителемъ участка въ трактирѣ.

Результатомъ всѣхъ этихъ конференцій было то, что Иванъ Захаровичъ къ вечеру того же дня съѣхалъ съ квартиры и былъ отмѣченъ выбывшимъ за городъ.

Такимъ образомъ, когда, дня черезъ три послѣ посѣщенія княгини заведенія Ивана Захаровича, въ участкѣ было получено строжайшее предписаніе о производствѣ немедленнаго дознанія,—Ивана Захаровича не оказалось, и розыски его въ городѣ не увѣнчались успѣхомъ.

Онъ уже былъ въ Москвѣ и намѣревался тамъ заняться другой профессіей—открыть питейное заведеніе.

Супруга его осталась въ Петербургѣ, чтобы распродать вещи, а затѣмъ пріѣхать къ мужу...

Но Иванъ Захаровичъ напрасно писалъ своей „Машенькѣ“ умоляющія письма. Она не ѣхала къ нему.

XX.

Въ этотъ вечеръ „графъ“, не смотря на дьявольскій холодъ, не очень-то располагающій людей къ благотворительности, „работалъ“ довольно недурно.

Какой-то студентъ, къ которому „графъ“ обратился съ просьбой „ссудить его гривенникомъ“, взглянувъ при свѣтѣ фонаря на страшно изможденное лицо „графа“ съ лихорадочно блестѣвшими глазами, какъ-то торопливо опустилъ руку въ карманъ своего теплаго пальто, и, кладя въ руку „графа“ нѣсколько серебряныхъ монетокъ, участливо проговорилъ:

— Вы въ больницу бы пошли...

— Вы, полагаете, молодой человѣкъ? Очень благодаренъ за помощь и за совѣтъ. Очень!..

И, приложившись къ цилиндру, „графъ“ побрелъ далѣе.

„Въ самомъ дѣлѣ, этотъ студентъ, пожалуй, и правъ!“ горько усмѣхнулся онъ, чувствуя, какъ холодъ прохватываетъ его всего, какъ ноетъ грудь и ломитъ все тѣло.

„Неужто машина окончательно испорчена!?“ съ тоскою думалъ онъ и, пересиливая боль, продолжалъ свой путь, озирая зоркимъ взглядомъ проходящихъ.

— Madame! Quelques sous, s'il vous plait?—произнесъ онъ, нагоняя какую-то даму.

И та, взглянувъ на „графа“, торопливо вынула изъ портмоне двугривенный и подала ему.

„Положительно, видъ мой внушаетъ сегодня сочувствіе... Должно быть, я похожъ на умирающаго... Если-бъ умирающіе могли ходить по улицамъ—они собирали бы себѣ на приличныя похороны!“—размышлялъ графъ въ какомъ-то угрюмомъ озлобленіи.

Черезъ два часа прогулки на морозѣ въ костюмѣ, который согрѣвалъ очень мало, „графъ“ имѣлъ полтора рубля и поспѣшилъ домой.

Продрогшій и посинѣвшій отъ холода, чувствуя себя очень скверно, онъ вошелъ въ свою комнатку и, кивнувъ Антошкѣ, снялъ съ себя пальто, раздѣлся и легъ на постель.

— Вы нездоровы, графъ—тревожно спрашивалъ Антошка.

— Нѣтъ, ничего... Прозябъ немного... За ночь все пройдетъ... Накрой-ка меня, Антошка, моимъ пальто... Вотъ такъ, хорошо...

— Сейчасъ я самоваръ подамъ... Чаемъ согрѣетесь...

Ни чай, ни нѣсколько стакановъ горячей малины, предложенной Анисьей Ивановной, ни полушубокъ, которымъ Антошка заботливо накрылъ „графа", не согрѣвали иззябшаго тѣла. Графа жестоко трясло въ ознобѣ.

Озабоченный Антошка выбѣжалъ къ Анисьѣ Ивановнѣ и сказалъ:

— Страхъ, какъ трясетъ графа, Анисья Ивановна... Нѣтъ ли у васъ, чѣмъ бы накрыть его.

Анисья Ивановна предложила свою шубейку и промолвила:

— Простудился нашъ Александръ Иванычъ... Теперь его лихорадка и бьетъ...

— А она пройдетъ, эта самая лихорадка? — испуганно спрашивалъ Антошка...

— Какъ Богъ дастъ... Больной онъ... Ишь вѣдь вышелъ въ какую погоду.

— А я, Анисья Ивановна, еще печку стоплю... Можно?

— Топи, Антошка.

— А ежели завтра графу не станетъ лучше, надо бы за докторомъ... какъ вы думаете?

— То-то лучше бы за докторомъ...

— Дорого, поди, стоитъ?..

— Ничего не стоитъ... Тутъ недалеко барышня—докторша квартируетъ... казенная, значитъ.. отъ города... Завтра сбѣгаешь за ней, Антошка.. Она разъ лѣчила меня... Славная такая, даромъ, что изъ жидовокъ,—прибавила она.

Антошка вернулся въ комнату „графа“ нѣсколько успокоенный. Онъ еще накрылъ графа и не пожалѣлъ дровъ, накладывая печку.

Къ ночи ознобъ прошелъ, и все тѣло „графа“ пылало.

— Согрѣлись, графъ?—обрадовался Антошка, замѣтившій, что „графъ“ сбрасываетъ съ себя все, чѣмъ былъ накрытъ.

— Согрѣлся, Антошка... Слишкомъ даже согрѣлся! — промолвилъ, тяжело дыша „графъ“ и улыбнулся ..—А ты чего не спишь?... Ложись спать, Антошка.. Только принеси холодной воды... Пить хочется...

Антошка сбѣгалъ за водой и присѣлъ на табуреткѣ около „графа“.

„Графъ“ съ трудомъ приподнялся и жадно отпилъ воды.

Только теперь, при слабомъ свѣтѣ свѣчки, Антошка разглядѣлъ осунувшееся лицо „графа“ и его страдальческое выраженіе.

— Графъ! Гдѣ же у васъ болитъ?—спросилъ онъ испуганнымъ голосомъ: — Вѣрно очень болитъ?

— Порядочно... Грудь болитъ и спина болитъ... А ты спи, Антошка. Завтра мнѣ лучше будетъ... Меня, братъ, не скоро проберешь... Мы, Ополье-

вы, живучіе... Спи, добрый мой мальчикъ... И я засну...

Антошка легъ на свою кровать, но заснуть не могъ, прислушиваясь къ прерывистому дыханію „графа“. Сухой рѣзкій кашель заставлялъ его вскакивать съ постели и подходить къ больному.

„Графъ“, казалось, не узнавалъ Антошки, хотя и глядѣлъ на него блестящими глазами. Онъ по временамъ стоналъ, схватываясь за грудь, и просилъ пить.

Антошка подавалъ графу пить и испуганно глядѣлъ на него. Онъ никогда не видалъ близко больныхъ, и ему казалось, что графъ непремѣнно помретъ... И слезы текли по его щекамъ...

— Ты что жъ не спишь, Антошка? И чего плачешь, мой голубчикъ?.. Не безпокойся... Спи... спи... Еще какъ мы съ тобой заживемъ... Отлично заживемъ .. Ужъ я больше не буду ходить на работу! — возбужденно, въ полубреду говорилъ „графъ“... Не буду... Совершенно достаточно... Quelques sous s'il vous plaît... И такъ всю жизнь... И умирать не желаю съ тѣхъ поръ, какъ ты... со мной... А ты не плачь... Я тебя въ пріютъ не отдамъ... Княгиня останется съ носомъ... Охъ, какъ болитъ грудь... Ахъ, какъ жарко... Пить, пить...

Антошка не отходилъ весь остатокъ ночи отъ графа, и когда въ окно заглянулъ сѣренькій свѣтъ петербургскаго утра, „графъ“ увидалъ Антошку, спавшаго на полу у его кровати.

Вошедшая вскорѣ Анисья Ивановна разбудила Антошку.

— Ночью ухаживалъ за мной! — проговорилъ растроганный „графъ“.

— Ему что — отоспится днемъ! — промолвила Анисья Ивановна. — Ну, а ваше здоровье какъ, Александръ Иванычъ!..

— Отлежусь, Анисья Ивановна!..

— Малинки не дать ли?

— Ничего не хочется... Вотъ деньги, — проговорилъ „графъ“, указывая на столъ, — мальчика накормите...

— И такъ накормлю... Богъ съ вами, Александръ Иванычъ... Теперь вамъ самимъ понадобится, послѣ сочтемся...

— Ну, спасибо... Добрая вы...

Графъ снова погрузился въ дремоту. Отъ него такъ и пышало жаромъ.

Анисья Ивановна вызвала Антошку и приказала ему итти къ докторшѣ.

Черезъ четверть часа Антошка уже вбѣгалъ въ третій этажъ и вошелъ въ отворенную дверь квартиры думскаго врача. Въ прихожей дожидалось нѣсколько человѣкъ бѣднаго люда. Это былъ часъ пріема больныхъ...

Прошло нѣсколько минутъ. Изъ кабинета вышла какая-то баба, а вслѣдъ за нею на порогѣ показалась небольшого роста брюнетка съ умнымъ и выразительнымъ, нѣсколько возбужденнымъ, лицомъ еврейскаго типа и живыми блестящими черными глазами. Вся ея маленькая фигурка въ бѣломъ балахонѣ, одѣтомъ поверхъ чернаго платья, дышала какою-то вызывающею энергіей.

— Смотрите же... Не забудьте, что я вамъ сказала, — говорила она быстро и точно, рѣшительнымъ, нѣсколько авторитетнымъ голосомъ. — Три раза въ день по чайной ложкѣ и мазь... Чья очередь?.. Пожалуйте...

Въ эту минуту Антошка подбѣжалъ къ ней и проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Госпожа докторша, будьте добреньки, зайдите поскорѣй къ графу... Онъ опасно заболѣлъ...

— Къ какому графу? — изумилась докторша, взглядывая на взволнованнаго Антошку. — Графъ можетъ позвать другого врача...

Антошка поспѣшилъ объяснить, что заболѣвшій не графъ, а только такъ прозывается. Онъ Александръ Ивановичъ Опольевъ и бѣдный, совсѣмъ бѣдный... Вчера выходилъ въ одномъ пальтецѣ и вернулся, весь заколѣвши... А всю ночь горѣлъ... И сейчасъ горитъ... Грудь болитъ и ломитъ спину.

— Помогите, госпожа докторша, а то неравно помретъ!—прибавилъ Антошка упавшимъ голосомъ.

Докторша записала адресъ и обѣщала прійти тотчасъ же, какъ окончитъ пріемъ больныхъ.

— Въ десять часовъ буду!—прибавила она.

— Спаси васъ Богъ! — воскликнулъ, полный благодарности, Антошка и побѣжалъ домой.

Въ десять часовъ явилась докторша. Ее встрѣтила Анисья Ивановна и сочла почему-то нужнымъ сообщить ей, кто такой ея жилецъ, какъ онъ оставленъ богатыми своими родственниками и принужденъ побираться. Не преминула Анисья Ивановна разсказать и о томъ, какъ Александръ Ивановичъ пригрѣлъ такого же нищенку-сиротку Антошку...

Только послѣ этого предисловія Анисья Ивановна ввела докторшу въ комнату жильца и, подойдя къ его кровати, сказала:

— А я вамъ, Александръ Ивановичъ... доктоpшу привела...

„Графъ“ недовольно повелъ глазами на вошед-

шую. Его нѣсколько смущало появленіе женщины-врача, и онъ надвинулъ на себя одѣяло.

— Напрасно вы безпокоили, Анисья Ивановна, госпожу докторшу... У меня, собственно говоря, ничего серьзнаго...

„Графъ“ храбрился нарочно, нѣсколько стѣсняясь осмотромъ женщины, а самъ хорошо сознавалъ серьезность болѣзни и жаждалъ помощи.

— Я и не сомнѣваюсь въ этомъ. А все-таки не позволите ли васъ выслушать?

Докторша сказала это такъ просто, такъ участливо, и живые, умные ея глаза глядѣли съ такою ласковою серьезностью, что „графъ“ проговорилъ:

— Что жъ... Если вы находите нужнымъ...

И онъ застегнулъ воротъ сорочки.

Докторша долго и внимательно выслушивала и выстукивала все еще богатырскую грудь „графа“ и, предложивъ ему поставить термометръ, проговорила:

— Болѣзнь ваша серьезнѣе, чѣмъ вы думаете... Конечно, опасности нѣтъ, но вамъ придется нѣсколько времени пролежать въ постели.

„Графъ“ пристально посмотрѣлъ на докторшу.

Его ввалившіеся большіе черные глаза, горѣвшіе лихорадочнымъ блескомъ, глядѣли съ выраженіемъ какой-то грустной насмѣшливости.

— Вы полагаете... опасности нѣтъ? — прошепталъ онъ и, замѣтивъ, что Антошка жадно и испуганно прислушивается, прибавилъ: — вы говорите по нѣмецки?

— Говорю!—отвѣтила докторша, нѣсколько смущенная этимъ взглядомъ и ироническимъ тономъ его словъ.

И „графъ“ продолжалъ по-нѣмецки:

— Не скрывайте отъ меня правды. Я знаю, что я опасенъ... Я бывалъ въ рукахъ докторовъ... Воспаленіе легкихъ въ мои годы и при такой обстановкѣ... Finita la comedia? Не правда ли?.. Если такъ, то не лучше ли меня свезти въ больницу, чтобъ не стѣснять эту добрую хозяйку... И кромѣ того, мнѣ надо распорядиться на счетъ этого мальчика... Это—единственное существо на свѣтѣ, ради котораго я хотѣлъ бы еще жить...

Докторша замѣтила, что въ настоящее время было бы опасно перевозить его въ больницу и снова повторила, что не отчаявается въ его выздоровленіи...

— Ну, спасибо вамъ... спасибо!—проронилъ по-русски усталымъ голосомъ „графъ“.—Я жить все-таки хочу!—прибавилъ онъ...

Докторша прописала рецептъ, велѣла поставить мушки и оставила термометръ, чтобы три раза въ день измѣрять температуру.

— А вы будете записывать ее! Съумѣете?—обратилась она къ Антошкѣ.

— Онъ съумѣетъ!—не безъ горделиваго чувства вставилъ графъ.

— Ну до свиданія... Вечеромъ я опять зайду.

— Благодарю васъ...

Она протянула ему руку и, ласково кивнувъ головой, вышла изъ комнаты больного и, сдѣлавъ Анисьѣ Ивановнѣ соотвѣтствующія наставленія, проговорила, вынимая изъ портмоне деньги:

— Вотъ возьмите десять рублей... Понадобятся... Купите больному вина... мадеры... давайте по немногу...

Но Анисья Ивановна горячо протестовала... У нея есть деньги... Она сама купитъ, что нужно... И наконецъ можно дать знать родственникамъ графа... Они помогутъ...

Взволнованная вышла докторша изъ этой квартиры. Этотъ нищій больной, заботившійся о такомъ же нищемъ пріемышѣ... Эта добрая женщина, отказывающаяся отъ денегъ... все это произвело на чуткую отзывчивую докторшу сильное впечатлѣніе...

Она спускалась по лѣстницѣ, когда ее нагналъ Антошка и спросилъ:

— Госпожа докторша... Какъ графъ?.. Не помретъ?..

— Съ чего вы взяли?.. Надѣюсь, что онъ поправится...

— О, вылѣчите его... вылѣчите его, добренькая барыня!.. Еслибъ вы знали только, какой онъ добрый... Мнѣ вотъ справилъ полушубокъ, а самъ...

И съ этими словами Антошка бѣгомъ побѣжалъ въ аптеку за лѣкарствами и въ лавку за виномъ.

XXI.

Сила живучести оказалась дѣйствительно большой у „графа“. Не смотря на его расшатанный организмъ и долгіе годы пьянства, онъ выдержалъ воспаленіе легкихъ. Черезъ нѣсколько дней острый періодъ болѣзни миновалъ, и докторша, навѣщавшая его ежедневно по два раза и привозившая ему сама лѣкарства, радостная и веселая, объявила ему, что теперь онъ внѣ опасности.

Растроганный „графъ“ благодарилъ Елизавету

Марковну и называлъ ее своей спасительницей. Антошка, всѣ эти дни ухаживавшій за „графомъ“, чуть не прыгалъ отъ радости и глядѣлъ на докторшу съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ.

Когда она ушла, „графъ“ въ первый разъ съ аппетитомъ поѣлъ бульона и, присаживаясь на кровати, сказалъ:

— Ну теперь, Антошка, надо и о дѣлахъ подумать... Не бойсь, много мы задолжали Анисьѣ Ивановнѣ?.. Дай-ка мнѣ сюда перо и бумаги... Напишу-ка племянницѣ... Она добрая, не откажетъ... А ты снесешь ей письмо... Только смотри, по черному ходу неси... А то на парадной швейцаръ — большая бестія и не пуститъ тебя. Постарайся самой барышнѣ въ руки отдать письмо...

— Будьте спокойны, графъ! Все, какъ слѣдуетъ, обдѣлаю!—не безъ гордости отвѣчалъ Антошка.

„Графъ“ принялся за письмо, какъ въ комнату вошла Анисья Ивановна и смущенно проговорила:

— Александръ Ивановичъ... Околоточный зачѣмъ-то хочетъ васъ видѣть... Ужъ онъ два раза приходилъ... Тогда я упросила его подождать... Говорю: совсѣмъ вы больны... Ну а теперь... настоятельно требуетъ...

— Околоточный!?. Что ему нужно?.. Попросите его сюда, Анисья Ивановна.

При имени „околоточнаго“ Антошка струхнулъ.

Черезъ минуту въ комнату вошелъ молодой, довольно представительный и чистенькій околоточный и, бросая взглядъ на Антошку, вѣжливо поклонился „графу“ и проговорилъ:

— На счетъ васъ бумага изъ участка... Не угодно ли прочесть...

— Удивляюсь, что нужно отъ меня полиціи?— промолвилъ „графъ“, растягивая для важности слова и щуря глаза.—Дайте, пожалуйста, эту бумагу.

Околоточный вынулъ ее изъ портфеля и подалъ „графу“.

Тотъ пробѣжалъ ее и измѣнился въ лицѣ.

Въ этомъ предписаніи частному приставу предлагалось объявить отставному гвардіи штабсъ-ротмистру Александру Опольеву о томъ, чтобы онъ немедленно отправилъ проживающаго у него незаконнаго крестьянскаго сына Антона Щигрова, 14 лѣтъ, въ пріютъ Общества „Помогай ближнему!“ Въ случаѣ же оказанія названнымъ Опольевымъ какого-либо препятствія отобрать отъ него Антона Щигрова, объявивъ Опольеву, что за уклоненіе отъ распоряженій начальства онъ будетъ подвергнутъ строжайшему взысканію.

— Но по какому же это праву!?—воскликнулъ „графъ“, бросая тоскливый взглядъ на Антошку.— Если онъ не желаетъ въ пріютъ...

Антошка понялъ, что околоточный пришелъ изъза него и сталъ бѣлѣе рубашки...

— Извините-съ... Я ничего не знаю... Я подчиненный чинъ... Потрудитесь росписаться...

Но, вмѣсто того, „графъ“ снова воскликнулъ:

— Эта дура княгиня... моя двоюродная сестра, хочетъ насильно тащить въ пріютъ мальчика, о которомъ я просилъ... Это она затѣяла всю эту подлую... исторію... Но я... я не позволю... Слышишь, Антошка?.. Мы не позволимъ... Ты не будешь въ пріютѣ!.. Экіе мерзавцы, эти благотворители!—кипятился возмущенный графъ.

И, обращаясь къ околоточному, проговорилъ:

— Послушайте... Прошу васъ повременить день, другой... Даю вамъ слово, что мальчикъ не убѣжитъ, а я сейчасъ же напишу этой княгинѣ и еще одной родственницѣ... попрошу ихъ, чтобы онѣ немедленно просили объ отмѣнѣ этого нелѣпаго распоряженія... Если на то пошло, я усыновлю этого мальчика, и, надѣюсь, тогда никто не посмѣетъ взять у меня... О, какіе же они мерзавцы!.. Отвернулись всѣ отъ меня и теперь хотятъ отнять единственное, близкое мнѣ созданіе... Послушайте, г. околоточный, вы молоды, у васъ, вѣроятно, еще не заглохли чувства... Умоляю васъ, повремените день, другой...

— Повремените!—просила и Анисья Ивановна.

— Что жъ... я... пожалуй... доложу, что вы еще больны и находитесь въ безсознательномъ состояніи.

— Благодарю васъ... Вы—человѣкъ!—промолвилъ „графъ“, протягивая околоточному руку.

Черезъ нѣсколько минутъ Антошка бѣжалъ въ домъ Опольева съ письмомъ къ Нинѣ, передавъ другое письмо къ княгинѣ Моравской посыльному.

Ахъ какія краснорѣчивыя были эти письма горемычнаго „графа“!

XXII.

Появившись въ большой кухнѣ Опольевыхъ, Антошка на этотъ разъ не интересовался наблюденіями. Онъ не обратилъ своего вниманія ни на обстановку, ни на количество мѣдной посуды, ни на низенькую, приземистую фигуру повара, стоявшаго у плиты и мѣшавшаго что-то въ кастрюлѣ большой

ложкой, а, поглощенный одною мыслью—передать какъ можно скорѣе письмо по назначенію — обратился къ молодому кухонному мужику, который, недалеко отъ дверей, перемывалъ въ жестяной лохани тарелки.

Голосъ Антошки дрожалъ тревожнымъ нетерпѣніемъ, когда онъ спросилъ молодого парня:

— Скажите пожалуйста, барышня дома?

— Барышня? А тебѣ зачѣмъ барышня?

— Письмо имъ есть... Передать бы.

— Обожди. Кто-нибудь изъ комнатъ придетъ и возьметъ... И дома ли, нѣтъ-ли барышня—скажетъ...

— Должно быть дома, еще не завтракали,—замѣтилъ, отворачиваясь отъ плиты, поваръ, довольно благообразный старикъ съ сѣдыми кудреватыми волосами, выбивавшимися изъ-подъ бѣлаго колпака.

И, оглядѣвши Антошку своими добродушными и въ то же время любопытными небольшими глазками, спросилъ:

— А ты отъ кого съ письмомъ, мальчикъ?

— Отъ одного бѣднаго ихъ сродственника... Онѣ знаютъ...

— На бѣдность, значитъ, проситъ?

— Очень даже нуждаются...

Поваръ подумалъ и сказалъ:

— Вѣрно, это тотъ самый сродственникъ, котораго генералъ приказалъ не пускать и писемъ отъ него не принимать...

— То-то отъ него письмо къ барышнѣ.

— А онъ какъ же доводится генералу... Ты не знаешь?—любопытно допрашивалъ старикъ.

— Родной братъ...

— Родной братъ?—воскликнулъ старикъ-поваръ,

необыкновенно изумленный.—Ты это вѣрно знаешь?

— Очень даже вѣрно...

— А мы полагали, что такъ, какой-нибудь дальній... Однако! Родной братъ такого важнаго генерала, а швейцаръ говорилъ, что ходитъ въ родѣ нищаго въ самомъ послѣднемъ костюмѣ...

— И вовсе даже нищіе... Изъ-за своей легкой одежи чуть не умерли!—пояснилъ Антошка, замѣтивъ, что поваръ видимо не сочувствуетъ такому безсовѣстному отрицанію кровныхъ узъ.

— Нищій... братъ генерала Опольева!.. Нечего сказать... прокламація!.. Видно, на братца не надѣется, что къ племянницѣ пишетъ?

— Ужъ какая надежда,—съ сердцемъ проговорилъ Антошка,—ежели вашъ генералъ вовсе отказался отъ родного брата... Пропадай, молъ, какъ собака, а мнѣ наплевать... И сколько горя принялъ Александръ Иванычъ, генеральскій-то братъ... Такого, можно сказать, важнаго званія господинъ, офицеромъ въ уланахъ служилъ и по улицамъ милостыню собиралъ... И всѣ сродственники отъ него отреклись за роднымъ братомъ... Допустили, чтобы человѣкъ терпѣлъ... А еще все графы, да князья!—возмущенно закончилъ Антошка.

— Ддда... времена!.. Родного брата и... въ шею! Очень даже просто!—протянулъ, ни къ кому не обращаясь, старикъ и вздохнулъ, покачавъ головой.

Онъ снова сталъ мѣшать въ кастрюлѣ, черпнулъ ложкой и, попробовавъ соусъ, спросилъ:

— А ты какъ же знаешь генеральскаго брата?

Антошка въ короткихъ словахъ разсказалъ свою исторію.

Поваръ, видимо удивленный и тронутый, промолвилъ раздумчиво:

— Ишь вѣдь какія бываютъ на свѣтѣ дѣла!.. Нищій, а призрѣлъ сироту... Богатый и родного брата въ шею... Ловко!

— Жалостливый!—вставилъ и кухонный мужикъ, необыкновенно сосредоточенно и словно бы сердито слушавшій разсказъ Антошки.

— А ты вотъ что, Аѳанасій,—обратился къ мужику поваръ,—возьми-ка отъ мальчика письмо да снеси Дуняшѣ, пусть, молъ, самой барышнѣ передастъ, да у ней въ комнатѣ... Чтобы, значитъ, генералъ не провѣдалъ... Да оботри прежде руки-то... Письмо замараешь... Вотъ такъ... неси теперь Дуняшѣ... И лакеямъ не показывай...

Когда Аѳанасій ушелъ, поваръ ласково сказалъ Антошкѣ:

— Пока присядь, мальчикъ. Богъ дастъ, барышня не откажетъ помочь горемычному дяденькѣ... Она у насъ добрая... не похожа на отца... Тотъ вовсе какъ будто каменный!—прибавилъ, понижая голосъ, поваръ.

— Безпремѣнно поможетъ!—увѣренно подтвердилъ Антошка.

— Ты почему же полагаешь?

— Она разъ прислала двадцать пять рублей, быдто отъ отца... И велѣла въ письмѣ, ежели что, къ ней писать, а не къ отцу...

— Ишь ты! Папеньку своего не захотѣла оконфузить!—промолвилъ поваръ.

Въ скоромъ времени, вслѣдъ за кухоннымъ мужикомъ, въ кухню вошла молодая горничная Дуняша и велѣла Антошкѣ итти за собой.

— Барышня хочетъ тебя видѣть!—привѣтливо сказала она.

Нина дожидалась въ маленькой комнатѣ Дуняши, находившейся въ корридорѣ, собираясь принять Антошку почти тайкомъ.

Необыкновенно участливо и внимательно, нѣсколько смущенная и точно чувствуя себя въ чемъ-то виноватою, слушала эта худощавая молодая дѣвушка съ большими глазами возбужденный разсказъ Антошки, въ дополненіе къ письму, о „графѣ“, объ его болѣзни, объ его добротѣ, и когда Антошка окончилъ разсказъ мольбой о томъ, чтобъ его не отдавали въ пріютъ и не разлучали съ „графомъ“, который всѣми брошенъ,—молодая дѣвушка, потрясенная и возмущенная, обѣщала непремѣнно сегодня же поѣхать къ княгинѣ и просить ее отмѣнить свое распоряженіе.

Она торопливо отдала Антошкѣ конвертъ съ двадцатью пятью рублями, и проговорила:

— Кланяйся отъ меня дядѣ. Извинись, что мало посылаю... Скоро еще пришлю... Успокой его... Скажи, что я буду просить княгиню... Она не возьметъ тебя въ пріютъ... я увѣрена... ты останешься при дядѣ... Ты вѣдь такъ его любишь...

— Еще бы не любить!..—воскликнулъ Антошка.

— И дядя, и ты, оба вы хорошіе!—возбужденно произнесла дѣвушка, и я сдѣлаю для васъ все, что могу...

— Спаси васъ Богъ, добрая барышня... Какъ графъ-то обрадуется, что вы жалѣете его... А то... вѣдь онъ чуть было не умеръ...

— Зачѣмъ же онъ не написалъ мнѣ?

— Шибко боленъ былъ... Безъ памяти лежалъ барышня...

— Бѣдный!.. Ну, иди же къ нему, Антоша... Кланяйся... Вотъ и тебѣ... возьми, возьми!—говорила она, доставая изъ портмоне послѣдній рубль, бывшій тамъ, и отдавая его Антошкѣ.—Что-нибудь себѣ купишь...

Антошка вышелъ благодарный и обрадованный.

„Теперь „графъ“ не пропадетъ. Племянница его не чета всѣмъ этимъ княгинямъ и графинямъ. Сейчасъ видно, какая она простая да жалостливая!“—думалъ Антошка, торопливо возвращаясь домой...

Рубль, полученный имъ, заставилъ его задуматься о томъ, что бы такое купить графу на эти деньги, что доставило бы ему удовольствіе. Долго онъ ломалъ надъ этимъ вопросомъ голову и наконецъ рѣшилъ, что вино очень полезно „графу“, тѣмъ болѣе, что и докторша во время болѣзни приказывала давать вина и сама его привозила, и Антошка, войдя въ погребъ, потребовалъ самой лучшей мадеры въ рубль.

XXIII.

Разсказъ Антошки произвелъ на молодую дѣвушку сильное впечатлѣніе.

Первый разъ въ жизни она непосредственно услыхала объ ужасахъ нищеты и горя несчастныхъ обездоленныхъ людей. До этого она, случалось, читала объ этомъ въ книгахъ или слыхала мимоходомъ въ разговорахъ, что люди впадаютъ въ нищету по своей винѣ, но никогда не задумывалась надъ этимъ вопросомъ. Богатая, избалованная, жившая въ замкнутомъ кружкѣ такихъ же богатыхъ и чиновныхъ людей, она не могла себѣ представить, что за этимъ міромъ довольства,

блеска и роскоши существуютъ на свѣтѣ люди, не имѣющіе ни пищи, ни платья, ни крова, нуждающіеся въ кускѣ хлѣба въ то время, когда ей шьютъ бальное платье, стоющее большихъ денегъ, или дарятъ дорогія бездѣлки.

А теперь эти мысли бродили въ ея головѣ, находили откликъ въ добромъ сердцѣ дѣвушки, и ей непремѣнно хотѣлось помочь и этому несчастному дядѣ, и этому мальчику.

Какъ ни было ей тяжело осуждать отца, но она осудила его въ душѣ за то, что онъ такъ жестоко отнесся къ родному брату, и она припомнила тѣ ужасныя слова отца, которыя онъ говорилъ по поводу письма, полученнаго мѣсяцъ назадъ отъ дяди, въ которомъ онъ молилъ о помощи для мальчика. И тогда она почувствовала правдивость этого письма. И тогда она подумала, что отецъ не правъ, считая своего брата лжецомъ... И тогда она находила жестокимъ поведеніе отца и, полная стыда за него, послала свои двадцать пять рублей. А теперь, послѣ того, какъ услыхала эту трогательную исторію двухъ бездомныхъ, горемычныхъ существъ, молодая дѣвушка невольно еще строже судила отца, и слова его казались ей теперь безсердечными.

О, какъ бы хотѣлось ей помирить отца съ дядей... Откуда такое озлобленіе? Ужели отецъ недоступенъ жалости и не можетъ отнестись къ нему тепло и сердечно, ободрить его, помочь ему?..

Но при мысли объ этомъ ей становилось жутко, и невольныя сомнѣнія закрадывались въ ея голову. Отецъ — непреклоненъ и, что разъ рѣшилъ, не мѣняетъ. И смѣетъ ли она учить отца? И станетъ ли онъ ее слушать?

Но если отецъ не исполняетъ то, что велятъ и долгъ, и любовь, она должна исполнить. Она не допуститъ, чтобы родной братъ отца нищенствовалъ, собирая милостыню на улицахъ, и чтобы отъ него отняли этого мальчика, котораго онъ такъ любитъ. Это безжалостно, возмутительно!

Возбужденная и радостная, что и у нея, скучающей и неудовлетворенной тою жизнью, которую заставляли ее вести, нашлось вдругъ дѣло, что и она можетъ быть полезной двумъ существамъ, молодая дѣвушка вышла изъ своей комнаты и прошла въ кабинетъ къ матери.

Нина разсказала ей то, что слышала отъ Антошки, и проговорила:

— Мама. Вѣдь необходимо помочь дядѣ и этому мальчику!

Госпожа Опольева, женщина добродушная, но благоговѣвшая передъ мужемъ, хотя и согласилась съ дочерью, что этотъ „несчастный дядя“ заслуживаетъ помощи, и что онъ всегда возбуждалъ въ ней жалость, но прибавила:

— А что скажетъ отецъ, Нина?

— Но развѣ, мама, мы-то сами не можемъ помочь помимо папы, его родному брату?.. И, наконецъ, вѣдь онъ вовсе не такой дурной... Напротивъ, эта исторія съ мальчикомъ... эти заботы о немъ...

— Но почему дядя обратился къ тебѣ, Нина?.. Онъ тебя совсѣмъ не знаетъ... Видѣлъ маленькой дѣвочкой...

Нина призналась матери, что раньше послала дядѣ отъ имени отца деньги, и теперь послала.

— Видишь, ты какая!—растроганно произнесла

мать и нѣжно потрепала дочь по щекѣ своей бѣлой, пухлой рукой въ кольцахъ.—А если папа узнаетъ объ этомъ? Вѣдь онъ будетъ недоволенъ... Ты вѣдь знаешь его мнѣніе о дядѣ?..

— И пусть узнаетъ... Я тогда сама разскажу папѣ, что онъ ошибается... И папа, быть можетъ, убѣдится и... помирится съ дядей.

Опольева сдѣлала отрицательный жестъ.

— Этого никогда не будетъ! — произнесла она грустнымъ тономъ.

— Но если ты, мама, его попросишь...

— Я ужъ пробовала...

— Но за что же такая ненависть?.. Что же, наконецъ, сдѣлалъ такое дядя, что отъ него всѣ отшатнулись, и довели его до нищенства?—воскликнула Нина.—Разскажи мнѣ, мама...

Мать разсказала извѣстную читателю исторію „графа“.

— Что жъ тутъ такого ужаснаго, мама?.. Развѣ дядя не могъ исправиться? И развѣ многіе молодые люди не то же дѣлаютъ?.. И, однако, ихъ не изгоняютъ изъ общества... Помнишь, еще недавно какую исторію разсказывали о графѣ Бѣжецкомъ... Онъ сдѣлалъ вещи похуже, чѣмъ бѣдный дядя, и тѣмъ не менѣе, его вездѣ принимаютъ... И папа, и ты съ нимъ любезны... Онъ остался въ полку...

— Положимъ, съ дядей сурово обошлись... не спорю, — замѣтила мать, — но все-таки такъ опуститься, сдѣлаться пьяницей, нищимъ...

— Но кто же въ этомъ виноватъ? Развѣ родные поддержали его тогда? Напротивъ, всѣ, какъ ты говоришь, его оставили и сами же обвиняютъ его. Ахъ, мама, мама, какъ это несправедливо и без-

жалостно!—воскликнула молодая дѣвушка.—Нѣтъ, мама, голубчикъ, милая, добрая, ты ужъ позволь мнѣ помогать дядѣ... я буду давать ему въ мѣсяцъ свои двадцать пять рублей... И свои непремѣнно... Мнѣ на булавки и остальныхъ двадцати пяти за глаза довольно... И не нужно папѣ говорить... Пусть дядя будетъ думать, что это онъ посылаетъ... Не правда ли?..

— Ну, что жъ, дѣлай, какъ хочешь, добрая моя дѣвочка, возьми и отъ меня маленькую ленту... пошли ему еще десять рублей... Я буду давать каждый мѣсяцъ.

— Спасибо за дядю и за мальчика, мамочка... Теперь они, по крайней мѣрѣ, не будутъ нищенствовать... А за этого мальчика я буду просить тетю Мери... Я послѣ завтрака къ ней поѣду... Можно?

— Поѣзжай... только врядъ ли ее застанешь послѣ завтрака... Вѣдь, Marie, ты знаешь, всегда занята... Время у нея распредѣлено...

— Я теперь поѣду...

— А завтракать?..

— Богъ съ нимъ, съ завтракомъ... Потомъ позавтракаю...

— Такъ прикажи закладывать карету...

— Нѣтъ, я лучше въ саняхъ, мамочка...

И съ этими словами Нина вышла изъ кабинета матери и попросила Дуняшу приказать запречь сани.

Черезъ полчаса она уже ѣхала къ княгинѣ Моравской. Дорогой у нея явилась мысль послѣ визита къ Моравской поѣхать къ дядѣ. То-то онъ обрадуется! Непремѣнно надо навѣстить его. Мама

навѣрное не разсердится! А отецъ не будетъ знать объ этомъ!

— Дома княгиня?

— Дома, пожалуйте!

Молодая дѣвушка быстро поднялась по лѣстницѣ. Лакей встрѣтилъ ее у дверей почтительнымъ поклономъ и, проводивъ до гостиной, пошелъ докладывать княгинѣ.

XXIV.

Княгиня Марья Николаевна съ четверть часа тому назадъ вернулась съ прогулки, по обыкновенію, свѣжая, цвѣтущая и румяная, въ томъ спокойномъ, увѣренномъ и довольномъ расположеніи духа, которое бываетъ у счастливо-уравновѣшеннаго человѣка, сознающаго, что все, что онъ дѣлаетъ, хорошо и плодотворно, и что самъ онъ безупреченъ.

Сегодня во время прогулки именно такія мысли занимали княгиню, и она съ горделивымъ чувствомъ подумала, что она живетъ не такъ, какъ другія женщины. Въ самомъ дѣлѣ, большую часть женщинъ ея круга занимаютъ выѣзды, наряды, сплетни, флиртъ и разныя сердечныя увлеченія, доводящія многихъ до забвенія всякихъ приличій,—а она вся поглощена дѣятельностью. Сколькимъ людямъ она благотворитъ, сколько несчастныхъ, благодаря ей, сдѣлались счастливѣе, сколько дѣтей призрѣвается въ пріютахъ... А всѣ эти благотворительные концерты, спектакли и базары, устраиваемые, благодаря ея энергіи и настойчивости, какъ много даютъ они средствъ на добрыя дѣла!..

Благодаря ея дѣятельности, она не скучаетъ, не нервничаетъ, какъ эти свѣтскія дамы... Жизнь ея полна смысла, и она несетъ „крестъ свой“ безъ всякаго ропота... Да и Богъ съ нимъ, съ этимъ семейнымъ счастьемъ... Она обходится и безъ него, и не надо ей какой-то любви, о которой такъ хлопочатъ многія женщины. Она и въ молодости никого не любила и вышла замужъ за старика по разсудку, такъ ужъ теперь...

Съ жестокостью женщины, никогда не увлекавшейся и всегда исполнявшей свой долгъ съ неумолимою строгостью, княгиня не отказала себѣ въ маленькомъ удовольствіи осудить тѣхъ, кто распускаетъ себя, мысленно назвать ихъ презрительной кличкой и брезгливо пожать плечами...

И сама она внутренно гордилась своею безупречностью, не подозрѣвая, конечно, что эта безупречность въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ ея уравновѣшенной, честолюбивой и холодной натуры, и съ самодовольнымъ чувствомъ думала, что она примѣрная во всѣхъ отношеніяхъ женщина, благодаря твердымъ принципамъ, основаннымъ на религіозномъ фундаментѣ.

Съ такимъ заключеніемъ она вернулась домой, сдѣлавши свой узаконенный моціонъ, рекомендованный ей докторомъ, чтобы не полнѣть.

Письмо „графа“, которое княгиня только что прочла, нѣсколько смутило молодую женщину и, главное, нарушило ея спокойное расположеніе духа и поколебало ея увѣренность въ томъ, что все, что она дѣлаетъ, хорошо и полезно.

Давно, давно не читала княгиня такихъ писемъ, хотя получала ихъ много.

Это было страстное, умоляющее и вмѣстѣ съ тѣмъ негодующее письмо возмущеннаго и несчастнаго человѣка, полное ядовитыхъ сарказмовъ насчетъ желанія кузины спасать людей при помощи полиціи и дѣлать не добро, а зло. Искренностью и горемъ дышали эти строки, въ которыхъ „графъ“ объяснялъ, что такое для него этотъ мальчикъ, возродившій его къ жизни, его, одинокаго и всѣми брошеннаго. Неужели милые родственники, не желающіе его знать, хотятъ отнять единственное преданное ему существо? „Это было бы безсовѣстно и бездушно, княгиня“, — писалъ „графъ“. — Если вы это сдѣлаете, значитъ, вы сами никогда и никого не любили, кромѣ себя, и ваша благотворительность — ничего не стоитъ, она для васъ — удовлетвореніе тщеславія, и больше ничего. Ужели у васъ хватитъ жестокости нанести послѣдній ударъ тому человѣку, который — помните? — когда-то былъ вашимъ искреннимъ почитателемъ. Впрочемъ, и тогда вы были всегда слишкомъ холодны и разсудительны, и если теперь эти качества получили полное развитіе, то отъ васъ ждать пощады нечего... Вы, конечно, думаете, что я, отверженный, буду виновникомъ погибели мальчика... У васъ, вѣдь, у сытыхъ, богатыхъ людей, и особенно у благотворителей... такая мораль... Вы воображаете, что ваши пріюты—спасаютъ... О, какъ вы ошибаетесь и какъ вы слѣпы, еслибъ только могли это понять... Простите за рѣзкость письма, но поймите, если не можете чувствовать, что вы хотите сдѣлать... Повремените, по крайней мѣрѣ. Соберите справки, узнайте обо мнѣ, посылайте своихъ благотворителей справляться о мальчикѣ, и если свѣдѣнія эти будутъ небла-

гопріятны, тогда... тогда берите его въ пріютъ, изъ котораго Антошка, конечно, убѣжитъ и, благодаря вамъ, дѣйствительно попадетъ, какъ вы выражаетесь, въ „когти порока“... Нѣтъ, вы этого не сдѣлаете, кузина... Не сдѣлаете“.

Прошла минута, другая, а княгиня все еще держала письмо въ рукахъ. Она хотѣла бы отнестись къ этому дерзкому письму съ презрѣніемъ и чувствовала, что не можетъ... Она хотѣла увѣрить себя, что это пишетъ „пропавшій человѣкъ“, пьяница, негодяй, и что на этотъ „пьяный бредъ“ не стоитъ обращать вниманія, и, тѣмъ не менѣе, чувствовала, что этотъ „бредъ“ задѣваетъ ее, и что онъ дышетъ правдой...

И ея красивое, спокойное, увѣренное въ себѣ лицо омрачилось тѣнью. Вмѣсто того, чтобы разорвать письмо, она положила его на письменный столъ и задумалась...

Въ эту минуту постучали въ двери.

— Войдите!

— Нина Константиновна Опольева! — доложилъ лакей.

— Просите сюда! — проговорила княгиня.

Она поднялась и пошла встрѣтить молодую дѣвушку.

Княгиня очень благоволила къ своей молодой родственницѣ. Она считала Нину серьезной дѣвушкой, а не обыкновенной свѣтской пустельгой, которая только ищетъ жениховъ и занимается кокетствомъ.

— Какой счастливый вѣтеръ занесъ тебя, Нина?—говорила княгиня, цѣлуя молодую дѣвушку.— У васъ всѣ здоровы: мама, отецъ?

— Всѣ здоровы, тетя Мери... А къ вамъ я, тетя, съ просьбой, съ большой просьбой.

— Да ты присядь прежде, Нина...

Нина опустилась на маленькій диванчикъ.

— Ну, теперь разсказывай, въ чемъ дѣло...

„Волнуясь и спѣша“, молодая дѣвушка стала просить княгиню не опредѣлять Антошку въ пріютъ.

— Если бъ вы знали, тетя, какъ любятъ они другъ друга: бѣдный дядя и этотъ мальчикъ!.. Онъ сейчасъ у меня былъ и разсказывалъ, что дядя былъ опасно боленъ, чуть не умеръ, простудился, когда вышелъ въ легкомъ пальто собирать милостыню... А этого своего пріемыша ни за что не пускалъ... Его одѣлъ, а о себѣ не подумалъ... Вообще, тутъ все необыкновенно, тетя, и доказываетъ, что дядя вовсе не такой дурной человѣкъ... Напротивъ...

— И твой папа такъ теперь думаетъ?

— Нѣтъ, тетя... Папа предубѣжденъ противъ дяди...

— А ты, Нина, увлекаешься... Я тоже получила сейчасъ письмо отъ кузена... и очень дерзкое и наглое... И онъ требуетъ, чтобъ я не опредѣляла его пріемыша въ пріютъ... И какой тонъ.. Какія выраженія!..

— Но, тетя, онъ такъ несчастенъ... Полиція грозитъ отнять мальчика...

— Да, я просила объ этомъ, чтобы его спасти... Онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе, этотъ мальчикъ. Въ пріютѣ ему было бы лучше!—настаивала княгиня.

— Онъ убѣжитъ изъ пріюта... Онъ не хочетъ туда!

— И твой дядя пишетъ, что убѣжитъ... Вотъ

дѣлай послѣ этого добро людямъ... Хлопочи о нихъ! — съ сердцемъ промолвила княгиня. — Что можетъ выйти изъ этого мальчика? Нищій, пьяница, воръ.

— О нѣтъ, тетя, нѣтъ... О немъ и о дядѣ будутъ заботиться... Дядя больше не станетъ просить милостыни... Нѣтъ! — энергично протестовала Нина, вся вспыхивая.

— Ты хочешь помогать ему?

— Да, тетя.

— Напрасно, моя милая... Надо помогать съ разборомъ... Твои деньги пойдутъ на пьянство... Твой дядя совсѣмъ погибшій человѣкъ...

— Не думаю, тетя...

— А я увѣрена... Ужъ если помочь ему, то иначе...

— Какъ, тетя?

— А вотъ какъ: помѣстить его въ богадѣльню. Я берусь это устроить. Это было бы лучше всего!

И княгиня вся засіяла отъ этой, неожиданно осѣнившей ея голову мысли. Въ самомъ дѣлѣ, чего же лучше!

— Но если дядя не захочетъ, тетя, въ богадѣльню? — промолвила Нина и невольно улыбнулась этому неудержимому желанію княгини благодѣтельствовать людямъ, не спросивши у нихъ, хотятъ ли они этого.

— Ну и дуракъ, если не захочетъ, — категорически отрѣзала княгиня. Ему, значитъ, нравится жизнь, которую онъ ведетъ.

— Нѣтъ, милая тетя, ужъ вы исполните просьбу... Оставьте дядѣ мальчика... Не откажите, голубчикъ-тетя! — упрашивала Нина.

— Ну, хорошо... Я уступаю... Не хотятъ люди

добра — какъ хотятъ, а я умываю руки! — проговорила, наконецъ, княгиня.

— И напишите поскорѣй кому тамъ нужно, а то полиція возьметъ мальчика.

— Я сейчасъ протелефонирую.

И княгиня подошла къ телефону, вызвала, кого слѣдуетъ, и просила отмѣнить распоряженія.

— Ну, теперь однимъ нищимъ на свѣтѣ будетъ больше... поздравляю. Ты довольна этимъ, Нина?— проговорила княгиня.

Но тонъ ея голоса звучалъ весело. Она, казалось, сама была рада, что исполнила просьбу и оставила Антошку при „граффѣ“.

— А мнѣ кажется, что теперь двумя менѣе несчастными людьми будетъ болѣе! — замѣтила Нина, улыбаясь своими большими кроткими глазами.

— Ты, Нина, еще очень молода и потому смотришь въ розовые очки... Дай Богъ, чтобъ бѣдный кузенъ исправился, благодаря мальчику, хотя я мало вѣрю въ исправленіе такихъ людей... Согласна, что въ самомъ дѣлѣ трогательная исторія... Письмо его, хоть и дерзкое, а кажется искреннимъ и, признаюсь, произвело и на меня впечатлѣніе...

— Вотъ видите, тетя... Что онъ пишетъ?

— Онъ болѣе бранится... Ну, довольно объ этомъ. Что кончено, то кончено... Разскажи о себѣ... Я тебя давно не видала... Что ты дѣлаешь? Надѣюсь, ты съ нами позавтракаешь? Я тебя не отпущу, слышишь? Довольна ты своей жизнью?

Молодая дѣвушка призналась, что та жизнь, которую она ведетъ, ее не удовлетворяетъ.

— Ну еще бы!.. Есть чѣмъ удовлетворяться? Эти ваши скучнѣйшіе балы, эти ваши глупые фиксы

и глупые кавалеры... Надѣюсь, не влюбилась еще ни въ одного изъ этихъ господъ?

— Нѣтъ, тетя...

— И слава Богу... Я всегда считала тебя умной дѣвочкой... А что ты читаешь? Не одни романы, конечно?

— Нѣтъ, тетя... Я и журналы читаю...

— Тебѣ бы надо, Нина, дѣломъ заняться...

— Какимъ, научите, тетя...

— Сдѣлайся членомъ нашего Общества „Помогай ближнему!“ и, если захочешь, дѣло найдется...

— Я охотно готова бы работать... Но только...

Она не договорила, нѣсколько смущенная.

— Что же тебя останавливаетъ?

— Папа не особенно любитъ всѣ эти благотворительныя общества...

Княгиня вспыхнула.

— Твой отецъ—извини, а ужъ я прямо скажу—совсѣмъ сдѣлался въ послѣднее время чиновникомъ и не понимаетъ никакого живого дѣла... Мы съ нимъ не разъ ссорились изъ-за этого... По его мнѣнію, только то хорошо, что вышло изъ канцеляріи, а свободная частная дѣятельность ему не по сердцу... Онъ и меня считаетъ вродѣ сумасшедшей... я знаю... Но я съ нимъ поговорю о тебѣ, и надѣюсь, что онъ позволитъ тебѣ работать подъ моимъ наблюденіемъ... Хочешь?..

— Съ большимъ удовольствіемъ!

— Очень рада... Ты, по крайней мѣрѣ, будешь полезна ближнимъ... А теперь ты что?.. Барышня съ хорошимъ приданымъ, за которой охотятся женихи... Нечего сказать, пріятное положеніе... И знаешь, что я тебѣ скажу, Нина?..

— Что, тетя?..

— Не торопись выходить замужъ.

— Я и не тороплюсь.

— Тебѣ двадцать лѣтъ... Подожди еще лѣтъ пять...

— Охотно буду ждать, тетя!—разсмѣялась Нина.

— И — главное, Нина — не выходи замужъ по разсчету, и особенно за старика... Избави тебя Богъ отъ этого!—какъ-то значительно и серьезно проговорила княгиня... Ну, а теперь пойдемъ завтракать!—круто оборвала она разговоръ, когда вошедшій лакей доложилъ, что завтракъ поданъ.

XXV.

— Куда, прикажете, барышня, домой?—спросилъ кучеръ послѣ того, какъ швейцаръ Моравскихъ усадилъ Нину въ санки и застегнулъ полость.

— Нѣтъ, Иванъ... Поѣзжайте къ Бердову мосту. Вы знаете, гдѣ Бердовъ мостъ?..

— Какъ не знать, барышня.

Кучеръ натянулъ возжи, и рѣзвая вороная „Свѣтланка“ понесла санки крупною быстрою рысью.

Кучеръ любилъ „хорошо прокатить“ барышню, которую онъ, какъ и вся вообще прислуга въ домѣ Опольевыхъ, отличалъ за ея простоту и ласковое, привѣтливое обращеніе, показывавшее, что барышня не гнушается простымъ человѣкомъ. Это не то, что „самъ генералъ“, всегда ровный, никогда не возвышавшій голоса и въ то же время съ какимъ-то снисходительнымъ презрѣніемъ смотрѣвшій на прислугу. Никогда ни съ кѣмъ ни од-

ного лишняго слова, кромѣ приказаній, точныхъ и короткихъ. Никогда ни малѣйшей фамильярности и никакой шутки, даже съ камердинеромъ, который жилъ у него шесть лѣтъ. И не даромъ всѣ трепетали Опольева, зная, что за малѣйшую неаккуратность и за неточное исполненіе его приказаній виновный будетъ немедленно разсчитанъ и безъ всякихъ объясненій.

Иванъ пустилъ „Свѣтланку“ во всю. Снѣжная пыль обдавала закутанную Нину, и вѣтеръ рѣзалъ ея лицо. Она любила скорую ѣзду.

— Тише, тише, Иванъ... Кого-нибудь задавите!..

— Что вы, барышня?.. Не извольте безпокоиться...

Однако онъ попридержалъ лошадь, и только въ малолюдной Офицерской снова пустилъ „Свѣтланку“ полнымъ ходомъ.

Не доѣзжая Бердова моста, кучеръ круто осадилъ лошадь у воротъ большого дома, указаннаго Ниной.

Она вышла изъ саней и нерѣшительно дернула за звонокъ у воротъ.

Наконецъ явился дворникъ.

— Гдѣ здѣсь живетъ г. Опольевъ?—спросила Нина.

— На заднемъ дворѣ, у прачки, третій этажъ... номеръ 50!—грубовато отвѣтилъ дворникъ.

— Да ты проводи-то барышню... Не видишь, кто съ тобой говоритъ!—сердито окрикнулъ кучеръ, находившій, что дворникъ отнесся не съ надлежащимъ почтеніемъ къ барышнѣ, да еще пріѣхавшей на собственной лошади.

— Я... что жъ... Я провожу... Пожалуйте, барышня!—проговорилъ дворникъ уже болѣе любезно.

„Ишь вѣдь дядю нищаго своего пошла провѣдать“, сочувственно подумалъ кучеръ, который ужъ узналъ сегодня на кухнѣ, кто такой братъ ихъ генерала.

Не безъ нѣкоторой брезгливости поднялась Нина по темной, вонючей лѣстницѣ, съ мокрыми ступеньками и покрытыми сыростью стѣнами. Изъ многихъ квартиръ съ открытыми дверями шелъ скверный запахъ кухни и смрада. По лѣстницѣ шмыгнули какія-то подозрительныя мужскія фигуры, скверно одѣтыя, съ испитыми физіономіями и удивленно озирали нарядно одѣтую барышню. И Нинѣ становилось жутко.

— Вотъ здѣсь, пожалуйте.

И дворникъ дернулъ звонокъ.

За дверями послышалось шлепанье туфель, и Анисья Ивановна въ кофтѣ и юбкѣ, съ засученными руками, показалась въ дверяхъ.

— Вамъ кого?—удивленно спросила она.

— Александръ Ивановичъ Опольевъ здѣсь живетъ?

— Здѣсь... здѣсь... Пожалуйте, барышня!—привѣтливо встрѣтила Нину квартирная хозяйка, догадавшись по описанію Антошки, что это та самая племянница, которая помогла „графу“.

— Можно къ нему войти?—робко спросила Нина и невольно поморщилась, вдыхая отвратительный спертый воздухъ маленькой квартирки.

— Очень даже можно... Александръ Иванычъ сегодня первый разъ встали и сидятъ... Не угодно ли? Входите... Вотъ ихъ комната...

Нина постучала.

— Войдите!—раздался изъ комнаты низкій сиповатый басокъ „графа“.

Молодая дѣвушка вошла и остановилась на мгновеніе, смущенная и взволнованная, пораженная и нищенской обстановкой маленькой комнатки, и видомъ этого блѣднаго, смертельно блѣднаго, осунувшагося лица, изрытаго морщинами, съ черными, глубоко сидящими, глазами, все еще красиваго и выразительнаго. Шапка кудрявыхъ, сѣдоватыхъ волосъ, покрывавшихъ большую голову „графа“, придавала ему видъ художника. Съ перваго же взгляда Нину поразило необычайное сходство его съ отцомъ, но только „графъ“ казался совсѣмъ старикомъ, хотя и былъ моложе. Одѣтъ онъ былъ въ свой знаменитый дырявый халатъ...

— Съ кѣмъ имѣю честь...—съ изысканною вѣжливостью началъ, было, удивленный „графъ“, съ трудомъ приподнимаясь съ кровати и стараясь держаться прямо, но не докончилъ фразы и, пристально вглядѣвшись въ Нину, воскликнулъ:

— Нина... Нина Константиновна... Неужели это вы?

— Я самая, дядя!—проговорила закраснѣвшаяся дѣвушка, торопливо подходя къ „графу“ и протягивая ему руку.

— Не ожидалъ!—едва вымолвилъ онъ и горячо припалъ къ ея рукѣ.

Нина поцѣловала его въ голову...

— Не ожидалъ!—повторилъ онъ, стараясь скрыть свое волненіе.—Спасибо вамъ, милая дѣвушка... Спасибо... Садитесь...

И „графъ“ хотѣлъ, было, подвинуть табуретъ.

— Не безпокойтесь, дядя... пожалуйста, сидите...

И, присѣвъ на табуретъ, она продолжала, все еще смущенная и взволнованная:

— Я непремѣнно хотѣла побывать у васъ, узнать о вашемъ здоровьѣ и сообщить пріятную вѣсть и вамъ и Антошѣ,—обернулась она къ Антошкѣ, ласково ему улыбнувшись.—Я только что отъ княгини Моравской... Антошу отъ васъ не возьмутъ... Княгиня телефонировала градоначальнику...

Антошка весело улыбался.

— И за это спасибо вамъ, Нина Константиновна...

— Просто—Нина, дядя...

— Ну извольте: Нина... И за все, за все, что вы сдѣлали...

— Полноте, дядя... Стоитъ ли говорить... Много ли я сдѣлала?.. Я ничего не сдѣлала того, что бы слѣдовало,—какъ-то значительно и словно бы виновато проронила молодая дѣвушка, бросая робкій взглядъ, полный участья, на „графа“. Я вѣдь раньше рѣшительно ничего не знала о васъ, а теперь, какъ узнала отъ Антоши, какой вы хорошій...

— Ну ему вѣрить нельзя... Онъ удивительно болтливый и, главное, увлекающійся мальчишка... Видите ли, Нина, дѣтство его было очень печальное, и когда его пригрѣли, онъ ужъ и раскисъ, являя рѣдкое качество: чувство благодарности... Такъ княгиня смилостивилась?.. Отказалась отъ мысли силою облагодѣтельствовать Антошку и, конечно, полагаетъ, что онъ пропадетъ?.. Но вы, Нина, я увѣренъ, этого не думаете, и понимаете, что я постараюсь, чтобъ онъ не былъ похожъ на меня!— прибавилъ онъ съ горькой улыбкой.

— Разумѣется, не думаю, дядя...

— И не ошибетесь... вѣрьте...

И, словно бы спохватившись и вспоминая что и

онъ когда-то былъ свѣтскимъ человѣкомъ, „графъ“ поспѣшилъ освѣдомиться о здоровьѣ ея родителей.

— Благодарю васъ, здоровы...

Она хотѣла, было, прибавить: „вамъ кланяются“, но удержалась отъ этой лжи и прибавила:

— Я вѣдь къ вамъ, дядя, пріѣхала экспромтомъ... Ни папа, ни мама не знаютъ...

— Тѣмъ болѣе порадовали... Вѣдь вы первая изъ родственниковъ рѣшились посѣтить меня... Первая, и вѣроятно, послѣдняя...

— Я, дядя, если позволите, и еще пріѣду.

— Позволю?.. Я буду безконечно радъ васъ видѣть, но... какъ бы вамъ-то не досталось, милая племянница... Вашъ отецъ не очень-то обрадуется, если узнаетъ, а я... я не хочу, что бы изъ-за меня вамъ сказали хоть одно непріятное слово!—прибавилъ графъ на превосходнѣйшемъ французскомъ языкѣ.

— Не бойтесь... Не достанется... И я надѣюсь, что и папа примирится съ вами... пойметъ, какъ онъ передъ вами... виноватъ!..

— Виноватъ?.. Напрасно вы думаете, что онъ виноватъ... У брата своя точка зрѣнія... Онъ человѣкъ извѣстныхъ правилъ... вотъ и все...

Нина просидѣла полчаса и была просто очарована и изяществомъ „графа“, и его остроумными замѣчаніями, и его манерами, полными достоинства.

Наконецъ она поднялась и, крѣпко пожимая руку „графа“, горячо проговорила:

— Я очень-очень рада, дядя, что познакомилась съ вами...

И прибавила по-французски съ робкою застѣнчивостью:

— И надѣюсь, дядя, что вы позволите мнѣ быть исключеніемъ изъ родственниковъ... и... и... быть вамъ полезной,—чуть слышно прибавила она.— Видите ли... у меня есть свободныя и совсѣмъ ненужныя деньги... Не обидьте, дядя, меня отказомъ и позвольте ежемѣсячно присылать вамъ бездѣлицу... тридцать пять рублей... Больше я, къ сожалѣнію, не могу ..

„Графъ“ не находилъ словъ.

— И кромѣ того... вамъ, дядя, необходимо перемѣнить квартиру и... сдѣлать кое-что... Вы больны, вамъ нуженъ уютъ... теплое платье... На-дняхъ я пришлю деньги... Они мнѣ совсѣмъ не нужны... право... двѣсти рублей... Вы перемѣните обстановку... Вамъ необходима чистая комната... Не правда ли... И вы возьмете отъ любящей васъ племянницы... Вѣдь да, да?..

— Милая! Добрая!..—проговорилъ дрогнувшимъ голосомъ графъ.

— До свиданія, дядя... Будьте здоровы...

Она крѣпко пожала руку „графа“ и сказала Антошкѣ:

— Проводи меня, Антоша... Прощайте, Анисья Ивановна...

Антошка проводилъ молодую дѣвушку до саней. Когда онъ ее подсаживалъ, то замѣтилъ, что глаза ея полны слезъ.

— Прощайте, барышня... Дай вамъ Богъ всего хорошаго!—горячо проговорилъ онъ.

— До свиданія... Берегите дядю... Если ему будетъ хуже, дайте мнѣ знать...

Необыкновенно веселый и радостный вернулся Антошка къ „графу“ и думалъ встрѣтить и его

такого же веселаго. Но каково же было его удивленіе, когда, войдя въ комнату, онъ увидѣлъ „графа“, сидящаго на кровати, съ закрытымъ руками лицомъ. Плечи его вздрагивали, словно бы онъ плакалъ.

И „графъ дѣйствительно плакалъ, потрясенный и тронутый сердечнымъ участіемъ, котораго онъ такъ долго не видалъ. Неужели это не сонъ, и впереди новая жизнь безъ этого опостылѣвшаго попрошайничества?

XXVI.

Молодая дѣвушка возвращалась домой растроганная и взволнованная, одушевленная горячимъ желаніемъ во что бы то ни стало устроить несчастнаго дядю. Онъ положительно ее очаровалъ, этотъ нищій и пропойца, какъ брезгливо называлъ ея отецъ родного брата. Необходимо — и какъ можно скорѣе—перевести его изъ этой крошечной, полутемной комнаты въ лучшую; надо дать возможность ему одѣться сколько-нибудь прилично, завести бѣлье, теплую одежду... вообще успокоить его хоть на склонѣ жизни...

Она замѣтила и этотъ дырявый халатъ неопредѣленнаго цвѣта, бывшій на немъ, и эти туфли, которыя не надѣла бы ея горничная, и это отвратительное, порыжѣлое пальто, тоненькое, заштопанное, висѣвшее на гвоздикѣ.

И въ такомъ одѣяніи родной братъ ея отца выходилъ на улицу просить милостыню!

О, папа, папа!

Бѣдный дядя! какъ долженъ страдать онъ, всѣми брошенный, всѣми презираемый. Какъ зябъ онъ, едва прикрытый, въ то время, когда его близкіе родные ѣздили въ роскошныхъ шубахъ или сидѣли въ уютныхъ, теплыхъ комнатахъ. И никто не вспомнилъ о немъ, никто не пожалѣлъ его!

— Отчего такая жестокость?—спрашивала себя потрясенная дѣвушка.

А между тѣмъ, какъ онъ былъ тронутъ малѣйшимъ вниманіемъ и сколько въ немъ доброты, сколько нѣжности къ спасенному имъ мальчику. Самъ нищій заботится о такомъ же нищемъ. А отецъ говорилъ, что онъ изолгавшійся, пропавшій человѣкъ!

— Господи! Отчего отецъ такъ озлобленъ противъ него?

Нина—эта тепличная барышня, оберегаемая отъ всякаго прикосновенія съ дѣйствительной жизнью —первый разъ въ теченіе своей двадцатилѣтней жизни увидала, какъ живутъ бѣдные люди. Ей, не имѣвшей понятія о томъ, въ какихъ, дѣйствительно, ужасныхъ подвалахъ и трущобахъ гнѣздится бѣдный людъ, и это, сравнительно еще сносное помѣщеніе „графа“, о которомъ не смѣли бы мечтать болѣе несчастные люди — казалось чѣмъ-то ужаснымъ, чѣмъ-то невозможнымъ.

И передъ ней, словно бы внезапно, приподнялась завѣса новаго міра — міра нищеты и страданія, о которомъ прежде она ничего не знала и никогда не думала сколько-нибудь сознательно.

Она, положимъ, и раньше слыхала, что существуютъ на свѣтѣ нищіе люди, но они представлялись ей какими-то порочными отверженцами, ка-

кими-то страшными людьми, сдѣлавшимися такими по собственной винѣ.

По крайней мѣрѣ такъ говорилъ о нихъ отецъ, и она ему вѣрила.

Слышала она отъ отца и другія своеобразныя сужденія вообще о народѣ.

Его превосходительство неизмѣнно и съ присущимъ ему апломбомъ говорилъ — и въ послѣднее время все чаще и настойчивѣе, — что русскій народъ въ конецъ развращенъ и испорченъ: онъ лѣнивъ и безпеченъ, живетъ, какъ свинья, пьянствуетъ и совсѣмъ распущенъ, благодаря тому, что послѣ освобожденія съ нимъ сентиментальничали вмѣсто того, чтобъ поставить надъ нимъ строгую непосредственную власть. Необходимо народъ держать въ ежовыхъ руковицахъ и не стѣсняться учить его по старинному—розгой. Такая строгость, разумѣется, разумная, необходима въ собственныхъ его же интересахъ—иначе прежнія патріархальныя качества русскаго мужика исчезнутъ окончательно. Подобная опека вполнѣ отвѣчаетъ и государственнымъ задачамъ, и самобытнымъ русскимъ устоямъ.

— Разнуздайте этого звѣря или дайте ему попробовать европейской цивилизаціи, и вы увидите, что будетъ...

Его превосходительство не досказывалъ, что будетъ, но его, гладко выбритое, лицо чиновнаго авгура становилось таинственнымъ, и онъ какъ-то угрожающе разводилъ выхоленными руками съ крѣпкими ногтями, предоставляя слушателю догадываться, что можетъ произойти...

Такія положенія сдѣлались любимымъ конькомъ Опольева послѣ того, какъ онъ, умудренный, вѣроят-

но житейскимъ опытомъ, круто перемѣнилъ прежніе свои взгляды, когда составлялъ краснорѣчивыя записки по порученію прежняго начальства совсѣмъ въ другомъ духѣ о томъ же самомъ народѣ.

Теперь же онъ любилъ выставлять на видъ новыя свои воззрѣнія, къ которымъ пришелъ, какъ говорилъ онъ, путемъ горькаго разочарованія въ приложимости къ русской жизни многихъ, казалось бы, и полезныхъ реформъ. Насколько было возможно, онъ старался провести свои новыя мнѣнія путемъ бойкихъ записокъ, снабженныхъ многочисленными историческими, экономическими и даже богословскими данными.

Онъ называлъ себя здравомыслящимъ консерваторомъ и находилъ, что рѣшительный консерватизмъ будто бы вполнѣ соотвѣтствуетъ духу времени и въ то же время не безполезенъ для увѣнчанія блестящей карьеры.

Однако, онъ заблуждался на счетъ своихъ честолюбивыхъ надеждъ. Его рѣшительные проекты погребены были въ министерскомъ архивѣ, и его не призывали осуществлять ихъ.

Другихъ мнѣній не приходилось слышать молодой дѣвушкѣ въ отчемъ домѣ, и когда отецъ высказывалъ ихъ, бывало, за обѣдомъ, какому-нибудь приглашенному гостю, то гость не противорѣчилъ, а соглашался съ его превосходительствомъ.

Но и такіе разговоры изъ области государственной политики происходили рѣдко въ присутствіи молодой дѣвушки. Они обыкновенно велись въ кабинетѣ. Ей же приходилось только слушать во время визитовъ разныя свѣтскія и административныя сплетни и не особенно остроумныя beaux-mots,

сообщавшіяся матери, шаблонно-свѣтскую, непосредственно къ ней обращенную безсодержательную болтовню порядочныхъ молодыхъ людей, или пошловатыя любезности ухаживателей, которые не прочь были предложить ей руку и сердце и взять ея хорошее приданое. Въ дамскомъ обществѣ, среди кузинъ и пріятельницъ, ей приходилось слушать одни и тѣ же разговоры о нарядахъ, о Михайловскомъ театрѣ, о флиртѣ того-то съ той-то и самыя злыя сплетни на счетъ замужнихъ женщинъ, увлеченія которыхъ обсуждались даже молодыми дѣвицами.

И молодая дѣвушка жила въ этомъ обособленномъ кружкѣ, полномъ своихъ интересовъ, интригъ и искательствъ, точно въ какомъ-то заколдованномъ замкѣ, до котораго не доносилась широкая волна жизни. Все, что происходило тамъ, за предѣлами волшебнаго замка, ей было такъ же невѣдомо, какъ невѣдома внутренность Африки.

Не помогло ей нисколько въ этомъ отношеніи и шестилѣтнее пребываніе въ учебномъ заведеніи. И тамъ всѣ вопросы, болѣе или менѣе интересующіе обыкновенныхъ смертныхъ, предусмотрительно обходились, какъ совершенно безполезныя для будущихъ свѣтскихъ дамъ, которымъ рѣшительно не нужно знать: дѣйствительно ли земля кругла, и отчего крестьяне не имѣютъ ни бріошей къ чаю, ни жареной курицы за обѣдомъ. Наука тамъ имѣла какой-то элегантно-веселый характеръ анекдотовъ и болѣе или менѣе достовѣрныхъ фактовъ безъ какихъ бы то ни было обобщеній. Въ воображеніи юницъ весь божій міръ представлялся ареной для пріятнаго препровожденія генеральскихъ

дочерей, особенно если у родителей или у мужа есть хорошія средства, а для остальныхъ скучнымъ прозябаніемъ съ плохими костюмами и плохимъ выговоромъ французскаго языка. Въ теоретическомъ представленіи народъ являлся какимъ-то таинственнымъ сборищемъ бородатыхъ и грязныхъ пахарей, обязанность которыхъ трудиться въ потѣ лица своего и собирать въ житницы. Въ конкретномъ видѣ народъ представлялся горничными, лакеями, кучерами и швейцарами, назначеніе которыхъ не оставляло мѣста для какихъ-либо сомнѣній. Нѣсколько странной породой людей казались воспитанницамъ учителя. Ихъ можно было обожать и въ то же время нельзя было пригласить въ домъ и выйти за нихъ замужъ. Ихъ надобно было уважать и слушаться и слегка презирать за дурной костюмъ и немодную прическу.

Выйдя изъ учебнаго заведенія, Нина говорила хорошо по-французски и по-англійски, довольно плохо играла на фортепіано, знала языкъ цвѣтовъ, и нѣсколько не совсѣмъ приличныхъ французскихъ романовъ, прочитанныхъ тайкомъ, и имѣла болѣе чѣмъ смутныя понятія о русской литературѣ послѣ Гоголя.

Въ домѣ она тоже не особенно культивировалась, тѣмъ болѣе, что самъ Опольевъ далеко не былъ поклонникомъ русской литературы, особенно новѣйшей. Толстого онъ порицалъ, а Салтыкова такъ просто ненавидѣлъ. Другихъ новѣйшихъ писателей онъ не читалъ и къ прессѣ относился съ недоброжелательствомъ за то, что она суетъ носъ туда, куда ей не слѣдуетъ, и позволяетъ себѣ судить о томъ, чего не понимаетъ.

Его превосходительство, впрочемъ, выписывалъ одинъ русскій журналъ и одну газету, направленіе которыхъ соотвѣтствовало его взглядамъ. Газету онъ аккуратно прочитывалъ и изрѣдка самъ посылалъ редактору статейки подъ псевдонимомъ, конечно, въ которыхъ излагалъ свои государственныя соображенія.

Опольева, добродушная и не особенно далекая женщина, до сихъ поръ влюбленная въ мужа и слушавшая каждое его слово съ благоговѣніемъ вѣрующей, тоже относилась къ отечественной литературѣ съ боязливой брезгливостью и, конечно, оберегала и дочь отъ знакомства съ произведеніями, въ которыхъ, какъ она думала, описываются все мужики да мужики, или занимаются какими-то курсистками да учителями. Мать и дочь исключительно читали французскіе и англійскіе романы, и многіе извѣстные русскіе писатели неизвѣстны были имъ даже по именамъ.

И, не смотря на такое полное отчужденіе отъ дѣйствительной жизни, не смотря на самое основательное воспитаніе въ духѣ полнаго индиферентизма ко всему, что не имѣетъ отношенія къ интересамъ маленькаго замкнутаго кружка, такъ называемыхъ, сливокъ общества,—молодая дѣвушка смутно чувствовала ложь этой жизни и какую-то неудовлетворенность.

Не глупая, наблюдательная и чуткая, она не могла не замѣтить лицемѣрія и фальши, угодничества и лести, поддѣльной наивности и двуличія, наглости и безстыдства въ погонѣ за положеніемъ, за богатствомъ, и полнѣйшаго отсутствія какихъ-нибудь другихъ интересовъ среди представителей и

представительницъ того общества, въ которомъ Нина вращалась. Она видѣла, съ какою неразборчивостью молодыя барышни при помощи матерей и отцовъ ловили богатыхъ жениховъ, а молодые люди — богатыхъ невѣстъ, нисколько не думая о взаимной привязанности; она слышала циничные разговоры знакомыхъ барышенъ о флиртѣ, и понимала, чего стоятъ эти условныя фразы о нравственности, религіи и супружескомъ долгѣ въ устахъ тѣхъ молодыхъ свѣтскихъ женщинъ, которыя яростнѣе всѣхъ нападали на неприличное поведеніе своихъ, менѣе осторожныхъ подругъ, а сами...

Нѣтъ, рѣшительно этотъ „свѣтъ“ съ его блескомъ и роскошью, съ удовольствіями и выставкой тщеславія, обманулъ прежнія ея ожиданія и совсѣмъ не прельщалъ эту худенькую брюнетку съ ясными, довѣрчивыми глазами. Она была словно бы чужая среди своихъ и слишкомъ серьезна для веселящихся и довольныхъ жизнью пріятельницъ и знакомыхъ. Надъ ней посмѣивались, называли ее оригинальной и находили, что она „trop rude“.

Нина не любила выѣздовъ и баловъ и появлялась на нихъ больше по настоянію матери. Порой она скучала и, чтобъ убить время, занялась живописью.

Мать, любившая единственную свою дочь до безумія, нѣсколько удивлялась и ея нелюдимству, и ея хандрѣ.

„Пора Нинѣ замужъ!“ думала она и зорко присматривалась, кто изъ молодыхъ людей, бывавшихъ у нихъ въ домѣ, нравится дочери, но какъ она ни приглядывалась, а ничего не замѣчала.

— Тебѣ никто, Нина, не нравится?—спрашивала мать.

— Никто, мама...

— А Бѣжецкій, а Лорней, а Скуратовъ... развѣ не хорошіе и милые молодые люди...

— Такъ чтожъ изъ этого, мама?

— Надо тебѣ выходить замужъ, Ниночка...

— Будто ужъ такъ надо... Надоѣла я тебѣ, что ли?—смѣясь, говорила дочь.

Такъ и кончались подобныя объясненія, и мать не знала, чѣмъ объяснить, что Нина въ послѣдніе годы стала совсѣмъ не той веселой, беззаботной и любящей балы дѣвушкой, какою была раньше.

Посѣщеніе больного „графа“, ужасная исторія Антошки, трогательное отношеніе къ нему того, кого всѣ называли отверженцемъ,—все это словно бы пробудило Нину отъ сна, словно бы съ глазъ ея сняли вдругъ повязку, и она увидала, что за очарованнымъ замкомъ есть и другая жизнь, не та беззаботная и роскошная, но жизнь, полная лишеній и страданій. Она почувствовала, что люди, которыхъ отецъ безпощадно клеймилъ пропащими и не заслуживающими участія, далеко не такіе ужасные. Напротивъ... И если она видѣла только двухъ такихъ нищихъ—„графа“ и Антошку, то вѣрно и другіе заслуживаютъ любви и милосердія...

Такія мысли бродили въ головѣ молодой дѣвушки, и въ этотъ день она впервые задумалась о такихъ вещахъ, о которыхъ прежде не думала.

О, въ какой ужасъ пришелъ бы отецъ, еслибъ заглянулъ въ эти минуты въ душу своей горячо любимой дочери.

XXVII.

Вопросъ о томъ, гдѣ она достанетъ деньги, обѣщанныя дядѣ, былъ рѣшенъ ею безъ колебаній. Это такъ просто. Зачѣмъ ей, напримѣръ, бриллiантовыя серьги, которыя подарилъ отецъ на именины. Можно возвратить ихъ ювелиру, и онъ не откажется купить ихъ.

Вернувшись домой, молодая дѣвушка тотчасъ же прошла къ матери.

— Ну, мама, все устроено,—возбужденно заговорила она,—тетя Мери не отниметъ мальчика. Онъ останется при дядѣ...

— Ты у тети завтракала?

— Да... Тетя тебѣ кланяется... И ея мужъ... Ахъ, мама, еслибъ ты знала, въ какомъ ужасномъ положеніи дядя...

— Что съ княземъ?—участливо воскликнула княгиня, думая, что рѣчь идетъ о мужѣ ея двоюродной сестры.

— Я не о князѣ... Я о дядѣ Опольевѣ... Какой онъ худой, худой и блѣдный... А какая у него комната! Маленькая, безъ мебели, грязная, темная...

— Да ты откуда знаешь всѣ эти подробности?

— Я сама видѣла. Я только что отъ дяди.

— Что!?Ты была у него!?—воскликнула Опольева.

Въ ея красивомъ, моложавомъ, нѣсколько полноватомъ лицѣ, въ ея большихъ глазахъ отразился ужасъ и изумленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, дочь тайнаго совѣтника Опольева и вдругъ въ гостяхъ у какого-то пропойцы-нищаго. О, Господи!

— Чему ты такъ изумляешься, мама?

— И ты еще спрашиваешь, Нина?

— Да развѣ я сдѣлала что-нибудь нехорошее, навѣстивъ несчастнаго, больного дядю?

Этотъ вопросъ нѣсколько смутилъ добродушную женщину.

— Ты поступила нехорошо относительно отца.

— Но, мама...

— Дай мнѣ сказать... Ты вѣдь знала, что отецъ не велѣлъ пускать этого господина и не признаетъ его своимъ братомъ... И вдругъ дочь къ нему ѣдетъ! Ты, значитъ, ни во что не ставишь мнѣніе отца? И, не посовѣтовавшись со мной, одна отправляешься въ какую-то трущобу... Ахъ, Нина, Нина... Какая это нелѣпая выходка!

— Во-первыхъ, папа заблуждается, относительно дяди, считая его какимъ-то негодяемъ... Онъ, напротивъ, добрый, хорошій человѣкъ!—горячо проговорила Нина.

— Что ты говоришь, Нина. Развѣ можно осуждать отца?

— Я не осуждаю... Я говорю только, что папа не правъ.. Я въ этомъ убѣждена и меня никто не разубѣдитъ... Во вторыхъ, я не скрою отъ папы, что была у его брата... Я разскажу, что видѣла, и папа убѣдится, что онъ заблуждается..

— Боже тебя сохрани, Нина... Не говори ничего отцу, не огорчай его... Но дай мнѣ слово, что ты не повторишь своего безразсудства.. Помогай этому несчастному, если хочешь—хотя и это ужъ протестъ противъ отца!—но бывать у него...

— Мама! Да что ты говоришь!—воскликнула молодая дѣвушка, и въ голосѣ ея звучала грустная

нотка, а глаза ея съ нѣмымъ укоромъ глядѣли на мать.—Ты, добрая, хорошая, ты, сама заступившаяся за дядю—помнишь, когда папа принесъ его письмо?—и осуждаешь меня... И за что же? За то, что я была у больного, несчастнаго, всѣми брошеннаго человѣка? Ахъ, еслибъ ты видѣла его? Еслибъ ты видѣла, какъ онъ былъ тронутъ моимъ посѣщеніемъ... Какъ онъ чуть не заплакалъ отъ волненія...

— Но, отецъ твой...

— Ахъ, мама... Твое сердце само говоритъ, что папа въ данномъ случаѣ не правъ... Если бы и папа увидалъ этого сгорбленнаго, исхудавшаго старика съ лицомъ мертвеца...

— Развѣ онъ такъ боленъ?

— Было воспаленіе легкихъ... Простудился, выйдя на улицу въ холодномъ пальто... Еще, слава Богу, что нашлись добрые люди. . Одна женщина-врачъ лѣчила его, а хозяйка квартиры, какая-то прачка, содержала дядю во время болѣзни... И это сдѣлали посторонніе люди, а мы... родные... Ахъ, какъ это все нехорошо, мама!

И Нина взволнованно стала разсказывать матери подробности своего визита.

И по мѣрѣ того, какъ Нина передавала о своей встрѣчѣ съ дядей, о томъ, какъ онъ говорилъ съ ней, какъ благодарили ее и дядя, и этотъ мальчикъ, котораго дядя спасъ отъ ужасной жизни у какого-то солдата,—на глазахъ у Опольевой заблестѣли слезы, и она нѣсколько разъ во время разсказа повторяла:

— Ахъ, несчастный, несчастный!

— Вотъ видишь ли, мама, какъ всѣ были без-

жалостны и несправедливы къ дядѣ, считая его совсѣмъ дурнымъ человѣкомъ!—возбужденно проговорила Нина, окончивъ свой разсказъ.

— Да, Нина... Онъ много перенесъ... этотъ бѣдный Александръ Ивановичъ!

— А вѣдь онъ, мама, куда лучше многихъ изъ тѣхъ людей нашего общества, которыхъ всѣ принимаютъ и уважаютъ. Право, лучше, хоть и считается падшимъ. И это я поняла только сегодня, когда поговорила съ нимъ. Такъ неужели такъ и оставить его, не выказать ему участія, не навѣстить его!? Вѣдь это было бы возмутительно, жестоко... Не правда ли?

Опольева чувствовала справедливость словъ дочери.

Дѣйствительно, всѣ родные слишкомъ сурово отнеслись тогда къ Опольеву. И мужъ былъ слишкомъ не снисходителенъ къ брату. Но мужъ—человѣкъ правилъ, принципа. Кто знаетъ, не жалѣлъ ли онъ брата въ душѣ, но и не могъ отступить отъ принятаго рѣшенія. У него есть эта черта. Но за то, какой онъ примѣрный мужъ, какой отецъ!..

И Опольева безъ особеннаго труда оправдала мужа.

— Ты слишкомъ принимаешь все близко къ сердцу, Ниночка,—проговорила мать.—Я не спорю, что дядя несчастенъ, что онъ ужъ не такой дурной и заслуживаетъ помощи... И я ничего не имѣю противъ того, чтобъ ты помогала ему, но зачѣмъ же ѣздить къ дядѣ, если отецъ твой не хочетъ знать его... Вѣдь онъ пришелъ бы въ ужасъ, еслибъ узналъ о твоемъ посѣщеніи... А развѣ ты захочешь огорчать отца, который тебя боготворитъ... Подумала ли ты объ этомъ?

— Но что-же мнѣ дѣлать? Не могу же я согласиться съ папой, что дядя негодяй, и никогда съ этимъ не соглашусь. Ну, хорошо, я не скажу папѣ о своемъ визитѣ, если ты этого не хочешь, но я все-таки навѣщу дядю...

— Но если отецъ какъ-нибудь узнаетъ?

— Ну чтожъ? Тогда я все объясню ему, все...

Этого-то и боялась пуще всего мать. О, она хорошо знала, какъ самолюбивъ ея мужъ и какъ ему непріятно всякое противорѣчіе. А тутъ дочь вдругъ явится какъ бы въ роли обвинительницы отца!..

И, вдругъ принимая строгій видъ, Опольева сказала:

— Нина! Ты больше не поѣдешь къ дядѣ. Слышишь, я тебя прошу объ этомъ... Не заставляй приказывать.

— Мама, мнѣ непріятно тебя огорчать, но я должна быть у дяди... Я ему обѣщала и исполню свое обѣщаніе!—прибавила молодая дѣвушка, внезапно блѣднѣя.

Этотъ рѣшительный отвѣтъ всегда ласковой, кроткой Нины ошеломилъ Опольеву. Она рѣшительно не знала, какъ ей быть, что сказать дочери и, чувствуя, что ея авторитетъ поколебленъ, растерянно смотрѣла на дочь и вдругъ заплакала.

— Мама... не сердись. Ты пойми, что я не могу поступить иначе. Это не капризъ!—умоляла Нина.

Кончилось тѣмъ, что Опольева, какъ всѣ слабыя натуры, сдалась и пошла на компромиссъ. Она позволила Нинѣ, когда дядя устроится нѣсколько приличнѣе, разъ въ мѣсяцъ навѣщать его.

— Дастъ Богъ, отецъ не узнаетъ объ этомъ!—прибавила она.

Нина съ горячностью цѣловала мать.

— Какая ты у меня горячая, моя дѣвочка!—говорила мать, утирая слезы.. —А вотъ до сихъ поръ ни въ кого не влюбилась!—неожиданно прибавила она и вздохнула.

— Нѣтъ, влюбилась, мама.

— Кто онъ, этотъ счастливецъ?

— Дядя, мама...

— Ты вотъ все шутишь, а пора бы тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, полюбить кого-нибудь...

— Еще успѣю, мама... Не старая же я дѣва. А пока я хочу поступить въ Общество „Помогай ближнему!“, въ которомъ тетя Мери предсѣдательница.

— Это она тебя зоветъ?

— Она...

— Что жъ, поступай...

— А папа позволитъ?.. Онъ вѣдь не особенно любитъ благотворительныхъ дамъ?..

— Ну, тетю Мери онъ хоть и не долюбливаетъ, а уважаетъ... Подъ ея крыломъ можно... Я поговорю объ этомъ съ отцомъ... А вечеромъ сегодня ты въ какомъ платьѣ?—вдругъ перемѣнила разговоръ Опольева.

— А что сегодня вечеромъ, мама?

— Ты и забыла? Мы у Иртеньевыхъ.

— Развѣ необходимо ѣхать?

— Ты не хочешь?

— У нихъ такая скука, мама...

— А надо ѣхать...

— Почему?

— Иртеньева обидится... И то мы рѣдко у нея бываемъ...

— Что жъ, ѣхать такъ ѣхать, сказалъ попугай,

когда его тащили за хвостъ изъ клѣтки! — смѣясь проговорила Нина и прибавила: — А въ какомъ платьѣ, мама, быть попугаю?..

— Надѣнь новое, что на дняхъ принесли. Оно къ тебѣ идетъ...

— Такъ я его и надѣну... — отвѣтила Нина и вышла изъ спальной.

На другой день Нина, отдавая горничной футляръ съ серьгами, проговорила:

— Отвезите серьги, Дуняша, къ ювелиру съ этой записочкой... Только, прошу васъ, никому объ этомъ ни слова!—прибавила, краснѣя, Нина.

— Что вы, барышня... Ни душа не узнаетъ...

— Онъ вамъ за нихъ дастъ деньги...

— Продать ихъ, значитъ?

— Ну да... Ювелиръ навѣрное купитъ.

— А за сколько прикажете отдать ихъ?

— Право, не знаю... Кажется, за нихъ заплачено триста рублей.

— Этихъ денегъ, барышня, онъ не дастъ.

— Берите, что дастъ. Мнѣ очень нужны деньги.

Дуняша догадывалась, на что нужны барышнѣ деньги. Кучеръ вчера разсказалъ ей, гдѣ была Нина, и какъ Антошка благодарилъ ее.

Ей было жаль, что барышня лишается этихъ серегъ ради какого-то пьяницы дяденьки, котораго не даромъ же генералъ не приказываетъ принимать въ домъ и который навѣрное пропьетъ деньги, и она замѣтила:

— Жаль, барышня, продавать такія чудесныя сережки... Не найдете ли вы что-нибудь другое?..

— За другое меньше дадутъ, Дуняша... Да и

мнѣ нисколько не жаль... Поѣзжайте, пожалуйста, и поскорѣй вернитесь.

Черезъ часъ Дуняша привезла двѣсти рублей.

— Больше не хотѣлъ давать, барышня... Да сперва и покупать не хотѣлъ.

— Почему?

— А справился въ какой-то своей книжкѣ, да и спрашиваетъ: зачѣмъ, молъ, дочь такого важнаго генерала продаетъ свои вещи?.. Какъ бы, говоритъ, не вышло какихъ-нибудь непріятностей. Насилу я уговорила его, что никакихъ непріятностей ему не будетъ... Папенька, молъ, знаетъ объ этомъ...

— Благодарю васъ, Дуняша, что уговорили... А теперь я васъ попрошу отвезти эти деньги къ моему бѣдному родственнику... Я сейчасъ напишу только письмо.

И, присѣвъ къ столику, Нина написала дядѣ небольшое, необыкновенно ласковое и деликатное, письмо, въ которомъ просила принять отъ любящей племянницы деньги и переѣхать въ лучшее помѣщеніе, сдѣлать себѣ все необходимое и непремѣнно теплое пальто. „А то вы опять простудитесь и заболѣете, дорогой дядя“, прибавила она и кончила просьбой непремѣнно сообщить новый адресъ, какъ только здоровье дяди позволитъ ему переѣхать на другую квартиру.

— Передайте, Дуняша, этотъ конвертъ въ руки моему дядѣ и кланяйтесь отъ меня...

— Слушаю, барышня...

— И объ этомъ никому не говорите, Дуняша.

— Будьте покойны, добрая барышня... То-то вашъ дяденька обрадуется такимъ большимъ деньгамъ...

— Да, для него это большія деньги теперь... А мое бальное платье триста рублей стоило. На что оно мнѣ, Дуняша? А на эти деньги можно было бы избавить человѣка отъ нищеты!—неожиданно прибавила Нина въ какомъ-то раздумьи.

— Какъ на что, барышня? Вовсе даже необходимо по вашему положенію!—запротестовала Дуняша, совсѣмъ не раздѣляя, повидимому, такого страннаго мнѣнія барышни.—Вамъ ежели и въ тысячу рублей платье, такъ очень даже хорошо...

— Вы думаете, что хорошо?—улыбнулась Нина.

— А то какъ же... Вы такого важнаго генерала дочь...

— И въ этомъ все мое право!—какъ будто отвѣчала на какія-то свои мысли молодая дѣвушка и прибавила:—Поѣзжайте, Дуняша, и скорѣе возвращайтесь!

XXVIII.

Эти двѣсти рублей, присланные Ниной, теперь казались „графу“, когда-то швырявшему тысячами, цѣлымъ состояніемъ.

И онъ глядѣлъ на двѣ толстыя пачки бумажекъ, лежавшихъ на его кривоногомъ столикѣ, и словно бы не вѣрилъ своимъ глазамъ, что такое богатство въ полномъ его распоряженіи. Онъ словно бы сомнѣвался, что послѣ долгихъ лѣтъ нищенства, благодаря обѣщаннымъ тридцати пяти рублямъ въ мѣсяцъ, онъ можетъ не шататься по вечерамъ на улицахъ, останавливая прохожихъ на разныхъ діалектахъ и придумывая болѣе или менѣе остроумныя словечки, чтобъ получить какую-нибудь монет-

ку, и можетъ не писать больше писемъ къ разнымъ родственникамъ и бывшимъ знакомымъ. Какъ ни привыкъ онъ къ этой жизни, съ какимъ цинизмомъ нищеты ни эксплоатировалъ онъ близкихъ, а все же эта жизнь была отвратительна.

А теперь вотъ еще эти деньги!

Вѣдь онъ можетъ разстаться со своимъ нищенскимъ тряпьемъ, внушавшемъ ему самому отвращеніе, и одѣться прилично, не вызывая на улицѣ подозрительныхъ взглядовъ, можетъ завести бѣлье, переѣхать въ болѣе чистую и свѣтлую комнату и зажить съ Антошкой хорошо и уютно. У нихъ будутъ кровати съ хорошими тюфяками, крѣпкіе сапоги... Они будутъ каждый день обѣдать... Антошка станетъ ходить въ школу...

Это сознаніе неожиданнаго благополучія приводило „графа“ въ радостно-счастливое настроеніе, наполняя его сердце чувствомъ горячей благодарности къ виновницѣ такой рѣзкой перемѣны въ его жизни.

Ожидалъ ли онъ, что, на склонѣ его жизни, судьба смилуется надъ нимъ такъ великодушно и такъ таровато? Онъ проведетъ послѣдніе годы не нищимъ оборванцемъ и не одинъ, какъ перстъ, а съ этимъ славнымъ и добрымъ мальчикомъ, который заставилъ его вновь полюбить жизнь.

И „графъ“ проговорилъ, обращаясь къ Антошкѣ, который тоже очарованными глазами глядѣлъ на такое количество денегъ.

— А вѣдь все это точно въ сказкѣ, Антошка!

— Въ какой сказкѣ, графъ?—переспросилъ Антошка, не понимая, что хочетъ сказать „графъ“.

— Не называй ты меня графомъ, братецъ. Те-

перь ужъ я, слава Богу, не графъ, а опять Александръ Ивановичъ Опольевъ!

— Слушаю, Александръ Иванычъ!—проговорилъ сконфуженно Антошка и словно бы и самъ понялъ, что теперь не слѣдуетъ называть Опольева нищенскимъ прозвищемъ „графа“.

— Ты знаешь, что такое сказка?

— Небылица, значитъ.

— Ну такъ вотъ, въ сказкахъ обыкновенно случается такъ, что нищій вдругъ оказывается принцемъ, а дуракъ—умнымъ...

— Зачѣмъ же это?

— А затѣмъ, мой мальчикъ, чтобы утѣшать нищихъ и дураковъ... Въ дѣйствительности же такія превращенія бываютъ очень рѣдки... А вотъ съ нами это случилось... И, если по правдѣ говорить, то такъ же нелѣпо, какъ и въ сказкѣ... Слѣдовало бы, по настоящему, мнѣ остаться такимъ же нищимъ, какимъ я былъ, и выходить на работу вотъ въ этомъ самомъ пальтишкѣ и... вдругъ...

„Графъ“, вмѣсто окончанія фразы, взялъ своей исхудавшей рукой одну изъ пачекъ и потрясъ ее въ воздухѣ...

— Не правда ли, Антошка, удивительно, что мы съ тобою вдругъ сдѣлались принцами?—прибавилъ „графъ“.

Но Антошка, въ качествѣ большого почитателя „графа“, горячо протестовалъ и находилъ, что такъ и слѣдовало быть. Нельзя же, чтобы такой человѣкъ безвинно терпѣлъ... Еще если бы какой-нибудь простой, а то настоящій господинъ, у котораго такіе важные и богатые сродственники.

— Положимъ, не безвинно, Антошка, помни это

разъ навсегда... Не въ этомъ, впрочемъ, дѣло, а въ томъ, что богатые и важные „сродственники“, какъ ты выражаешься, совершенно спокойно оставили бы меня умереть нищимъ, считая—и не безъ нѣкотораго основанія,—что я пропавшій человѣкъ, а такому человѣку помочь не слѣдуетъ, а надо его скорѣй забыть... и шабашъ. И такъ бы я и околѣлъ гдѣ-нибудь на улицѣ отъ неизвѣстной причины—такъ, Антошка, въ газетахъ пишутъ, когда умираютъ нищіе—еслибъ не эта добрая дѣвушка. . Она одна пожалѣла... Одна среди всѣхъ... Пожалѣла и повѣрила, что я тогда обратился къ ея отцу за помощью не для того, чтобы пропить деньги, а для того, чтобы тебя одѣть... Не будь такой дѣвушки, и не были бы мы принцами, и ходилъ бы я опять по вечерамъ на работу... просить милостыню. Понялъ?..

— Понялъ, Александръ Иванычъ...

— А что изъ этого слѣдуетъ, сообразилъ?

— Не въ домекъ что-то, Александръ Иванычъ!— добросовѣстно признался Антошка.

— А то, что надо разсчитывать только на себя самого. Мнѣ-то ужъ поздно, а ты, Антошка, не забывай этого.

— Извѣстно, самъ трудись, ежели ты бѣдный!— подтвердилъ и Антошка.

— Да, удивительно, какъ эта дѣвушка такая жалостливая у такого безжалостнаго отца и въ такой средѣ!—продолжалъ философствовать „графъ“, словно бы отвѣчая на занимавшія его мысли...— Непостижимо!—прибавилъ онъ.

— Сердце, значитъ, доброе у барышни... Я такъ полагаю, Александръ Иванычъ.

— Это ты вѣрно полагаешь, но добраго сердца еще мало... Надо понимать... Вотъ, напримѣръ, Анисья Ивановна понимаетъ, каково бѣдному человѣку, и при своемъ добромъ сердцѣ насъ съ тобою и кормила, и поила, когда я былъ боленъ... Изъ послѣднихъ крохъ отдавала... Вотъ и докторша... Она тоже знаетъ, какъ трудомъ достается кусокъ хлѣба, и... пожалѣла, братецъ, нищаго... лѣчила и ухаживала за мной, зная, что не получитъ ни гроша... И вино носила... Она и жалѣла, и понимала, а племянница...

— Да развѣ она не понимаетъ, что ежели нѣтъ ни одежи, ни пищи, то хоть пропадай! Всякій, кажется, понять это можетъ. Не трудная штука!

— То - то самая трудная это штука и есть!— категорически отрѣзалъ „графъ“.

— Что-то чудно́ вы говорите, Александръ Иванычъ...

— И я былъ не злой, когда богатъ былъ, а не понималъ этой штуки и никогда прежде о ней не думалъ... Дашь подъ пьяную руку пять рублей и забылъ... А гдѣ же объ этой штукѣ думать барышнѣ, для которой жизнь — точно сплошной праздникъ?.. Сегодня въ гости, завтра въ гости, по баламъ да по театрамъ... Да и не знаетъ она, что значитъ не обѣдать и какъ это есть люди, которые не обѣдаютъ.

— Ну?.. Обученая и не знаетъ?.. — усомнился Антошка.

— Этому, Антошка, не вездѣ учатъ... И меня этому не учили, и, навѣрное, племянницу не учили... Если бы учили, можетъ и я не истратилъ бы глупо огромнаго состоянія... Учили другому, что

совсѣмъ не нужно... А вотъ она, племянница, и не училась этому, а какъ горячо приняла къ сердцу нашу бѣду, Антошка... Не то, что пожалѣла да кинула подачку—нѣтъ! И сама пріѣхала, и пенсію назначила, и деньги на обзаведеніе прислала... И не оставитъ она насъ съ тобой... Не такая... То-то и удивительно!

— И простая какая, Александръ Иванычъ... Совсѣмъ не похоже, что дочь важнаго генерала...

— Ддда... И, можетъ, еще потерпитъ она за свою доброту...

— Отъ кого?

— Отъ отца, отъ матери...

— За то, что помогла родному дядѣ?—изумился Антошка.

— Именно, за это самое!—усмѣхнулся „графъ“. —Ты слышалъ, какъ ея горничная призналась, что барышня серьги свои продала, чтобъ прислать мнѣ эти деньги...

— У нея, должно быть, много этихъ серегъ...

— Много, не много, а она, значитъ, сдѣлала это по секрету... Если узнаютъ родители—ей будутъ непріятности... О, милая, свѣтлая душа! — воскликнулъ графъ въ какомъ-то восторженномъ умиленіи.

— Ругать будутъ, что ли?—поинтересовался Антошка.

— Будутъ говорить, что она поступаетъ безразсудно, что помогаетъ пропойцѣ... Извѣстно, что говорятъ люди о нищихъ... А ты, Антошка, — съ неожиданною торжественностью прибавилъ „графъ“, обращаясь къ мальчику,—никогда не забывай этой диковинной барышни и помни, что если мы съ то-

бою заживемъ хорошо, то обязаны этимъ ей... Такія барышни очень рѣдки среди тѣхъ, которыхъ ты зовешь „важными графинями и княгинями“. Не забудешь?

— Никогда не забуду, Александръ Иванычъ! — съ чувствомъ проговорилъ Антошка.

— То-то... Ты у меня признательный мальчикъ... Это, братецъ, хорошая черта... Ну, а теперь зови Анисью Ивановну... Надо съ ней разсчитаться...

Добрая женщина обрадовалась отъ всей души, узнавши, какую значительную сумму прислала племянница ея жильцу, и поздравила его.

— На экипировку прислала и вообще на обзаведенье... Комната, говоритъ, темная и маленькая... Требуетъ, чтобъ я перебрался отъ васъ, Анисья Ивановна!—объяснялъ „графъ“.

— Ужъ какая же это комната... Въ такой ли вамъ жить!..

— И въ трущобахъ жилъ, Анисья Ивановна, всего бывало... Но только я долженъ вамъ сказать, что мнѣ очень грустно разстаться съ вами, Анисья Ивановна... Я испыталъ на себѣ, какая вы добрая женщина... Знаю, кто содержалъ меня во время болѣзни и, повѣрьте, никогда этого не забуду...

— Ну, что вы, что вы, батюшка, Александръ Иванычъ!—говорила смущенная хозяйка... Отчего и не подѣлиться, чѣмъ можешь... У всякаго человѣка бываетъ нужда...

— Да только не всякій дѣлится... Ну, не будемъ объ этомъ говорить... Сколько я вамъ долженъ?

— Восемь рублей, Александръ Иванычъ, да за комнату пять, всего тринадцать рублей.

— Только-то?.. Ужъ что-то слишкомъ мало!

— Да за что же я съ васъ буду брать лишнее?.. Вотъ и счетъ на восемь рублей, что во время болѣзни трачено... Чужого я не хочу... Я, слава Богу, крещеная...

— Видно, очень добрый попъ васъ крестилъ, Анисья Ивановна,—усмѣхнулся Опольевъ. —Вотъ извольте получить ваши тринадцать рублей...

— Да вы счетецъ-то просмотрите.

— Вашъ счетецъ и просматривать не надо, — сказалъ „графъ“, разрывая счетъ съ небрежностью джентльмена, и прибавилъ:—А какъ я поправлюсь и стану выходить, то позволю доставить себѣ удовольствіе, Анисья Ивановна, поднести вамъ маленькій подарочекъ въ знакъ глубокой моей благодарности...

Анисья Ивановна, совсѣмъ тронутая и обѣщаніемъ подарка, и такою деликатною формою выраженія, начала, было, протестовать, но Опольевъ остановилъ ее словами:

— Надѣюсь, вы не захотите обидѣть меня отказомъ, Анисья Ивановна?

— Помилуйте, Александръ Иванычъ... Я простая женщина, а вы...

— А я... нищій баринъ, котораго вы пожалѣли!—перебилъ „графъ“.—Ну и объ этомъ не станемъ больше разговаривать, а перейдемъ къ слѣдующему вопросу. Надѣюсь, вы не откажетесь стирать мнѣ бѣлье, когда я его заведу?

— Съ большимъ удовольствіемъ, Александръ Иванычъ!

— Но дѣло въ томъ, что я думаю поселиться на Васильевскомъ островѣ... тамъ, знаете ли, и уединеннѣе, и воздухъ лучше... Особенно лѣтомъ...

И сады... и Петровскій паркъ близко, — говорилъ „графъ“, намѣтившій эту мѣстность вовсе не потому, что тамъ „воздухъ лучше“, а, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что эта часть города никогда не бывала цѣлью его вечернихъ экскурсій и тамъ не могли узнать въ немъ прежняго нищаго.— Такъ не далеко ли вамъ будетъ ходить за бѣльемъ?..

— Совсѣмъ не далеко... И у меня есть на острову одинъ давалецъ...

— Ну, значитъ, и отлично... И я всегда буду радъ видѣть васъ и попотчивать васъ, чѣмъ могу.

— А вы когда думаете перебираться, Александръ Иванычъ?

— А вотъ какъ силъ прибавится...

— То-то, вамъ надо поберечься. Долго-ли опять простудиться.

— И докторша запретила рано выходить... Ну да теперь у меня будетъ теплое пальто!—проговорилъ „графъ“ съ радостной, почти ребячьей, улыбкой.—Черезъ недѣльку я и выйду.

XXIX.

„Графъ“ быстро оправлялся отъ болѣзни къ радости Антошки, замѣчавшаго, что Александръ Ивановичъ не такой ужъ худой, какимъ былъ послѣ болѣзни. И ѣлъ онъ хорошо, и спалъ крѣпко, былъ въ веселомъ настроеніи духа и ждалъ съ нетерпѣніемъ яснаго дня, чтобъ отправиться за покупками.

Докторша, совсѣмъ неожиданно навѣстившая Опольева подъ деликатно сочиненнымъ предлогомъ, что была у больного въ этомъ же домѣ, осмотрѣла его и нашла, что онъ совсѣмъ молодцомъ.

— Только вамъ беречься нужно... Не простудиться опять...

— Не простужусь... Теперь я буду тепло одѣтъ и мнѣ не придется проводить время на улицахъ, рискуя новымъ воспаленіемъ легкихъ...

— Дѣла ваши, значитъ, поправились? — осторожно спросила докторша.

— Добрая фея явилась ко мнѣ, какъ это ни странно въ нынѣшнія времена, когда никто не вѣритъ въ фей, такъ онѣ рѣдки, эти добрыя феи. И однако нашлась одна въ лицѣ моей племянницы... дочери извѣстнаго Опольева... Вы, вѣрно, слышали эту фамилію?... Ну, разумѣется.

И Опольевъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи подробно разсказать докторшѣ о своей племянницѣ и превознести до небесъ ея доброту и участіе.

— А отецъ меня давно приказалъ не пускать на порогъ. Замѣтьте это! — прибавилъ онъ, усмѣхаясь.—Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, принять нищаго... въ такомъ великолѣпномъ домѣ, какъ у него!..

— Какая чудная дѣвушка! И какъ я рада за васъ!—горячо воскликнула докторша.

— Спасибо... Оттого-то я и позволилъ отнять у васъ пять минутъ времени, что на себѣ испыталъ ваше участіе и доброту. Я зналъ, что вы порадуетесь о томъ, что и въ той средѣ, гдѣ только думаютъ о себѣ, являются такія чистыя души, какъ эта дѣвушка... Только выдержитъ ли она?.. Не заклюютъ ли ее?

— Однако вы скептикъ...

— Жизнь не пріучила къ восторгамъ.

— Но теперь, вы, конечно, не такъ уже мрачно смотрите на тотъ кругъ, къ которому принад-

лежали? спрашивала докторша, заинтересованная этимъ страннымъ человѣкомъ.

—Отчего же теперь?.. Оттого, что я не буду нищенствовать—вы вѣдь знаете, конечно, мою бывшую профессію? Но вѣдь тысячи отверженцевъ, заслуживающихъ еще большаго участія, чѣмъ вашъ покорный слуга, по прежнему не возбудятъ ни малѣйшаго участія въ тѣхъ людяхъ, которые могли бы помочь имъ... Исключеніе—не правило. Одна ласточка весны не дѣлаетъ...

„Графъ“ вспомнилъ все то, что онъ видѣлъ и чему научился во время своей скитальческой жизни, и довольный, что можетъ высказаться и излить свою душу передъ человѣкомъ, который его поймётъ, продолжалъ, указывая на Антошку:

— Если вотъ этотъ мальчикъ, благодаря случаю, быть можетъ, спасенъ отъ нищеты, тюрьмы и преступленія, то развѣ мало гибнетъ такихъ же несчастныхъ, обреченныхъ на все это... О, добрая госпожа докторша, я насмотрѣлся на этихъ жертвъ... Да и вы должны ихъ знать... А они, эти господа, отдѣлываются грошовой филантропіей да пріютами и больше для удовлетворенія тщеславія... Да... какъ вамъ ни покажется страннымъ, а я, отставной штабсъ-ротмистръ Опольевъ, терпѣть не могу то самое общество, которое само меня погубило и первое же отшатнулось отъ меня... И если бы мнѣ сказали: живи между ними опять, я не пойду... Чортъ съ ними!.. Однако, извините, госпожа докторша, я рѣшительно дѣлаюсь болтуномъ, пользуясь вашей снисходительностью, — оборвалъ Опольевъ.

И хотя докторша и говорила, что у нея есть

время и что ей очень пріятно поговорить, но Опольевъ замолкъ.

Прощаясь, докторша снова повторила, что надо беречься.

— И не одной простуды!—значительно прибавила она.

— А чего же еще?

— Всякихъ излишествъ. Напримѣръ, пить вамъ безусловно нельзя...

— Я съ этимъ покончилъ!—промолвилъ графъ.

— И отлично...

— А мнѣ можно выходить?

— Только не сегодня, а когда будетъ лучше день... Прощайте... Отъ души желаю вамъ всего хорошаго...

— Прощайте... Спасибо вамъ за все, за все...

— Прощайте, Антоша.

Когда докторша ушла, Антошка проговорилъ:

— Вотъ и жидовка, а какая хорошая!..

— А ты думаешь, что жиды должны быть не хорошіе?..

— А то какъ же? Извѣстно, жиды... Всѣ ихъ ругаютъ.

— Между всѣми людьми есть, братъ, и хорошіе, и дурные люди... А если жидовъ всѣ ругаютъ, то изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Люди часто бываютъ несправедливы и злы... Вотъ и меня всѣ ругаютъ, а развѣ я ужъ такой дурной?

— Что вы, Александръ Иванычъ...

— Ну, вотъ, видишь ли. И знаешь еще что, Антошка? Ты всегда своимъ умомъ смекай, а не повторяй того, что говорятъ другіе!

Дня черезъ три погода выдалась хорошая.

Стояло ясное морозное утро и послѣ чая „графъ“ съ Антошкой отправились за покупками.

— Вы насъ не ждите къ обѣду, Анисья Ивановна. Мы сегодня съ Антошкой кутить будемъ!— весело проговорилъ „графъ“.

Они сѣли въ сани и скоро доѣхали до Маріинской линіи, гдѣ Опольевъ разсчитывалъ купить теплое пальто. Оно было тотчасъ же куплено, это давно желанное пальто на какомъ-то мѣху съ барашковымъ воротникомъ. Оно имѣло вполнѣ приличный видъ и грѣло отлично. Выйдя изъ лавки въ пальто и барашковой шапкѣ, „графъ“, не смотря на морозъ, чувствовалъ пріятную теплоту и испытывалъ счастливое состояніе удовлетворенности. Послѣ пятнадцати лѣтъ у него, наконецъ, теплая одежда! Онъ радовался, какъ ребенокъ, и весело говорилъ Антошкѣ:

— Да, братъ... Славная это штука мѣховое пальто...

— Прекрасное у васъ пальто, Александръ Иванычъ.

— Ты находишь?

— Очень даже нахожу.

— И я нахожу, что недурное и грѣетъ отлично.

Вслѣдъ затѣмъ были куплены и надѣты новая пара платья, сапоги, теплыя калоши и перчатки. Теперь „графъ“ былъ рѣшительно неузнаваемъ и глядѣлъ совсѣмъ бариномъ. И походка у него стала будто тверже и увѣреннѣе, и станъ выпрямился... Антошка только глядѣлъ и восхищался.

— И какой же вы важный теперь стали, Александръ Иванычъ!—говорилъ Антошка.

Они зашли въ парикмахерскую. „Графъ“ велѣлъ

подстричь себѣ волосы и бороду и вышелъ оттуда значительно помолодѣвшимъ.

— Ну теперь пойдемъ завтракать, Антошка...

Они зашли въ ресторанъ. Лакеи предупредительно спрашивали „графа“, что онъ прикажетъ.

— Видишь, Антошка, что значитъ платье,— усмѣхнулся „графъ“, заказавъ завтракъ,—зайди я въ прежнемъ платьѣ, такъ, пожалуй, и не пустили бы, а теперь. . юлятъ, подлецы...

„Графъ“ выпилъ рюмку водки, потомъ другую и хотѣлъ, было, выпить третью, какъ Антошка робко замѣтилъ:

— Не вредно ли вамъ будетъ, Александръ Иванычъ?

„Графъ“ нѣсколько смутился и сказалъ:

— Ты правъ, Антошка... Спасибо... И впредь останавливай меня... Лучше спросимъ полбутылки краснаго вина... Это будетъ полезно... И ты можешь выпить немного... Человѣкъ! Полбутылки бордо... Да подогрѣйте, пожалуйста!—обратился „графъ“ къ лакею.

Заигралъ органъ, и Антошка пришелъ окончательно въ восхищеніе и отъ вкуснаго завтрака, и отъ полустакана вина, и отъ музыки, и оттого, что его покровитель такой представительный въ своемъ новомъ платьѣ, такой веселый и довольный...

Послѣ завтрака они отправились снова въ лавки и вернулись домой только въ четвертомъ часу съ огромной корзиной, полной всякаго добра. А дома уже принесены были двѣ желѣзныя кровати съ мягкими матрацами.

— Ну вотъ и мы!—весело говорилъ „графъ“ встрѣтившей ихъ Анисьѣ Ивановнѣ.

— Съ покупками, Александръ Иванычъ! И какой же вы, можно сказать, нарядный, Александръ Иванычъ!—воскликнула хозяйка, когда разглядѣла при свѣтѣ лампы костюмъ Опольева.

Теперь эта комнатка показалась Опольеву еще мрачнѣе и тѣснѣе.

— А вотъ и вамъ позвольте поднести, Анисья Ивановна!—проговорилъ „графъ“, подавая квартирной хозяйкѣ штучку шерстяной матеріи.

— Ахъ, что вы! Зачѣмъ такое дорогое!—говорила тронутая подаркомъ Анисья Ивановна, разсыпаясь въ благодарностяхъ.

— Полноте, Анисья Ивановна... И шелковое купилъ бы, еслибъ могъ... Да вотъ бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ... Ну-съ, обмундировались мы вполнѣ съ Антошкой... И платья, и бѣлья, всего накупили... Не угодно ли взглянуть, хорошо ли бѣлье... Вы толкъ въ бѣльѣ понимаете?

Открыли корзину, и Анисья Ивановна одобрила бѣлье... Все было очень хорошо, и всего было довольно для обоихъ.

— Что, много вы истратили денегъ-то?—полюбопытствовала Анисья Ивановна...

— Сто съ чѣмъ-то... Еще на запасъ осталось... Кое-что еще надо купить... Тамъ видно будетъ на новой квартирѣ... Ну, а теперь самоварчикъ, да пожалуйте къ намъ чай пить, Анисья Ивановна...

На слѣдующее утро, въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова была пріискана свѣтлая, довольно приличная комната отъ жильцовъ, вдовы старухи чиновницы съ дочерью и съ сыномъ технологомъ-студентомъ, и въ тотъ же день, послѣ

горячаго прощанія съ Анисьей Ивановной, прежніе ея жильцы отправились на новую квартиру...

Когда они ѣхали по Васильевскому острову, Антошка вдругъ дернулъ „графа“ за рукавъ, указывая на вереницу дѣвочекъ, которыя выходили попарно изъ подъѣзда.

— Александръ Иванычъ! Анютка!—радостно воскликнулъ Антошка.—Какъ она попала сюда?.. Что это за дѣвочки?

— Онѣ въ пріютѣ, куда и тебя хотѣла помѣстить княгиня.

— А Анютку можно увидать... Можно къ ней прійти?

— Я думаю, можно... Мы навѣстимъ ее...

— То-то... Каково-то живется Анюткѣ?..

— А вотъ разспросимъ... И снесемъ ей чего-нибудь...

— Это хорошо... А то кормятъ, поди, не очень!—замѣтилъ Антошка, питавшій къ пріютамъ, благодаря княгинѣ, сильную ненависть.

Къ вечеру жильцы устроились на новой квартирѣ и рано легли спать. Эти мягкіе матрацы, чистое бѣлье, теплыя новыя одѣяла, этотъ уютъ и теплота комнаты—все это казалось прежнимъ горемыкамъ чѣмъ-то необыкновенно хорошимъ и пріятнымъ, какимъ-то земнымъ раемъ.

Оба они заснули съ радостными мыслями о предстоящей имъ новой жизни.

XXX.

Нѣсколько мѣсяцевъ пролетѣло для „графа“ и Антошки совсѣмъ незамѣтно.

Послѣ многихъ лѣтъ „собачьяго“ существованія,

полнаго лишеній, бродяжничества и всякихъ неожиданностей, имъ обоимъ было особенно пріятно нѣсколько монотонное однообразіе регулярной жизни людей, болѣе или менѣе обезпеченныхъ, не заботящихся о завтрашнемъ днѣ.

И какое счастье испытывали оба эти горемыки, живя по-человѣчески, въ теплой, свѣтлой, опрятной комнатѣ, одѣтые въ приличный костюмъ, обутые, умытые, въ чистомъ бѣльѣ, не чувствующіе себя какими-то отверженцами.

Теперь они никого не боялись.

Теперь имъ не для чего было выходить на работу, за добычей, не всегда вѣрной и обезпечивающей обѣдъ, незачѣмъ было зябнуть на холодѣ или мокнуть на дождѣ въ отрепьяхъ, выслѣживая сердобольныхъ или подгулявшихъ людей.

Все это казалось имъ давно прошедшимъ, хотя ни „графъ“, ни Антошка не забывали его и при случаѣ вспоминали о немъ.

Теперь, благодаря счастливой случайности—доброй дѣвушкѣ, встрѣтившейся на ихъ тернистомъ пути—они ежедневно, и даже въ опредѣленные часы, пили чай со свѣжими булками, не разсчитывая, хватитъ ли куска сахара на нѣсколько стакановъ, и обѣдали настоящимъ образомъ: не объѣдками и отбросами закусочныхъ, а получали отъ квартирной хозяйки—видимо порядочной женщины—два сытныхъ блюда, приготовленныхъ изъ свѣжей провизіи.

И съ какимъ удовольствіемъ и графъ и Антошка ѣли эти обѣды.

Антошка считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ и давно простилъ и „дяденьку“, и „рыжую вѣдьму“ послѣ того, какъ „графъ“ объ-

яснилъ какъ-то ему, почему на свѣтѣ существуютъ и „дяденьки“, и „рыжія вѣдьмы“. Настоящее было очень хорошо, но будущее представлялось еще свѣтлѣе и лучезарнѣе и, конечно, нераздѣльнымъ съ „графомъ“, преданность къ которому благодарнаго мальчика не знала границъ. Онъ нерѣдко мечталъ о томъ времени, какъ онъ обучится всему, чему нужно, и будетъ зарабатывать хорошія деньги. То-то они заживутъ тогда вдвоемъ, не нуждаясь болѣе ни въ чьей помощи!

И Антошка нерѣдко открывалъ свои мечты „графу“. И „графъ“, слушая болтовню мальчика, тихо улыбался и, казалось, тоже вѣрилъ этимъ мечтамъ. Ему такъ хотѣлось имъ вѣрить!

Тѣ тридцать пять рублей, которые каждое первое число привозила дядѣ племянница, казались и „графу“, и, разумѣется, Антошкѣ едва ли не бо́льшимъ состояніемъ, чѣмъ Ротшильду его милліоны, и бывшій мотъ, спустившій въ молодости цѣлое состояніе, теперь обнаруживалъ такое умѣнье справляться съ бюджетомъ и былъ столь бережливъ и аккуратенъ, что его талантамъ могъ бы позавидовать любой министръ финансовъ.

Получаемыхъ денегъ хватало не только на все необходимое для обоихъ, но даже для нѣкоторыхъ предметовъ роскоши—на рюмку, одну только рюмку, водки передъ обѣдомъ, на покупку дешеваго табаку, вчерашней газеты и, по праздникамъ, лакомствъ для Антошки и Анютки, которую они навѣщали въ пріютѣ.

Кромѣ опредѣленной ренты, у предусмотрительнаго „графа“ былъ еще и запасный капиталъ въ пятьдесятъ рублей, отложенныхъ изъ денегъ, по-

лученныхъ на обзаведеніе, который предназначался на экстренные расходы и въ то же время былъ подспорьемъ на черный день. Мало ли что могло случиться?

Подобная бережливость „графа“ объяснялась, главнымъ образомъ, его воздержаніемъ отъ спиртныхъ напитковъ. Сознаніе принятыхъ имъ на себя обязанностей относительно горячо имъ любимаго мальчика заставило его обратить серьезное вниманіе на предостереженіе докторовъ, и онъ рѣшительно пересталъ пить и только позволялъ себѣ одну рюмку передъ обѣдомъ.

О, какъ ему хотѣлось теперь жить, какъ хотѣлось поднять на ноги своего любимца, и какъ онъ внимательно сталъ теперь относиться къ своему здоровью, чтобъ быть полезнымъ Антошкѣ.

И какъ онъ былъ благодаренъ Нинѣ, которая явилась доброй феей подъ конецъ его горемычной жизни!

Когда она навѣщала его, онъ былъ несказанно радъ и словно бы гордился тѣмъ, что вѣра молодой дѣвушки въ него не только не поколебалась, но, напротивъ, крѣпла. Она могла окончательно убѣдиться, что онъ не пропавшій человѣкъ и не пропиваетъ ея денегъ. И Нина дѣйствительно привязалась къ дядѣ, случалось, просиживала у него болѣе часа, и мнѣнія дяди находили болѣе отклика въ ея сердцѣ, чѣмъ мнѣнія ея отца.

Нина уѣзжала отъ дяди еще болѣе душевно смятенная подъ впечатлѣніемъ его озлобленныхъ и страстныхъ рѣчей, въ которыхъ она скорѣе чувствовала, чѣмъ понимала, долю истины. И жизнь дома казалась ей еще болѣе безсодержательною. Даже

и усердная дѣятельность въ Обществѣ „Помогай ближнему!“ не удовлетворяла ее, особенно послѣ разсказовъ дяди о томъ, какъ обманываютъ благотворительныхъ дамъ и какіе люди въ большинствѣ случаевъ пользуются ихъ помощью.

А „графъ“, провожая свою гостью, горячо цѣловалъ ее и благодарилъ ее за то, что она навѣстила, и за деньги.

Съ тѣхъ поръ, какъ „графъ“ зажилъ въ благополучіи, онъ съ особенною ретивостью предался педагогической дѣятельности, имѣя въ Антошкѣ весьма способнаго ученика. Ему непремѣнно хотѣлось, чтобы Антошка поступилъ въ какую-нибудь ремесленную школу и имѣлъ бы въ будущемъ вѣрный кусокъ хлѣба. О выборѣ такой школы ужъ онъ совѣтывался съ студентомъ-технологомъ, сыномъ квартирной хозяйки, и рѣшено было, что къ осени Антошка поступитъ въ школу при одномъ изъ заводовъ на Васильевскомъ островѣ. Нужно было только подготовить мальчика надлежащимъ образомъ.

Каждое утро послѣ чая и послѣ внимательнаго прочтенія вчерашней газеты, „графъ“ занимался съ Антошкой два часа, послѣ которыхъ учитель, повидимому, утомлялся гораздо болѣе, чѣмъ ученикъ. Антошка читалъ вслухъ, писалъ съ прописи и подъ диктовку. „Графъ“ поправлялъ чтеніе и—чтобы показать, какъ надо выразительно читать—самъ прочитывалъ иногда страничку-другую хрестоматіи, пріобрѣтенной для Антошки въ числѣ другихъ учебныхъ пособій. Читалъ „графъ“ недурно, и Антошка заслушивался, какъ складно выходили у „графа“ басни. Но за то при исправленіяхъ диктовки учи-

тель, повидимому, не особенно довѣрялъ себѣ и постоянно справлялся съ книгой, причемъ не умѣлъ удовлетворять любознательности ученика, когда тотъ задавалъ вопросы: почему надо писать, напримѣръ, „того“, а не „тово“.

— Такъ, братецъ, слѣдуетъ писать, а я и самъ не знаю почему! — добросовѣстно признавался „графъ“.

— Развѣ васъ этому не обучали?—удивился Антошка, полагавшій, что „графъ“ долженъ все знать.

— Навѣрно обучали, да я забылъ. Послѣ тебѣ объяснятъ въ школѣ, а пока запоминай, какъ въ книгѣ написано. Такъ и пиши.

„Графъ“, впрочемъ, купилъ грамматику и проштудировалъ ее, послѣ чего ужъ могъ давать нѣкоторыя объясненія, хотя далеко не на всѣ вопросы любознательнаго Антошки.

Тѣмъ не менѣе онъ дѣлалъ большіе успѣхи: читалъ весьма недурно и писалъ довольно красиво, и ошибки его не особенно рѣзали глазъ. И „графъ“ не разъ выражалъ одобреніе, чѣмъ доставлялъ Антошкѣ большое удовольствіе. Внѣ классныхъ занятій Антошка просто таки пожиралъ книги, которыя ему покупалъ „графъ“, руководствуясь въ выборѣ указаніями студента и его сестры. Такимъ образомъ Антошкой были прочитаны многія изданія „Посредника“ и „Комитета Грамотности“ и затѣмъ онъ читалъ все, что попадалось ему подъ руку: и газеты, и книжки, которыя одолживались „графу“ съ хозяйской половины.

Хотя и далеко не систематическое, но чтеніе это вмѣстѣ съ бесѣдами „графа“ быстро развивали смышленнаго Антошку, уже хорошо подготовленнаго

раннимъ знакомствомъ съ жизнью и съ людьми, благодаря прежнимъ его профессіямъ—нищенки и торговца спичками, и онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе „всѣму научиться“.

Увы! Въ ариѳметикѣ Александръ Ивановичъ былъ еще менѣе силенъ, чѣмъ въ грамматикѣ, и напрасно онъ усердно прочитывалъ учебникъ. Онъ сознавалъ, что понимаетъ въ немъ очень мало, и это весьма огорчало его, тѣмъ болѣе, что Антошка обладалъ блестящими математическими способностями и умѣлъ дѣлать всѣ четыре правила куда лучше своего учителя.

Но въ этихъ затрудненіяхъ „графу“ совершенно неожиданно помогъ молодой студентъ-технологъ.

Его комната была рядомъ съ комнатою жильцовъ и до него иногда долетали и философскія бесѣды, и ариѳметическія объясненія учителя. Онъ сильно заинтересовался и этимъ оригинальнымъ „бариномъ-демократомъ“, и его сожителемъ, вопросы котораго во время уроковъ ставили нерѣдко въ тупикъ учителя, и вообще ихъ отшельнической жизнью и взаимной привязанностью.

Кто они? Что ихъ связало?—объ этомъ никто изъ семьи не зналъ. И старый баринъ, и его мальчикъ рѣдко показывались, держали себя необыкновенно скромно и тихо, и выходили со двора почти всегда вмѣстѣ. Молодая горничная Агаша, прислуживавшая жильцамъ и носившая имъ обѣдъ въ комнату, не могла нахвалиться ими, особенно старымъ бариномъ.

Такой ласковый, никогда безъ нужды не побезпокоитъ, никуда не пошлетъ — не то, что прежніе жильцы.

— А этотъ мальчикъ должно быть сынъ его! — докладывала Агаша свои предположенія барынѣ, пожилой, когда-то красивой женщинѣ, съ сбитымъ на бокъ чепцомъ, вѣчно занятой то на кухнѣ, то чинившей бѣлье, то убиравшей комнаты.

— Совсѣмъ онъ не похожъ на него, Агаша. Вѣрно, пріемышъ!—отвѣчала госпожа Никифорова и прибавила:—а, впрочемъ, Богъ ихъ знаетъ! Жильцы они тихіе, спокойные, и слава Богу! А до остального намъ дѣла нѣтъ.

Прошелъ мѣсяцъ послѣ переѣзда жильцовъ, и молодой студентъ, сухощавый блондинъ съ серьезнымъ лицомъ и вихрастой головой, встрѣтивъ однажды Опольева въ корридорѣ, подошелъ къ нему и, поклонившись, проговорилъ молодымъ баскомъ:

— Студентъ Никифоровъ.

— Опольевъ! Очень пріятно!—любезно отвѣчалъ Александръ Ивановичъ, протягивая руку.

— Вамъ, кажется, нѣсколько затруднительно заниматься математикой съ вашимъ сожителемъ? — продолжалъ студентъ нѣсколько рѣзкимъ, умышленно грубоватымъ тономъ.

— И даже очень, молодой человѣкъ!—нѣсколько сконфуженно проговорилъ „графъ“...—А вы почему это догадались?—прибавилъ онъ.

— За стѣной слышно...

— Быть можетъ, мы вамъ мѣшаемъ?

— Я не къ тому... Я, видите ли, готовъ избавить васъ отъ этихъ уроковъ и позаняться съ мальчикомъ... Онъ очень способный...

Видимо обрадованный и нѣсколько удивленный такимъ предложеніемъ, „графъ“, однако, поспѣшилъ отвѣтить:

— Премного вамъ благодаренъ, г. Никифоровъ, но я долженъ предупредить васъ, что, къ сожалѣнію, я не въ состояніи заплатить вамъ настоящей платы за уроки... Такъ, если небольшую плату...

— Да мнѣ никакой платы не нужно... Съ чего это вы взяли?—перебилъ студентъ и сконфуженно покраснѣлъ.

— То есть, почему же не нужно?

— А такъ, не нужно, вотъ и все. Въ противномъ случаѣ, развѣ сталъ бы я навязываться...

— Но позвольте, молодой человѣкъ; у васъ время дорого, я знаю. За что же вы будете терять его даромъ?

— Это ужъ мое дѣло.

— И, позволю себѣ замѣтить, вы вѣдь, кажется, и сами не очень-то богаты?

— И вовсе даже не богатъ!—разсмѣялся студентъ, и лицо его при смѣхѣ сдѣлалось необыкновенно добродушнымъ.

— Потому-то вы, вѣроятно, и предлагаете учить моего Антошку gratis?—усмѣхнулся, въ свою очередь, и Опольевъ.

— Потому ли, или не потому, не все ли вамъ равно? Слѣдовательно, и говорить объ этомъ нечего. Не такъ ли, Александръ Иванычъ?

— Пожалуй, что и такъ!—протянулъ, улыбаясь, „графъ“.—А ваше имя и отчество?—освѣдомился онъ.

— Николай Алексѣичъ.

— И я, Николай Алексѣичъ, могу только поблагодарить васъ!—горячо проговорилъ Опольевъ, пожимая руку студента.—Вы это очень деликатно дѣлаете доброе дѣло... Спасибо вамъ за Антошку...

— Не за что благодарить!—отвѣтилъ студентъ,

нѣсколько удивленный порывистостью и сердечностью тона этого „барина-демократа“. — Самое обыкновенное дѣло! Такъ съ завтрашняго дня мы начнемъ заниматься съ вашимъ Антошкой... Ежедневно одинъ часъ послѣ обѣда у меня свободенъ .. Посылайте его ко мнѣ... А затѣмъ до свиданья... Спѣшу на урокъ...

И съ этими словами студентъ крѣпко пожалъ руку Опольева и, кивнувъ вихрастой головой, хотѣлъ, было, уходить, какъ внезапно спросилъ:

— Надѣюсь, вамъ не родственникъ этотъ извѣстный Опольевъ?

— Этотъ прохвостъ мой родной братецъ.

Студентъ издалъ восклицаніе не то удивленія, не то сожалѣнія.

— Но только я съ нимъ вовсе незнакомъ... Я, видите ли... А впрочемъ, не смѣю васъ задерживать... Когда-нибудь я сообщу вамъ біографическія данныя о своей особѣ, чтобы вы знали, съ кѣмъ имѣете дѣло!—прибавилъ „графъ“, дѣлая студенту прощальный жестъ рукой.

Вернувшись въ свою комнату, Опольевъ весело воскликнулъ, обращаясь къ Антошкѣ:

— Ну, братъ, тебѣ рѣшительно везетъ!.. У тебя будетъ настоящій учитель. Онъ тебя обучитъ ариѳметикѣ по настоящему, не то, что я...

— Кто это?

— А сынъ хозяйки... студентъ.. Даромъ предложилъ учить; говоритъ, что ты способный мальчикъ... Слышалъ за стѣной, какъ мы съ тобой занимались... Смотри, Антоша, старайся!

— Еще какъ буду стараться, Александръ Иванычъ!

— А добрый этотъ технологъ, хотя и смотритъ букой и напускаетъ на себя серьезность. Не то, что эти нынѣшніе университетскіе студенты, особенно франты... Никто изъ нихъ никогда не одалживалъ мнѣ ни одной монетки... Я это хорошо помню. Еще издѣваются. „Мы, молъ, сами у васъ бы заняли!“ или, бывало, говорятъ: „Если есть сдачи со сторублевой, то получите пятачекъ взаймы!..“ Однимъ словомъ, совсѣмъ готовые молодые мерзавцы...

— И у меня, Александръ Иванычъ, рѣдко, рѣдко, когда студентъ покупалъ бумаги или конвертовъ... Развѣ какой-нибудь бѣдно одѣтый студентъ...

— А вотъ этотъ, сейчасъ видно, человѣкъ... И вся семья ихъ, кажется, добрая...

— То-то и мнѣ сдается, что они добрые... И хозяйка сама, и барышня... Третьяго дня я встрѣтилъ хозяйку въ колидорѣ...

— Въ корридорѣ, Антоша!—поправилъ „графъ“.

— Встрѣтилъ, говорю, въ корридорѣ, а она такъ ласково посмотрѣла на меня и спрашиваетъ: что, молъ, доволенъ, мальчикъ, моей стряпней?.. Не бойсь, злая какая такъ бы не смотрѣла и не спросила бы...

— Умозаключеніе вполнѣ правильное!—протянулъ, улыбаясь, графъ.—Что жъ ты отвѣтилъ?

— Отвѣтилъ, что очень даже довольны пищей и вообще всѣмъ... „Ну я, говоритъ, очень рада!“— А барышня такъ разъ даже спрашивала: отчего я такой маленькій и здоровъ ли я... Тоже ласковая... Куда только это она каждое утро съ книжками изъ дому уходитъ...

— На высшіе курсы... Такое, братецъ, заведеніе

есть для барышень, вродѣ университета. Окончатъ онѣ ученье въ гимназіи и потомъ, если пожелаютъ, могутъ на курсы... Тамъ еще больше научатся...

— Ишь ты! И зачѣмъ имъ столько учиться, барышнямъ?—полюбопытствовалъ Антошка.

— Тоже и барышнѣ иной разъ нужно себѣ достать кусокъ хлѣба... Не вышла замужъ, смотришь, и не пропала: пошла въ учительницы или въ гувернантки. Ту, которая больше знаетъ, скорѣе возьмутъ на мѣсто.

— Значитъ, изъ небогатыхъ... Наши хозяева тоже небогатые?..

— Небогатые. Всѣ они въ трудахъ живутъ... И братъ, и сестра учатся, да еще уроки даютъ... да, мать, вѣрно, получаетъ какой-нибудь пенсіонъ за службу мужа... Такъ и живутъ, одинъ другому помогаютъ.

Вскорѣ и „графъ“, и Антошка, благодаря посредству студента, которому „графъ“ счелъ нужнымъ сообщить нѣкоторыя біографическія подробности о себѣ и объ Антошкѣ, познакомились съ семьей Никифоровыхъ. Вся семья отнеслась къ жильцамъ очень тепло и участливо. Подъ конецъ третьяго мѣсяца жильцы ужъ обѣдали вмѣстѣ съ хозяевами и, случалось, по приглашенію, заходили пить чай. Эта семейная обстановка необыкновенно пріятно дѣйствовала на прежнихъ бродягъ, тѣмъ болѣе, что семья Никифоровыхъ была дружная, хорошая семья, всѣ члены которой бодро и стойко несли тяготу жизни, стараясь помочь другъ другу.

И сама хозяйка, эта милая хлопотунья Анна Васильевна, обожавшая своихъ дѣтей, всегда за какой-нибудь работой, всегда добродушная и весе-

лая, не смотря на заботы, какъ-то съумѣвшая послѣ смерти мужа поднять дѣтей, испытывая лишенія и урѣзывая себя до послѣдней крайности, и ея дочь Вѣра, кончавшая курсъ и въ то же время бравшая, ради заработка, работу,—красивая, стройная брюнетка лѣтъ двадцати шести, съ строгими чертами нѣсколько трагическаго лица, необыкновенно добрая, не смотря на свой, повидимому, строгій и холодный видъ, и студентъ Николай, вихрастый и не особенно красивый, близорукій блондинъ въ очкахъ, признающій одну науку и больше ничего— всѣ они, ближе ознакомившись съ жильцами и узнавши отъ Антошки, что сдѣлалъ для него этотъ „графъ", отнеслись къ нимъ съ сердечностью добрыхъ людей, понимающихъ нужду, и считали ихъ какъ бы своими. А студентъ просто-таки былъ въ восторгѣ отъ своего ученика—до того Антошка поразилъ его своею понятливостью и быстротой математическаго соображенія.

И какъ былъ доволенъ старый бродяга „графъ", проводя вечера среди этой честной, работящей семьи, въ которой—онъ это чувствовалъ—никто не ставилъ въ вину его прошлаго. Въ этой маленькой комнатѣ, служившей и гостиной, и столовой, за круглымъ столомъ, на которомъ тихо напѣвалъ свою пѣсенку самоваръ, онъ, случалось, велъ споры со студентомъ и философствовалъ, вызывая удивленіе своими необыкновенно мѣткими сужденіями, выработанными тяжелой жизнью.

И, возвращаясь съ Антошкой отъ хозяевъ, „графъ" нерѣдко говорилъ:

— Ты мнѣ счастье принесъ, Антошка... Не будь тебя, не видать бы мнѣ, мой другъ, такихъ

хорошихъ дней... Молчи... Я вѣрно говорю!— смѣясь, прибавлялъ онъ, видя, что Антошка хочетъ протестовать противъ такого утвержденія.

И, съ удовольствіемъ потягиваясь на мягкой постели, иногда произносилъ въ видѣ сентенціи:

— Да, есть-таки хорошіе люди на свѣтѣ!

И какъ бы для большаго убѣжденія стараго, озлобленнаго скептика, что дѣйствительно есть добрые люди, однажды Вѣра Алексѣевна предложила ему работу.

Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Мнѣ? Работу? Что жъ я съумѣю сдѣлать?— какъ-то безпомощно произнесъ Опольевъ съ грустной усмѣшкой.

— Отлично съумѣете, я увѣрена. Работа не трудная, но только кропотливая. Надо переписывать статистическія таблицы. Хотите попробовать, Александръ Иванычъ?

— Еще бы не хотѣть!

О, эта дѣвушка отлично понимала психологію человѣческой души и знала, какъ пріободрить и поднять бывшаго пропойцу и нищаго въ его собственныхъ глазахъ.

— Но какъ же вы сами, Вѣра Алексѣевна? Хотите лишить себя работы, чтобъ дать мнѣ?— спрашивалъ „графъ“, стараясь подъ шутливымъ тономъ скрыть свое волненіе.

— И не думаю. Мнѣ даютъ этой работы, сколько угодно.

— Въ такомъ случаѣ, я попробую на старости лѣтъ что-нибудь заработать...

И „графъ“ на другой же день засѣлъ за работу, кажется, въ первый разъ во все время своей жизни.

И какъ же онъ работалъ. Съ какимъ благоговѣйнымъ усердіемъ. Это была не работа, а какое-то священнодѣйствіе.

Черезъ нѣсколько дней онъ переписалъ нѣсколько листовъ, и когда Вѣра Алексѣевна, провѣривъ его работу, нашла ее превосходной, „графъ“ радовался, какъ малый ребенокъ.

Десять или пятнадцать рублей заработка у него были обезпечены, пока ему служили глаза, и не очень дрожали руки.

Могъ ли „графъ“ когда-нибудь думать, что и онъ на что-нибудь годенъ?!

И это сознаніе, что онъ не совсѣмъ безпомощенъ, значительно подбодрило его, и онъ говорилъ Антошкѣ:

— Вотъ, братъ, у насъ и непредвидѣнный доходъ будетъ. Вѣдь это недурно, а?

— Очень даже хорошо, Александръ Иванычъ, но только...

— Что только?

— Очень ужъ вы утомляете себя за этими таблицами... Вы бы поменьше ихъ переписывали, Александръ Иванычъ. А то не долго и заболѣть!

— Вотъ вздоръ! Вовсе не утомляюсь... Напротивъ, теперь я чувствую себя куда здоровѣе, чѣмъ прежде!—храбрился „графъ“.

XXXI.

Май стоялъ замѣчательно теплый.

Въ одно изъ воскресеній, въ концѣ мѣсяца, графъ и Антошка, оба одѣтые по праздничному, въ довольно приличныхъ костюмахъ, послѣ вкуснаго пи-

рога, шли въ пріютъ Общества „Помогай ближнему!“ навѣстить Анютку. Въ корзинѣ, которую несъ Антошка, были: большой кусокъ пирога, полфунта колбасы и коробка леденцовъ.

Они поднялись въ хорошо знакомую имъ небольшую пріемную со скамьями около стѣнъ. Тамъ ужъ сидѣли по кучкамъ посѣтители—преимущественно женщины плохо одѣтыя—вмѣстѣ съ дѣвочками, которыхъ онѣ навѣщали.

И отъ этой пріемной, чистой, аккуратно выметенной, и отъ этой, словно проглотившей аршинъ, надзирательницы, и отъ этихъ пріютскихъ дѣвочекъ, словно бы похожихъ одна на другую, благодаря казеннымъ темнымъ платьицамъ и чепчикамъ на головахъ, — вѣяло чѣмъ-то мертвящимъ... Все здѣсь напоминало не то казарму, не то хорошо устроенное тюремное заключеніе, а эти дѣвочки—хорошо выдрессированныхъ куколокъ съ лицами, по большей части блѣдными, въ выраженіи которыхъ было что-то приниженно-лицемѣрное и въ то же время нѣсколько торжественно-праздничное. Не слышно было ни громкаго разговора, ни веселаго смѣха, точно это сидѣли не дѣти, полныя жизни, а какія-то крошки-монашки, приговоренныя Обществомъ „Помогай ближнему!“ къ неустанному покаянію, вѣроятно, за то, что онѣ имѣли счастье пользоваться милостями благотворительницъ, во главѣ которыхъ стояла непреклонная княгиня Марія Николаевна Моравская, обладавшая замѣчательными способностями накладывать печать казенщины и формализма на подвѣдомственныя ей благотворительныя учрежденія, которыя она считала, конечно, образцовыми.

Послѣ добрыхъ пяти минутъ ожиданія, „къ графу“ и Антошкѣ подошла тихими, равномѣрными шажками, маленькая дѣвочка, чинная, тихая, съ опущенными внизъ глазами, совсѣмъ не похожая на ту востроглазую шуструю Анютку, которая прежде съ особенной назойливостью приставала на улицахъ къ „миленькимъ барынькамъ“ и „добрымъ баринамъ“, выпрашивая копѣечку для „голодной маменьки“, и строила недобрымъ прохожимъ, гонявшимъ ее прочь, самыя оскорбительныя гримасы, а подчасъ и запускала ругательныя словечки, попрыгивая отъ холода на одной ножкѣ.

Княгиня Моравская могла гордиться: разница между прежней Анюткой и этой степенной дѣвочкой была такая же разительная, какъ между живымъ существомъ и мертвецомъ.

— Здравствуй, Анюта,—промолвилъ „графъ“.

— Здорово, Анютка!—привѣтствовалъ Антошка свою старую пріятельницу, которой онъ всегда покровительствовалъ во время пребыванія у „дяденьки“.

— Здравствуйте, Александръ Иванычъ. Здравствуй, Антоша! — отвѣчала Анютка, дѣлая передъ Опольевымъ книксенъ.

— Ишь какъ тебя выучили! — засмѣялся Антошка.

— Насъ всему учатъ!—степенно замѣтила Анютка.

— То-то и видно... Совсѣмъ ты вродѣ ученой обезьяны стала, Анютка! — сочувственно замѣтилъ Антошка.

— Такія слова не хорошо говорить, Антоша. Это только мужики такія слова говорятъ!—нарочно громко проговорила дѣвочка, оглядываясь на

„аршинъ“ въ темномъ платьѣ, сидѣвшій неподалеку.

— Не приставай къ ней, Антошка... У нихъ тутъ этого нельзя!—вступился „графъ“.— Ну, садись около насъ, Анюта... Разсказывай, какъ живешь... Хорошо тебѣ тутъ?.. Да вотъ возьми гостинца.

— Очень хорошо... Благодарю за гостинецъ, Александръ Иванычъ.

— Ой, врешь, Анютка! — проговорилъ Антошка.—Ничего тутъ у васъ нѣтъ хорошаго...

— Зачѣмъ я буду лгать? Лгать грѣшно!.. — выговорила Анютка словно затверженный урокъ и снова посмотрѣла на надзирательницу.

— Да ты не бойся этой рыжемордой, Анютка... Чего ты все на нее смотришь?.. Она не услышитъ...

— Она все слышитъ,—почти шопотомъ произнесла дѣвочка.

— И бьетъ? — такъ же тихо спрашивалъ Антошка.

— У насъ не бьютъ! — съ обиженнымъ видомъ сказала Анютка.

— Не бьютъ?—удивился Антошка. — Значитъ, порятъ.

— И не порятъ.

— А какъ же у васъ наказываютъ?

— Безъ обѣда наказываютъ... Одну въ комнатѣ оставляютъ... Заставляютъ молитвы читать...

— И тебя такъ наказывали?—допрашивалъ Антошка.

— Нѣтъ... я хорошо себя веду; меня рѣдко наказываютъ.

— А кормятъ хорошо? Сыта, по крайней мѣрѣ?—спросилъ „графъ“.

— Хорошо... Только въ постные дни не очень... Только вы объ этомъ никому не говорите, а то достанется!—опять шопотомъ проговорила Анютка.

— Кому жъ я буду говорить, дурочка!—ласково шепнулъ „графъ“ и, поглядѣвъ съ грустной улыбкой на Анютку, прибавилъ:—Ну и дрессируетъ же здѣсь васъ, бѣдненькихъ, моя кузина...

— Какая кузина?

— Да княгиня Моравская.

Анютка широко раскрыла глаза и видимо не повѣрила, чтобы княгиня Моравская могла быть кузиной господину, который за панибрата съ Антошкой.

Однако она промолчала.

— Она часто бываетъ у васъ?

— Часто. Въ недѣлю два раза.

— И вы любите ее?

— Какъ же не любить? Она наша благодѣтельница. Мы за нее каждый день молимся.

— Гм... Похвально... Похвально! Кто же это заставляетъ васъ за нее молиться? — спрашивалъ „графъ“.

— Начальница.

— Эхъ, кузина... кузина! — прошепталъ сквозь зубы „графъ“, и по его губамъ скользнула ироническая улыбка.

„А вѣдь тоже думаетъ, что вырываетъ людей изъ когтей порока!“—пронеслось у него въ головѣ.

Они поговорили еще съ Анюткой съ четверть часа и говорить больше рѣшительно было не о чемъ. И Анютка, видимо успѣвшая заслужить себѣ

реноме благонравной дѣвочки и боявшаяся надзирательницы, не особенно охотно отвѣчала на щекотливые вопросы, а больше бросала украдкой быстрые и жадные взгляды прежней Анютки на корзинку съ гостинцами.

— Ну, прощай, Анюта, — промолвилъ „графъ“, цѣлуя дѣвочку.—Блѣдненькая ты очень... Это нехорошо... Здорова?

— Я, слава Богу, здорова...

— Даже и „слава Богу!.. — усмѣхнулся словно бы про себя „графъ“. Да, скоро тутъ васъ обрабатываютъ... Будь здорова, дѣвочка.

Антошка потрясъ руку Анютки.

Они поднялись и хотѣли, было, уходить, какъ вдругъ двери пріемной стремительно распахнулись, въ нихъ показалась въ форменномъ картузѣ голова испуганнаго швейцара, который громко крикнулъ: „Ея сіятельство!“ и въ то же мгновеніе скрылся.

Сидѣвшій неподвижно „аршинъ“ въ темномъ платьѣ вскочилъ, точно ужаленный, и бросился черезъ пріемную къ выходу, крикнувъ посѣтителямъ „встаньте!“ Какая-то дѣвочка убѣжала за начальницей.

Въ пріемной воцарилась мертвая тишина. Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ.

Только одинъ „графъ“ какъ-то особенно плотно усѣлся на скамейку и заложилъ нога на ногу, расположившись въ самой непринужденной позѣ. Однако онъ былъ видимо взволнованъ предстоявшей встрѣчей съ кузиной—она его встрѣчала на улицѣ года три тому назадъ и могла легко узнать — и нервно оправлялъ волосы и свою сѣдую подстриженную бородку...

— Господинъ! Встаньте... Княгиня сейчасъ идетъ!—кинула ему на ходу пролетѣвшая начальница.

Но „графъ“ продолжалъ сидѣть къ ужасу Анютки и къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ.

Распахнулись двери, и въ пріемной появилась княгиня и тихо пошла, оглядывая въ pince-nez публику и ласково кивая въ отвѣтъ на поклоны посѣтителей и низкіе книксены дѣвочекъ.

И начальница, и „аршинъ“, слѣдовавшіе за княгиней, давно дѣлали знаки „графу“, чтобъ онъ всталъ, но онъ какъ будто не замѣчалъ ихъ и взглядывалъ на княгиню.

„Однако сохранилась. До сихъ поръ и свѣжа, и хороша... Видно, режимъ помогаетъ!“—подумалъ Александръ Ивановичъ.

— Садитесь, прошу васъ, садитесь!—говорила между тѣмъ княгиня своимъ низковатымъ контральтомъ, обращаясь къ посѣтителямъ и останавливаясь около дѣвочекъ, чтобы потрепать ихъ по щечкамъ, далеко не похожимъ на ея румяныя пышныя щеки...— А это къ кому пришелъ этотъ господинъ?—обратилась княгиня къ начальницѣ, замѣтивъ сидящаго посѣтителя.

— Къ Анютѣ Бастрюковой...

— Я и не знала, что ее кто-нибудь навѣщаетъ... Родной?

— Кажется, нѣтъ, княгиня... Этотъ господинъ приходитъ съ мальчикомъ, знакомымъ Анютѣ...

Чуть-чуть шелестя платьемъ, княгиня направилась къ Анюткѣ.

Когда княгиня приблизилась, „графъ“ поднялся.

— Ну, какъ ты поживаешь, Анюта?... Надѣюсь,

хорошо?... И ведешь себя хорошо?—спрашивала княгиня, трепля своею бѣлой пухлой рукой дѣвочку.

— Анюта одна изъ лучшихъ дѣвочекъ... И учится прекрасно.

— Спасибо тебѣ, дѣвочка... Радуешь ты меня...

Княгиня уже давно взглядывала на „графа“ и не узнавала въ этомъ представительномъ, прилично одѣтомъ господинѣ, съ изысканными манерами, того обтрепаннаго нищаго въ порыжѣлой шляпѣ, котораго нѣсколько разъ встрѣчала на улицѣ. Въ чертахъ этого господина, повидимому, бывавшаго въ обществѣ, она припоминала что-то хорошо и близко знакомое когда-то раньше и досадовала, что не могла припомнить.

Взглядъ, нечаяно скользнувшій по Антошкѣ, котораго княгиня сразу узнала, не смотря на его костюмъ, мгновенно напомнилъ ей и прежняго ея поклонника, красавца улана „Шурку“, и несчастнаго отверженца, писавшаго ей письма съ просьбами трехъ рублей. Оба эти лица почему-то слились въ одномъ представленіи.

Она еще разъ взглянула на „графа“, который не спускалъ съ нея своихъ темныхъ, чуть-чуть насмѣшливо улыбающихся глазъ, и послѣ нѣсколькихъ секундъ колебанія, слегка смутившаяся, обратилась къ Опольеву и предусмотрительно на англійскомъ языкѣ, увѣренная, что этого языка никто не пойметъ:

— Я васъ совсѣмъ не узнала. Очень рада встрѣтиться съ вами и видѣть васъ бодрымъ и здоровымъ... Въ послѣднее время я такъ много слышала о васъ отъ Нины!—подчеркнула она и протянула руку.

Въ голосѣ княгини звучала участливая нотка.

— Меня не мудрено не узнать... А васъ я сейчасъ узналъ... Вы такъ мало перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь встрѣчаться съ вами еще тогда... въ обществѣ!—съ рыцарской любезностью отвѣчалъ когда-то свѣтскій Донъ-Жуанъ, почтительно пожимая руку княгинѣ и склоняя свою сѣдую кудрявую голову по всѣмъ правиламъ хорошо воспитаннаго свѣтскаго человѣка прежнихъ временъ.

И по-англійски онъ не разучился говорить.

— Ну и я постарѣла. Годы идутъ и не возвращаются!—промолвила княгиня, чуть-чуть краснѣя.

И словно бы боясь, чтобъ разговоръ не продолжался на интимныя темы, продолжала уже по-русски и нѣсколько дѣловымъ тономъ предсѣдательницы Общества „Помогай ближнему!“

— А вы съ вашимъ питомцемъ навѣщаете мою дѣвочку? Это очень мило съ вашей стороны.

И „графъ“ тотчасъ же понялъ, чего хочетъ княгиня, и отвѣчалъ:

— Старая знакомая моего питомца, княгиня.

— Какъ же... Тогда вѣдь мы всѣхъ бѣдняжекъ освободили, благодаря указаніямъ этого мальчика... А этотъ солдатъ куда-то исчезъ... Посмотрите, какая стала славная дѣвочка эта Анюта, и какъ она полюбила пріютъ. Ты любишь пріютъ, дѣвочка? Говори правду... Не бойся...

— Очень люблю...

— Вотъ видите... А вашъ мальчикъ такъ его боялся... И вы написали мнѣ тогда такое письмо...

— Простите, княгиня, если оно было рѣзко,— снова заговорилъ по-англійски Александръ Ивано-

вичъ,—но вы меня лишали дорогого существа и хотѣли отнять его чуть ли не силою...

— Но для его же пользы...

— Вы думаете, княгиня?..

— Увѣрена.

— А я такъ увѣренъ, что въ вашихъ пріютахъ дрессируютъ будущихъ лицемѣровъ... Взгляните, какъ всѣ эти дѣвочки забиты... Надѣюсь, вы извините свободу чужого мнѣнія? Не правда ли? А затѣмъ позвольте, княгиня, искренно поблагодарить васъ за помощь, которую вы оказывали лично мнѣ, и пожелать вамъ всего лучшаго... Имѣю честь кланяться, княгиня!—прибавилъ „графъ“ по-русски и почтительно склонилъ голову.

— Мы съ вами разныхъ взглядовъ... Дай Богъ и вамъ всего хорошаго, а главное, мира душевнаго и здоровья!

Княгиня протянула руку „графу“, ласково кивнула Антошкѣ и пошла дальше.

Нѣсколько времени „графъ“ и Антошка шли молча по улицѣ.

Наконецъ, Антошка спросилъ:

— По-каковски это вы говорили съ этой княгиней, Александръ Иванычъ?

— По-англійски...

— Должно быть, отчекрыживали ее?

— Положимъ, не „отчекрыживалъ“, какъ ты выражаешься, а кое-что ей сказалъ!—отвѣчалъ, улыбаясь, „графъ“.

— На счетъ пріюта?

— Именно. А почему ты догадался?

— Да какъ же... Совсѣмъ Анютка какая-то глупая стала въ этомъ самомъ пріютѣ... Прежде она не

такая была. Ужъ на что у этого „дяденьки“ били ее, а все тамъ она когда и веселая была... А здѣсь—порченая какая-то... Видно, что эти самыя княгини да графини только людей портятъ...

— Ты, братъ, правъ... Портятъ... Но только думаютъ, что спасаютъ...

— Глупыя онѣ, что ли?

— Нѣтъ, Антошка... Онѣ и не глупыя иногда, и бываютъ добрыя, но сами тоже порченыя, какъ ты говоришь. . Ну, куда же мы пойдемъ сегодня съ тобой?—круто перемѣнилъ „графъ“ разговоръ.— На набережную смотрѣть пароходы или отправимся на острова?.. День-то чудесный...

— На острова бы не дурно... Только какъ бы вы не устали, Александръ Иванычъ...

— Слава Богу, не мало хаживалъ... Идемъ на острова. А оттуда можно и на пароходѣ. На-дняхъ за статистику получу деньги!—не безъ гордости прибавилъ „графъ“.

Часа черезъ полтора они уже сидѣли на скамейкѣ на Елагиномъ островѣ и мирно бесѣдовали, наслаждаясь чуднымъ свѣжимъ воздухомъ. По временамъ проѣзжали экипажи, и оба они смотрѣли на разряженныхъ въ яркихъ лѣтнихъ платьяхъ дамъ и на изящныхъ кавалеровъ.

Антошка разспрашивалъ „графа“, кто это такіе: князья или графы, или просто обыкновенные господа.

— А вонъ, смотрите, Александръ Иванычъ... Одинъ господинъ въ большой коляскѣ сидитъ... Должно, какой-нибудь богатый... Только лошади что-то не шибко бѣгутъ.

„Графъ“ взглянулъ на пожилого, виднаго брю-

нета въ изящномъ темномъ пальто и въ цилиндрѣ на головѣ. И господинъ, въ свою очередь, пристально и долго смотрѣлъ на „графа“. Ихъ глаза встрѣтились, и оба они тотчасъ же отвели взгляды.

Коляска проѣхала.

— Знаешь, кто это ѣхалъ въ колескѣ?

— Кто?

— Братецъ мой... Константинъ Ивановичъ Ольневъ!—проговорилъ „графъ“ съ чувствомъ озлобленія.

— Ну? И онъ призналъ васъ?

— Кажется...

— И, небойсь, не поклонился?

— Станетъ онъ кланяться!.. Поклонись даже я ему, такъ онъ отвернулся бы... Но только онъ этого никогда не дождется...

„Графъ“ помолчалъ и послѣ паузы прибавилъ:

— И у этого человѣка такая прелестная дочь!

— Красивый вашъ братъ, Александръ Иванычъ!— заговорилъ Антошка.

— Да... сохранился.

— И важный?

— Важный...

— А богатый?

— Очень...

— Ишь ты!—воскликнулъ Антошка, словно бы выказалъ въ этомъ отношеніи досаду, что такой нехорошій человѣкъ и важный, и богатый, тогда какъ Александръ Иванычъ изъ-за этого самаго человѣка терпѣлъ...

— И любитъ онъ Нину Константиновну?—снова спросилъ Антошка.

— Вѣрно любитъ...

— А какъ же она можетъ любить такого отца... Или не знаетъ, какъ онъ съ вами поступилъ?..

— И дай Богъ, чтобъ не знала... Ну, однако поѣдемъ, Антошка, домой... Пожалуй, не къ добру намъ эта встрѣча съ родственниками...

И дѣйствительно, встрѣча съ братомъ оказалась не къ добру.

Черезъ недѣлю, перваго іюня, вмѣсто обычнаго пріѣзда Нины, явилась горничная ея съ деньгами и объявила, что Нина Константиновна „очень разстроены... имѣли крупный разговоръ съ папенькой“.

— Изъ-за чего?—испуганно спросилъ „графъ“.

— Извѣстно изъ-за васъ, Александръ Иванычъ!— съ сердцемъ проговорила горничная и торопливо ушла.

XXXII.

Его превосходительство былъ крайне изумленъ встрѣчей на островахъ.

Его изумила не самая встрѣча, а, главнымъ образомъ, то, что онъ увидалъ своего „братца“, какъ презрительно называлъ и онъ, въ свою очередь, „графа“, не въ обычномъ его видѣ нищаго-пропойцы, съ порыжѣвшимъ цилиндромъ на головѣ и въ невозможныхъ сапогахъ,—какимъ, случалось, онъ встрѣчалъ его на улицѣ, и каждый разъ отворачивался, испытывая чувство омерзѣнія,—а прилично одѣтаго, въ свѣжемъ бѣльѣ, въ незаношенныхъ перчаткахъ и, совершенно трезваго, въ образѣ почтеннаго и солиднаго человѣка, наслаждавшагося погожимъ майскимъ днемъ, да еще въ обществѣ какого-то чистенько одѣтаго мальчика.

Даже что-то идиллическое было въ этой парѣ, какъ показалось петербургскому чиновнику, попавшему на острова днемъ по дѣламъ службы,—вызванному по какому-то дѣлу къ министру, перебравшемуся уже на дачу.

Подобная метаморфоза заставила Опольева удивленно приподнять складки на лбу и задуматься на нѣсколько минутъ, чтобы пріискать логическое объясненіе такому странному явленію, которое, казалось, совершенно противорѣчило его непогрѣшимому мнѣнію о братѣ.

Самъ Константинъ Ивановичъ Опольевъ, всегда разсудительный, не знавшій ошибокъ молодости и корректный, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія ходячей морали, считавшій себя вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ и недюжиннымъ государственнымъ дѣятелемъ, которому не даютъ только случая показать себя,—считалъ своего брата неисправимымъ мерзавцемъ, не заслуживающимъ никакого снисхожденія.

Это мнѣніе, вполнѣ обоснованное, не оставляющее никакихъ сомнѣній, было давно составлено, занумеровано и сдано въ архивъ, и въ душѣ непреклоннаго чиновника ни разу не шевельнулось чувства сожалѣнія къ брату, основательно имъ позабытому.

Какое, въ самомъ дѣлѣ, могло быть сожалѣніе къ человѣку, который совершилъ подлогъ, опозорилъ честь мундира, почти разорилъ отца, лишивъ, такимъ образомъ, и брата значительнаго состоянія, и затѣмъ опустился до послѣдней степени, потерявъ всякое чувство человѣческаго достоинства: обивалъ пороги, просилъ милостыню на улицахъ и пьянствовалъ.

Всѣ доводы ума, весь душевный и умственный складъ Опольева рѣшительно протестовали противъ всякаго снисхожденія—не даромъ же Опольевъ въ свое время былъ безпощаднымъ прокуроромъ, любившимъ „закатывать“ подсудимыхъ по буквѣ закона—и логика, казалось, говорила, что такому пропащему человѣку, какъ его братъ, никогда не подняться, и что ему предстоитъ умереть отъ пьянства гдѣ-нибудь въ больницѣ, или на улицѣ, и чѣмъ скорѣе онъ это сдѣлаетъ, тѣмъ будетъ лучше.

И вдругъ, вмѣсто того—прилично одѣтый господинъ, правда, сильно помятый жизнью, но все-таки сохранившій видъ джентльмена, и даже какую-то дерзкую самоувѣренность... И этотъ ироническій взглядъ черныхъ, глубоко сидѣвшихъ, глазъ... И эта улыбка, словно бы издѣвающаяся надъ кѣмъ-то, искривившая его губы въ тотъ моментъ, когда ихъ взгляды встрѣтились.

Его превосходительство, въ качествѣ чиновника, любящаго порядокъ, привыкъ сортировать и людей, и явленія такъ же, какъ сортировалъ бумаги, давая имъ ту или другую оцѣнку краткими и рѣшительными опредѣленіями. Неясностей и неопредѣленности онъ не любилъ, какъ настоящій человѣкъ практики. И, разъ сдѣлавъ опредѣленіе, онъ успокаивался.

Вотъ почему его превосходительство, послѣ встрѣчи съ братомъ, испытывалъ нѣкоторую досаду. Еще бы! Фактъ, который былъ передъ глазами — прежній нищій совершенно преображенный,—какъ будто не поддавался никакому логическому объясненію и опровергалъ всѣ данныя о человѣческомъ паденіи.

Наконецъ, онъ рѣшилъ, что, вѣроятно, какой-нибудь дуракъ, не знавшій, каковъ гусь его братецъ, одѣлъ его и далъ денегъ, и онъ празднуетъ сегодня день своего обновленія и, конечно, въ скоромъ времени пропьетъ платье и будетъ шататься по улицамъ въ прежнемъ своемъ видѣ.

Это рѣшеніе какъ будто успокоило его превосходительство, и на лицѣ его скользнуло довольное выраженіе человѣка, уяснившаго себѣ непонятное явленіе.

Однако эта идиллическая прогулка въ уединеніи острововъ, вмѣсто того, чтобы быть въ какомъ-нибудь грязномъ трактирѣ, это лицо, блѣдное и истомленное, но не похожее на прежнее лицо пьяницы, и, наконецъ, эта компанія съ мальчикомъ какъ будто не вязались съ такимъ заключеніемъ. Въ минуту этого сомнѣнія, Опольевъ вдругъ вспомнилъ про письмо, въ которомъ братъ въ первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ молчанія просилъ о помощи для какого-то мальчика, котораго призрѣлъ. Онъ припомнилъ, какъ не повѣрилъ ни слову этого письма, считалъ этого „мальчика“ уловкой, чтобъ выманить денегъ на пьянство, и смутно почувствовалъ неудовлетворительность своего объясненія.

Но ему было некогда теперь думать объ этомъ. Мысли его приняли совсѣмъ другое направленіе, тѣмъ болѣе, что дача министра была недалеко.

Вернулся домой Опольевъ въ отличномъ расположеніи духа—министръ былъ очень милостивъ и привѣтливъ—и сообщивъ объ этомъ женѣ, проговорилъ:

— А знаешь, Anette, кого я сегодня встрѣтилъ на островахъ, и кто меня очень удивилъ?

— Кто, мой другъ?

— Ты ни за что не догадаешься! Я встрѣтилъ своего братца и—вообрази себѣ?—въ приличномъ костюмѣ, въ приличномъ видѣ и съ какимъ-то мальчикомъ...

Госпожа Опольева давно уже собиралась сказать мужу о перемѣнѣ, которая произошла съ его несчастнымъ братомъ, давно хотѣла объяснить, что онъ далеко не такой негодяй, какимъ считаетъ его мужъ, и сообщить, что Нина помогаетъ дядѣ изъ своихъ карманныхъ денегъ, но все не рѣшалась, боясь разсердить своего Константина Ивановича, котораго боготворила и въ то же время побаивалась. Но теперь, видя хорошее его настроеніе, она рѣшилась, наконецъ, открыть скрываемую тайну, которая ее тяготила.

И она отвѣтила:

— Твой братъ, право, заслуживаетъ лучшей участи, Константинъ Ивановичъ. Каково бы ни было его прошлое, но ты самъ убѣдился, что теперь...

— Ни въ чемъ я не убѣдился и теперь... Реабилитаціи такихъ людей я не вѣрю!..—перебилъ Опольевъ жену.

— Однако... ты самъ же говоришь, что удивленъ былъ, встрѣтивъ его совсѣмъ непохожимъ на прежняго нищаго.

— Ну и что жъ? Кого-нибудь разжалобилъ, и онъ походитъ нѣсколько дней въ приличномъ костюмѣ, а затѣмъ пропьетъ его.

— Онъ этого не сдѣлаетъ!—значительно проговорила Опольева.

— Почему ты это утверждаешь? Тебѣ такъ кажется?..—насмѣшливо отчеканилъ Опольевъ.

— Нѣтъ, я кое-что знаю о бѣдномъ твоемъ бра-

тѣ и давно хотѣла поговорить о немъ съ тобой... Онъ совсѣмъ не негодяй, какъ ты думаешь, мой другъ... Ты самъ въ этомъ убѣдишься, когда выслушаешь, что я тебѣ скажу...

— Я слушаю, Anette... Переходи къ дѣлу...

— Тогда это письмо, которое ты мнѣ показывалъ... Помнишь?

— Ну, помню...

— Вѣдь онъ дѣйствительно просилъ для того, чтобы одѣть мальчика, котораго спасъ отъ какого-то изверга солдата и пріютилъ у себя... Этого мальчика ты и встрѣтилъ... Онъ и теперь живетъ у твоего брата, который очень привязанъ къ своему пріемышу... О, еслибъ ты зналъ, какая это трогательная привязанность двухъ несчастныхъ!

И госпожа Опольсва разсказала мужу и о томъ, какъ княгиня Магіе хотѣла помѣстить Антошку въ пріютъ, и какъ Александръ Ивановичъ не согласился, какъ онъ былъ боленъ, какъ совсѣмъ измѣнилъ жизнь, пересталъ пить и сталъ другимъ человѣкомъ.

Опольевъ внимательно слушалъ жену. Ироническая улыбка скользила по его губамъ, когда онъ спросилъ:

— Откуда ты слышала всѣ эти чувствительныя исторіи объ его чудесномъ превращеніи? Тебѣ онъ ихъ описывалъ, что ли?... И, наконецъ, на что же онъ живетъ, если не собираетъ по улицамъ... Кто ему помогаетъ?..

— Нина.

Всегда ровный и сдержанный, почти никогда не возвышавшій голоса, его превосходительство на этотъ разъ не выдержалъ—до того сообщеніе жены было неожиданно—и воскликнулъ:

— Нина!? Это что еще за сюрпризъ?

Глаза его сдѣлались неподвижными; губы сжались, и скулы задвигались.

— Ты не сердись, Константинъ Ивановичъ, — осторожно и робко вымолвила жена,—что мы тебѣ раньше этого не сказали... Ты такъ былъ предубѣжденъ противъ брата... Но теперь, когда нѣтъ сомнѣнія въ его исправленіи... ты, конечно, простишь намъ эту маленькую тайну... Нашу Нину тогда поразило то письмо... ей непремѣнно хотѣлось помочь, и она послала небольшую сумму изъ своихъ карманныхъ денегъ... А потомъ стала давать каждый мѣсяцъ... И еслибъ ты зналъ, какъ твой братъ благодаренъ! Еслибъ ты зналъ какъ Нина рада, что помогла брату своего отца бросить прежнюю нищенскую жизнь... И въ какомъ она восторгѣ отъ Александра Ивановича... Какъ онъ милъ и деликатенъ...

— Милъ и деликатенъ—повторялъ Опольевъ.— Отецъ считаетъ его негодяемъ, а вы въ восторгѣ... Весьма назидательно... Отлично... Нина — глупая еще дѣвочка, но ты, Anette, какъ это допустила?..

— Но, мой другъ... Нина такъ настаивала... И развѣ не вправѣ она распорядиться своими карманными деньгами?

— Но откуда же она знаетъ о добродѣтеляхъ моего братца? Въ перепискѣ съ нимъ состоитъ, что ли?..

— Она разъ въ мѣсяцъ навѣщала его!

— Что?—воскликнулъ Опольевъ.

Жена повторила.

— Бываетъ у этого негодяя, котораго я не ве-

лѣлъ пускать къ подъѣзду? И ты ей позволила... Ты позволила ей?.. Да ты подумала ли, что дѣлаешь?—прибавилъ Опольевъ, уставивъ на жену злые глаза.

Этотъ оскорбительный тонъ, этотъ презрительный взглядъ задѣли за живое госпожу Опольеву, и она возразила съ обиженнымъ видомъ:

— Я не вижу ничего ужаснаго въ томъ, что Нина навѣщала несчастнаго дядю... Я подумала прежде, чѣмъ позволила дочери поѣхать... Наконецъ, какъ же ей запретить? Вѣдь она не маленькая... Развѣ лучше, если она безъ позволенія отправится?.. Да ты и самъ разрѣшилъ Нинѣ быть членомъ благотворительнаго общества, въ которомъ предсѣдательницей княгиня Marie... Нина съ Marie посѣщаютъ же бѣдныхъ... Такъ чѣмъ же хуже посѣтить твоего брата?..

Его превосходительство долженъ былъ употребить нѣкоторое усиліе, чтобъ не назвать свою супругу дурой. Онъ, впрочемъ, сдѣлалъ это мысленно, и вслухъ рѣзко прибавилъ:

— Ты не находишь ничего ужаснаго въ этихъ посѣщеніяхъ, а я нахожу ихъ неприличными для моей дочери... Я уже не говорю, какъ я непріятно изумленъ, что всѣ эти глупости держались отъ меня въ секретѣ...

— Но, милый другъ... прости... Я не ожидала, что ты примешь это такъ серьезно!—промолвила уже виноватымъ тономъ жена.

Этотъ виноватый тонъ нѣсколько смягчилъ его превосходительство, и онъ произнесъ:

— Что сдѣлано, то сдѣлано. Надо, чтобъ впредь этого не повторялось, чтобы Нина перестала на-

вѣщать этого человѣка. Попроси ко мнѣ Нину. Я съ ней переговорю...

— Но только ты не сердись на нее, Константинъ Ивановичъ... Вѣдь она все это сдѣлала изъ добрыхъ побужденій.

— Знаю. Не безпокойся.

— Она какая-то нервная стала въ послѣднее время, наша Нина, и совсѣмъ не та, что была прежде...

— А что?

— Избѣгаетъ выѣздовъ...

— Ну, это еще не бѣда.

— Все больше за книгами... Увлекается Толстымъ...

Его превосходительство поморщился, точно отъ зубной боли.

— Разъѣзжаетъ съ Мари по бѣднымъ... это ей нравится, хоть она и возвращается всегда разстроенная...

— Княгиня сбиваетъ ее съ толку. Отчего не заняться благотворительностью, но надо все дѣлать въ мѣру, въ мѣру! — повторилъ Опольевъ своимъ авторитетнымъ тономъ. — Положимъ, твоя кузина создала себѣ положеніе изъ филантропіи и никогда не сидитъ дома... Ну, этотъ филантропическій зудъ у нея еще понятенъ при такомъ разслабленномъ идіотѣ, какъ этотъ князь... Но Нина слишкомъ молода еще для этихъ благотворительныхъ увлеченій... И знаешь ли что? Пора бы Нинѣ замужъ!—неожиданно прибавилъ Опольевъ.

— И я такъ думаю... Я говорила съ ней объ этомъ.

— Что жъ она?

— Не хочетъ.

— Никто ей не нравится?

— Кажется, никто...

— А Сиверскій? Кажется, онъ не прочь сдѣлать предложеніе... Онъ порядочный молодой человѣкъ, и былъ бы отличной партіей... Что Нина о немъ думаетъ? Нравится онъ ей?

— Нисколько.

— Отчего?..

— Говоритъ: совсѣмъ неинтересенъ...

— Гммъ... Странно, почему не нравится. Онъ вполнѣ порядочный человѣкъ... Ну, и съ состояніемъ... связи... и положеніе... Онъ можетъ далеко пойти... Такъ ты пришли ко мнѣ Нину... Мы съ ней побесѣдуемъ.

Опольева, сама же разболтавшая все мужу, вышла изъ кабинета нѣсколько встревожепная, досадуя на себя, что открыла тайну, о которой лучше было бы молчать. Теперь, того и гляди, выйдетъ „исторія“—а всякихъ „исторій“ Опольева боялась больше всего на свѣтѣ — если Нина не убѣдится доводами отца и, восторженно расхваливая нищаго дядю, выскажетъ отцу одно изъ тѣхъ своихъ крайнихъ мнѣній о свѣтѣ и богатствѣ, какія иногда высказывала матери.

Какъ обыкновенно бываетъ съ слабыми, безхарактерными людьми, она хотѣла, чтобы все какъ-нибудь обошлось безъ непріятностей, и безпокоилась и за мужа, и за дочь, не зная и не рѣшаясь, чью принять сторону. Когда она слушала мужа, ей казалось, что онъ правъ, и что Нинѣ въ самомъ дѣлѣ неприлично ѣздить къ дядѣ, хотя бы онъ и исправился, забывая, что еще недавно, слу-

шая разсказъ Нины о посѣщеніи дяди, она проливала слезы отъ умиленія, и сама хотѣла навѣстить этого „несчастнаго старика, обиженнаго людьми“.

— Ниночка! Папа тебя зоветъ... Онъ хочетъ съ тобой говорить о твоихъ посѣщеніяхъ дяди... Онъ очень этимъ недоволенъ!—говорила Опольева, войдя въ комнату Нины.

Нина слегка поблѣднѣла. Она понимала, что предстоитъ тяжелый разговоръ. Но она быстро поднялась съ мѣста и рѣшительно направилась къ дверямъ.

— Ниночка... ты, родная, не противорѣчь отцу, не раздражай его... И исполни его желаніе: не ѣзди къ дядѣ. И не сердись на меня... Это я все ему разсказала... Я думала, онъ отнесется къ моему признанію иначе, тѣмъ болѣе, что сегодня онъ встрѣтилъ на улицѣ дядю и былъ очень изумленъ...

— Изумленъ? Чѣмъ, мама?

— Его приличнымъ видомъ, его костюмомъ... однимъ словомъ, тѣмъ, что онъ не попрошайка, какимъ былъ...

— Благодаря тому, что всѣ отъ него отвернулись!—горячо вставила молодая дѣвушка.

— Но папа не вѣритъ...

— Чему не вѣритъ?

— Что дядя могъ такъ измѣниться послѣ всего того, что было...

— Не вѣритъ?.. Но вѣдь это правда!—воскликнула Нина.

— И я пробовала говорить... Я разсказывала объ этомъ мальчикѣ...

— И папа все-таки не вѣритъ?—грустно повторила Нина.

— Не вѣритъ.

— Такъ я постараюсь убѣдить папу! — промолвила Нина.

— Нѣтъ, Нина, нѣтъ, не дѣлай этого... Это безполезно... И вообще... вообще, лучше не противорѣчь ему. Къ чему? Отца ты не переубѣдишь и только огорчишь его. А онъ тебя такъ любитъ...

— Но, мама... Что ты говоришь? Неужели я должна согласиться съ папой, что дядя гадкій человѣкъ, и что онъ не заслуживаетъ никакого участія, когда я убѣждена въ противномъ?.. И неужели папа можетъ сердиться на это?..

Опольева не знала, что отвѣчать, и снова повторила:

— Во всякомъ случаѣ, Нина... помни, что не слѣдуетъ огорчать отца... Ну, иди, иди... Онъ тебя ждетъ...

Молодая дѣвушка пошла въ кабинетъ.

XXXIII.

Опольевъ такъ же мало зналъ свою дочь, какъ и дочь—отца.

Онъ ее очень любилъ тою эгоистическою любовью, которою любятъ родители своихъ дѣтей, любя въ нихъ самихъ себя. Онъ былъ всегда съ ней ласковъ и нѣженъ, заботился объ ея удовольствіяхъ, нарядахъ, перекидывался съ ней словами, полными ласки, въ тѣ рѣдкія минуты, когда видѣлъ ее въ свободное отъ службы время, но никогда съ ней серьезно ни о чемъ не говорилъ, привыкши считать ее дѣвочкой даже и тогда, когда она вышла изъ института.

Какъ и большинство отцовъ, онъ никогда не старался заглянуть въ ея душевный міръ, не пытался узнать, какія мысли, какія мечты занимаютъ ея головку, и со свойственною мужчинамъ самоувѣренностью въ безошибочномъ пониманіи людей, тѣмъ болѣе дочери, которая всегда была подъ глазами, воображалъ, что отлично знаетъ свою дочь, и что дѣлаетъ для нея все, что только можетъ доставить людямъ счастье. У нея будетъ хорошее приданое. Она выйдетъ замужъ за порядочнаго человѣка и будетъ порядочною женщиной въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ Опольевъ. А пока она живетъ, окруженная любовью отца и матери, въ полномъ счастьѣ и довольствѣ.

Разговоръ, только что бывшій съ женой, нѣсколько смутилъ его превосходительство тѣми неожиданными новостями, которыя онъ узналъ. Ему очень не понравились и посѣщенія „негодяя братца“, и филантропическіе подвиги дочери, и увлеченіе Толстымъ, и онъ считалъ виноватою свою жену, которая раньше не сообщила обо всемъ этомъ ему. Достаточно было бы ему поговорить съ дочерью съ четверть часа, и она поняла бы сама, какъ неприлично посѣщать „пьяницъ-родственниковъ“, какъ смѣшно усердствовать въ филантропіи, и какъ нелѣпо восхищаться проповѣдями Толстого.

Эту легкость вразумленія дочери Опольевъ основывалъ, главнымъ образомъ, на увѣренности въ томъ, что онъ отлично знаетъ свою дѣвочку. Кромѣ того, онъ разсчитывалъ и на свой нравственный авторитетъ и на свое умѣнье убѣждать людей,— не даромъ же онъ считалъ себя необыкновенно умнымъ человѣкомъ.

И въ немъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Нина—эта милая, кроткая Ниночка,—вполнѣ проникнется его доводами и сознаетъ ошибочность своего поведенія. Она настолько умна, хорошо воспитана и настолько любитъ отца, чтобъ повѣрить ему, что хорошо, что дурно.

Разумѣется, всѣ эти увлеченія ея филантропіей и Толстымъ немедленно пройдутъ.

А, главное,—ей надо выходить замужъ!

Такъ думалъ Опольевъ, въ ожиданіи дочери, и, не смотря на увѣренность въ легкости ея обращенія на путь истины, все-таки испытывалъ не то, что смущеніе, а какую-то неловкость при мысли, что ему придется запретить ей посѣщать брата, особенно, если онъ и въ самомъ дѣлѣ перемѣнился, какъ ни трудно этому повѣрить.

И его превосходительство снова мысленно назвалъ не совсѣмъ лестнымъ эпитетомъ свою жену за то, что она допустила это невозможное знакомство Нины съ „братцемъ“.

„Воображаю, чего только не наговорилъ ей, кого только не обвинялъ этотъ человѣкъ, чтобы только разжалобить добрую дѣвочку!“—думалъ Опольевъ.

XXXIV.

Тихій стукъ раздался въ двери кабинета.

— Это ты, Ниночка?

— Я, папа.

— Входи, входи... я жду тебя. Садись вотъ тутъ, поближе... Поговоримъ, моя дѣвочка!—мягко и ласково заговорилъ Опольевъ, когда его любимая Нина,

серьезная, поблѣднѣвшая и нѣсколько взволнованная, вошла въ этотъ большой, внушительный, всегда пугавшій ее кабинетъ, гдѣ за письменнымъ столомъ сидѣлъ отецъ.

Она опустилась и почти потонула въ большомъ мягкомъ креслѣ, стоявшемъ у стола, и, взглянувъ на отца и встрѣтивъ его нѣжный, любовный взглядъ, казалось, смутилась еще болѣе.

Она любила отца, но всегда испытывала какое-то стѣсненіе передъ нимъ и въ присутствіи его никогда и не высказывалась, точно чувствуя, что онъ отнесется или насмѣшливо, или не обратитъ на ея слова никакого вниманія.

— Ты сердишься на меня, папа?—спросила она.

— Нѣтъ, Нина, я не сержусь, но мнѣ очень непріятно, что ты вздумала ѣздить къ моему брату...

— Я виновата, папа, что не сказала тебѣ объ этомъ раньше...

— Да, это было бы гораздо лучше, мой другъ, чѣмъ держать въ секретѣ отъ отца эти визиты... По крайней мѣрѣ, ты не сдѣлала бы ложнаго шага...

Опольевъ пустилъ дымкомъ душистой сигары и продолжалъ:

— Видишь ли, Нина, въ чемъ дѣло. Ты еще слишкомъ молода, чтобы знать и понимать людей, и потому тебя легко могъ ввести въ заблужденіе и заставить пожалѣть себя этотъ пьяница и ницій, который, къ несчастью, мой братъ... Эта чувствительная исторія о какомъ-то мальчикѣ, эти жалобы, которыя онъ, вѣроятно, расточалъ на другихъ людей за свое же безпутство, могли, конечно, тронуть твое доброе сердце... Все это понятно... Но еслибъ ты спросила у меня совѣта, я сказалъ бы

тебѣ, что такіе люди, какъ мой братъ, промотавшій состояніе, сдѣлавшій подлогъ и павшій до того, что собиралъ на улицахъ милостыню, такіе люди не заслуживаютъ сожалѣнія, и посѣщать такихъ пьяницъ порядочной дѣвушкѣ совсѣмъ неприлично. Воображаю, что ты могла тамъ видѣть и съ кѣмъ могла встрѣчаться!—брезгливо прибавилъ Опольевъ.

— Но, папа, повѣрь...

— Позволь мнѣ докончить, Нина!—остановилъ Опольевъ дочь.

Нина тоскливо прижалась къ креслу, и Опольевъ продолжалъ, отчеканивая слова, тѣмъ увѣреннымъ, слегка докторальнымъ тономъ, какимъ онъ любилъ говорить, не сомнѣваясь въ надлежащемъ эффектѣ своихъ рѣчей и слушая въ то же время самого себя:

— Я очень радъ, Нина, что объ этомъ узналъ. Не сомнѣваюсь, что ты и не подумаешь больше навѣщать человѣка, котораго твой отецъ имѣетъ основаніе не признавать братомъ. Я не запрещаю тебѣ помогать ему, если тебѣ такъ хочется, и бросать деньги на пьянство, но бывать у негодяя, который потерялъ все человѣческое, посѣщать пьяницу, который, быть можетъ, не прочь украсть чужую ложку...

Но тутъ возмущенная молодая душа не выдержала и помѣшала оратору закруглить періодъ.

Блѣдная, съ блестѣвшими отъ слезъ глазами, Нина вскочила съ мѣста и почти что крикнула:

— Папа! Что ты говоришь? Ты заблуждаешься!

Опольевъ былъ изумленъ, и на столько изумленъ, что въ первое мгновеніе не находилъ словъ, и только въ недоумѣніи пожалъ плечами.

Въ самомъ дѣлѣ, ему говорятъ, что *онъ* заблуждается,—и кто это говоритъ? Его дочь!

А Нина, вся охваченная желаніемъ открыть отцу глаза и возстановить безсовѣстно поруганную правду, между тѣмъ продолжала:

— Дядя совсѣмъ не такой, какимъ ты его представляешь... О, еслибъ ты увидѣлъ его, папа... узналъ его... Ты убѣдился бы, какой онъ хорошій... сколько въ немъ доброты... сколько ума... Онъ только несчастный оттого, что брошенъ всѣми... А онъ, можетъ быть, лучше многихъ, которыхъ всѣ уважаютъ... Да, лучше, не смотря на то, что онъ нищій, а тѣ богаты и занимаютъ высокое положеніе... Ты только выслушай, папа, прошу тебя... тогда ты увидишь, какъ ты ошибаешься на счетъ бѣднаго, милаго дяди.

И, волнуясь и спѣша, словно боясь, что ей не дадутъ сказать всего, что нужно, дѣвушка, съ восторженною горячностью своего добраго сердца, говорила, не думая ни о закругленности періодовъ, ни о красотѣ рѣчи, о добротѣ и деликатности дяди, разсказала въ подробности исторію съ Антошкой, о томъ, какъ дядя совсѣмъ перемѣнилъ жизнь, какъ только явилась къ тому возможность, какъ онъ страдалъ прежде, и какъ доволенъ и счастливъ теперь, имѣя хоть уголъ подъ конецъ своей жизни...

— И онъ никогда никого не бранилъ, никого не обвинялъ за то, что его всѣ бросили послѣ того, какъ онъ былъ исключенъ изъ полка... Онъ одного себя считаетъ виновнымъ за всѣ несчастія, которыя испыталъ!—прибавила въ заключеніе Нина.

И, точно сама испугавшись той храбрости, съ какою рѣшилась говорить съ отцомъ, она вдругъ

притихла и, опустившись въ кресло, робко взглядывала на отца.

И страстный вызывающій тонъ, и горячая защита пьяницы-нищаго,—защита, точно похожая на обвиненіе отца, и вырвавшаяся фраза о томъ, что „дядя лучше многихъ, которыхъ всѣ уважаютъ“,— все это, какъ громомъ, поразило Опольева. Въ рѣчахъ дочери его ухо уловило что-то такое, для него непріязненное, ужасное и нелѣпое, чего онъ никогда не ожидалъ. Какая-нибудь курсистка еще могла бы высказывать такіе взгляды, начитавшись нелѣпыхъ книжекъ или наслушавшись разныхъ бредней, а то его дочь, дочь виднаго общественнаго дѣятеля, извѣстнаго своими ультра-консервативными тенденціями!..

Но еще неожиданнѣе было то, что онъ, этотъ, всѣми признаваемый умный человѣкъ, считавшій себя необыкновенно проницательнымъ и тонкимъ знатокомъ людей, казалось, только сейчасъ, сію минуту, нѣсколько узналъ душевный міръ своей дочери, понялъ, что и у нея есть свои взгляды и мысли, совсѣмъ не похожія на его, и—главное— что въ этомъ маленькомъ, кроткомъ и скромномъ на видъ существѣ, съ большими вдумчивыми глазами—чувствуется что-то свое, что-то упорное, и что убѣдить ее въ четверть часа, какъ онъ думалъ, едва ли возможно.

„Откуда все это?“

И въ эту минуту онъ понялъ, что дочь далеко не смотритъ на отца съ тѣмъ благоговѣйнымъ восторгомъ, на который онъ разсчитывалъ, и весьма вѣроятно, даже навѣрное, судя по ея словамъ, относится къ нему критически и, пожалуй, даже сча-

таетъ его далекимъ отъ того идеала, который рисуется въ ея головѣ. Не даромъ же она такъ распинается за этого „негодяя“...

И этотъ „негодяй“ возбуждаетъ еще большую ненависть въ его превосходительствѣ.

И взглядъ его красивыхъ черныхъ глазъ теряетъ прежнюю мягкость и нѣжность любящаго отца и блещетъ рѣзкимъ и холоднымъ, насмѣшливо-презрительнымъ, выраженіемъ. Тонкія губы его слегка подергиваются. Онъ смотритъ на свою дѣвочку и чувствуетъ къ ней въ эту минуту что-то непріязненное, точно передъ нимъ не горячо любимое созданіе, а врагъ, дерзко осмѣлившійся покачнуть пьедесталъ его непогрѣшимости и великолѣпія.

Нина поняла этотъ рѣзкій холодный взглядъ, и тоска наполнила ея сердце, та тоска, которая является у любящихъ дѣтей, чувствующихъ разочарованіе въ своихъ родителяхъ...

„Онъ, значитъ, не выноситъ правды!“—подумала она, и вся съежилась, точно ей сдѣлалось холодно, въ креслѣ и трепетно ждала, что скажетъ отецъ, предчувствуя въ то же время, что то, что онъ скажетъ, будетъ совсѣмъ не то, чего она ждала, когда шла въ кабинетъ, разсчитывая своей защитой вызвать отца на примиреніе съ несчастнымъ дядей.

И онъ проговорилъ рѣзкимъ, не допускающимъ возраженія, тономъ, слегка прищуривая глаза:

— Я терпѣливо выслушалъ все то, что ты изволила мнѣ высказать, и, разумѣется, нисколько не убѣжденъ... Меня только удивилъ тотъ вздоръ, который, къ сожалѣнію, оказался въ твоей головѣ... Я предполагалъ въ тебѣ болѣе здраваго смысла и думалъ, что ты не позволишь себѣ сравнивать про-

пойцу и нищаго съ порядочными людьми... Откуда у тебя такія идеи?.. Отъ этого добродѣтельнаго дяди?.. Или начиталась Толстого?—насмѣшливо спросилъ онъ.

— Я, папа, сама объ этомъ думала...

— Сама? Поздравляю. На какомъ же основаніи ты дѣлаешь подобныя сравненія?

— На основаніи того, что вижу, что слышу...

— И довѣряешь своимъ наблюденіямъ больше, чѣмъ мнѣніямъ своего отца?

Что могла отвѣтить на это Нина?

— Слишкомъ рискованно, моя милая, въ твои года полагаться на свои наблюденія... Надо прислушиваться къ тому, что говорятъ люди, болѣе тебя знающіе жизнь, и не отваживаться говорить такія вещи на обумъ... И гдѣ это ты видѣла людей изъ нашего общества, которые, по твоему мнѣнію, хуже моего братца?

— А князь Чекалинскій, папа? Развѣ онъ не проигралъ огромнаго состоянія и развѣ не выдалъ подложнаго векселя? А между тѣмъ его вездѣ принимаютъ? А этотъ Кривощековъ... Занималъ такое мѣсто—и оказался взяточникомъ! А Рущуковъ?.. Господи! Да сколько такихъ, точно ты самъ ихъ не знаешь? И ихъ вездѣ принимаютъ, имъ все прощаютъ, а несчастнаго дядю, за меньшую вину, изгнали изъ общества и сдѣлали нищимъ. Гдѣ же тутъ справедливость?

На этотъ разъ и его превосходительство находился въ нѣкоторомъ затрудненіи и не зналъ, что отвѣтить дочери. Дѣйствительно, названные ею господа имѣли за собою большіе грѣхи и, тѣмъ не менѣе, бывали у Опольева въ домѣ.

И чѣмъ болѣе затруднялся Опольевъ отвѣтомъ, тѣмъ болѣе раздражался на дочь и, наконецъ, сказалъ:

— Всѣ это, можетъ быть, до нѣкоторой степени и вѣрно... всѣ эти люди, о которыхъ ты говоришь, и поступали не совсѣмъ корректно, но все-таки они никогда не пали бы такъ низко, какъ тотъ человѣкъ...

— Да, потому, что однихъ во-время поддержали, а гадости другихъ замяли...

— Ты глупости говоришь!—рѣзко остановилъ Опольевъ.—Довольно ихъ... Я позвалъ тебя сюда не для полемики, а для того, чтобы сказать тебѣ, что я недоволенъ твоими посѣщеніями дяди... Да, очень недоволенъ,—строго прибавилъ онъ.

Нина молчала.

— Допустимъ даже, что онъ и перемѣнилъ жизнь, благодаря твоимъ благодѣяніямъ, и больше не нищенствуетъ и не пьянствуетъ, а ведетъ добродѣтельную жизнь вмѣстѣ со своимъ питомцемъ... допустимъ и это, какъ ни трудно допустить такую реабилитацію, возможную лишь въ плохихъ романахъ, но все-таки прежняя жизнь оставила на немъ свою грязь, и сколько-нибудь порядочной дѣвушкѣ предосудительно вести съ такимъ человѣкомъ знакомство... Такъ я смотрю и прошу тебя никогда больше не бывать у него... Слышишь?

— Слышу, папа!—проронила молодая дѣвушка.

— Дай мнѣ слово!

— Пока я у васъ—даю!

Этотъ отвѣтъ взорвалъ обыкновенно сдержаннаго Опольева, и онъ гнѣвно проговорилъ:

— Можешь итти, дерзкая дѣвченка!

XXXV.

Это объясненіе съ дочерью взволновало Опольева.

Онъ долго не могъ успокоиться и быстро и нервно ходилъ по кабинету, возбужденный, поводя скулами и хрустя по временамъ бѣлыми, крупными, пальцами заложенныхъ за спину рукъ. Только что сдѣланное открытіе—именно открытіе—что, по всѣмъ вѣроятіямъ, дочь его заражена тѣми самыми мнѣніями, противъ которыхъ онъ боролся въ качествѣ оффиціальнаго лица, и которыя считалъ вредными,—и изумляло, и раздражало, и огорчало его превосходительство...

И какъ онъ ничего этого не замѣчалъ, какъ онъ во́-время не остановилъ этого недуга, готоваго охватить и погубить молодой организмъ? То-то—припоминалъ онъ слова жены—она избѣгаетъ выѣздовъ, не любитъ общества, читаетъ книжки, и ей никто не нравится изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые у нихъ бываютъ...

Усталый отъ ходьбы, онъ снова присѣлъ къ столу и долго, долго сидѣлъ въ креслѣ въ глубокой задумчивости, словно человѣкъ, внезапно застигнутый какимъ-то неразрѣшимымъ вопросомъ.

Наконецъ, онъ подавилъ пуговку звонка и, когда явился лакей, приказалъ попросить къ себѣ барыню, если у нея никого нѣтъ.

И, когда въ кабинетъ пришла Опольева, нѣсколько встревоженная, съ красными отъ слезъ глазами, мужъ съ какою-то злостью взглянулъ въ это, еще красивое, добродушное, полное лицо, точно

считая жену виноватой за то, что дочь совсѣмъ не та, какою онъ ее считалъ, и проговорилъ:

— Знаешь ли ты, какая у насъ Нина?..

— Какая? Она славная, прелестная!—поспѣшила заступиться мать.

— Славная... прелестная!—передразнилъ Опольевъ.—Ты ничего не видишь!.. Она—нигилистка...

— Богъ съ тобой... Что ты говоришь?— испуганно промолвила мать.

— Я говорю то, что есть въ дѣйствительности... У нея очень опасныя мнѣнія... Что ты удивляешься? Ты и не догадывалась? Ты позволяла ей посѣщать этого пьяницу? Ты отпускаешь ее, ради дурацкой филантропіи, по всякимъ трущобамъ... Ты позволяешь ей читать все, что ей вздумается...

— Но, Константинъ Ивановичъ, она не маленькая...

— Не маленькая, но ты могла бы имѣть на нее вліяніе... А теперь полюбуйся, что вышло? Какъ она говорила съ отцомъ? Какъ защищала этого мерзавца, котораго я не велѣлъ пускать въ домъ... И какъ дала слово не ходить къ нему... Видно, что противъ желанія.

— А ты, вѣрно, сурово обошелся съ ней? Константинъ Ивановичъ! Не забудь, что Нина у насъ одна... Она—натура чуткая... Пусть даже и увлекается книгами, пусть даже у нея и крайнія мнѣнія, но не озлобляй ее... Не заставь бѣдную дѣвочку возненавидѣть родительскій домъ!—взволнованно и рѣшительно говорила теперь эта слабая, нерѣшительная женщина, въ которой заговорила мать, отстаивающая свое любимое дѣтище.

Его превосходительство вдругъ струсилъ.

— Но я и не думалъ сурово обходиться съ ней,—промолвилъ онъ.

Но Опольева не слушала и продолжала:

— Ты упрямъ, но и она упряма... Мало ли что можетъ прійти ей въ голову?.. Ей можетъ показаться, что ты ее не любишь, и она уйдетъ отъ насъ... Примѣры такіе бывали... Вспомни исторію у Вяземцевыхъ?.. Дочь ихъ ушла... И, наконецъ, неужели ужъ такое преступленіе бывать у твоего брата, котораго ты не можешь простить, а твоя дочь полюбила?..

Но тутъ ужъ его превосходительство не выдержалъ. Едва сдерживая бѣшенство, онъ растворилъ двери кабинета, и госпожа Опольева тотчасъ же смолкла и догадалась уйти.

Съ тяжелыми думами сидѣла и Нина въ своей комнатѣ. Отецъ представлялся теперь въ ея глазахъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Тяжелыя обвиненія въ несправедливости, въ жестокости, въ нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ невольно роились въ ея головѣ, смущая въ то же время дѣвушку, и напрасно она старалась найти оправданіе для отца. Что-то непонятно жестокое и злопамятное чувствовалось въ этихъ нападкахъ на брата... А это издѣвательство надъ ея словами, полное насмѣшливой злости?

Нина сидѣла грустная, и вся ея жизнь, которую вела она, казалась ей какою-то пустою, безцѣльною, ни для кого ненужною. Къ чему и зачѣмъ вся эта роскошь, которою она окружена и которая ее нисколько не дѣлаетъ счастливою?

И она завидовала въ эти минуты тѣмъ трудящимся интеллигентнымъ дѣвушкамъ, у которыхъ

есть цѣль въ жизни, которыя работаютъ и ни отъ кого не зависятъ. Какъ бы она была счастлива, еслибъ и она могла такъ жить!

А теперь? Какая это жизнь?

Она можетъ ѣздить на балы, въ театры, тратить безумныя деньги на наряды, и въ то же время не смѣетъ навѣстить этого несчастнаго старика-дядю, только потому, что онъ въ глазахъ отца и общества отверженецъ.

„Нѣтъ, такъ жить нельзя!“ — думала молодая дѣвушка.

XXXVI.

Прошло три года съ небольшимъ.

За это время Антошка блистательно окончилъ курсъ технической школы при одномъ большомъ заводѣ на Васильевскомъ островѣ и поступилъ ученикомъ на тотъ же заводъ въ механическую мастерскую.

Талантливость и способности Антошки, его необыкновенная смѣтливость и какая-то лихорадочная жадность къ занятіямъ обратили на себя вниманіе завѣдующаго школой, стараго идеалиста шестидесятыхъ годовъ, преданнаго своей школѣ, которой онъ завѣдывалъ пятнадцать лѣтъ и которую поставилъ на надлежащую высоту, умѣя внушить къ себѣ любовь и уваженіе учениковъ, по большей части дѣтей заводскихъ рабочихъ.

Антошка сдѣлался его любимцемъ, и учитель предложилъ своему способному ученику приходить къ нему по вечерамъ, послѣ окончанія работъ на заводѣ, для спеціальныхъ занятій по механикѣ, къ

которой Антошка обнаруживалъ особенную склонность. Еще бывши въ школѣ, онъ интересовался чертежами машинъ, часто бѣгалъ послѣ занятій въ механическую мастерскую, гдѣ отдѣлывались части громадныхъ механизмовъ для кораблей, и тамъ жадно смотрѣлъ на эти цилиндры, золотники и холодильники, стараясь проникнуть въ тайны ихъ устройства. Ужъ онъ смастерилъ для „графа“ особенный замокъ и палку съ выскакивающимъ изъ нея прибором для рыбной ловли, а для Нины— стальной бювaръ съ ея монограммой, съ календаремъ и застежками замысловатаго, имъ придуманнаго, устройства, и выказалъ въ этихъ работахъ много вкуса и механическаго остроумія.

„Графъ“, гордившійся успѣхами Антошки гораздо болѣе, чѣмъ самъ юный изобрѣтатель, былъ въ восторгѣ отъ его подарковъ, находилъ, что лучше такихъ вещей онъ не видалъ на своемъ вѣку, и не безъ торжественности объявилъ, что Антошка впослѣдствіи будетъ знаменитымъ механикомъ...

— Того и гляди, когда-нибудь и портретъ твой, Антоша, въ иллюстраціяхъ появится... Выдумаешь какую-нибудь новую машину... и станешь извѣстнымъ...

Антошка, однако, довольно скептически относился къ похваламъ „графа“, зная, что онъ, несмотря на свой умъ и обширныя познанія въ другихъ областяхъ, рѣшительно ничего не смыслитъ въ механическомъ дѣлѣ.

Нечего и говорить, что онъ съ благодарностью принялъ предложеніе завѣдующаго школой и ходилъ къ нему на квартиру при заводѣ каждый ве-

черъ, съ жадностью слушая его лекціи. Въ годъ онъ прошелъ, такимъ образомъ, краткій курсъ механики, познакомившись съ ея принципами, насколько это было возможно безъ знанія высшей математики.

И завѣдующій школой, маленькій, круглый, толстенькій человѣчекъ съ добрыми глазами и длинными сѣдоватыми волосами, придававшими ему литературный видъ, однажды съ особенною горячностью просилъ директора завода обратить на Антона Щигрова особое вниманіе.

Онъ разсказалъ его исторію, разсказалъ, какъ прекрасно занимался онъ у него, и расхваливалъ его талантливость.

— Изъ этого юноши вышелъ бы выдающійся математикъ и механикъ, если бы только онъ имѣлъ возможность получить высшее образованіе... Но куда ему объ этомъ и думать бѣднягѣ? Во всякомъ случаѣ, благодаря его замѣчательнымъ способностямъ, заводъ будетъ имѣть въ немъ не дюжиннаго мастера...

Директоръ завода, образованный и самъ очень талантливый человѣкъ, особенно заботившійся, чтобы у него на заводѣ были хорошіе русскіе мастера, заинтересовался Щигровымъ, котораго помнилъ по бойкимъ отвѣтамъ на экзаменѣ, и обѣщалъ не забыть его.

— Только не увлекаетесь ли вы, Петръ Ѳедоровичъ?—улыбнулся директоръ, обращаясь къ учителю.

— А вы потрудитесь спросить о Щигровѣ начальника мастерской... Да вотъ и Арнольдъ Оскарычъ самъ... Легокъ на поминѣ.

На внезапный вопросъ объ Антонѣ Щигровѣ начальникъ мастерской Арнольдъ Оскаровичъ Вундстремъ, аккуратный, требовательный, справедливый и нѣсколько ограниченный финляндецъ пожилыхъ лѣтъ въ формѣ инженеръ - механика, небольшого роста блондинъ, съ серьезнымъ лицомъ, въ выраженіи котораго было что-то честное, правдивое и въ то же время жестковатое, первымъ дѣломъ нѣсколько ошалѣлъ отъ этого вопроса, такъ какъ онъ къ нему не былъ приготовленъ и пришелъ въ этотъ кабинетъ занятый другими дѣлами, требующими разрѣшенія директора.

И потому онъ не сразу отвѣтилъ и нѣсколько мгновеній соображалъ о томъ, какъ ему слѣдуетъ отвѣтить со всей его педантическою добросовѣстностью.

Отзывы честнаго финляндца были самые лучшіе. Хотя Щигровъ всего годъ, какъ служитъ на заводѣ, но исполняетъ отвѣтственныя работы. Руки у этого Щигрова золотыя и сообразительность замѣчательная. Кромѣ того, онъ и чертитъ отлично. Еслибъ не заводскія правила, то онъ съ удовольствіемъ представилъ бы его въ помощники мастера и назначилъ бы ему на первое время пятьдесятъ рублей жалованья въ мѣсяцъ... Ему можно поручить работу, требующую тонкой отдѣлки и особеннаго вниманія...

По счастью директоръ не былъ рутинеромъ и охотно выдвигалъ способныхъ рабочихъ, не стѣсняясь ни правилами, ни годами службы, ни молодостью.

— Что жъ, сдѣлайте Щигрова помощникомъ мастера и дайте пятьдесятъ рублей жалованья съ бу-

дущаго мѣсяца!—рѣшилъ немедленно директоръ и затѣмъ сталъ слушать обстоятельный и черезчуръ подробный докладъ добросовѣстнаго финляндца, обнаруживая на своемъ красивомъ и умномъ лицѣ нѣкоторое нетерпѣніе и оттого, что Арнольдъ Оскаровичъ „тянетъ“ то, что можно объяснить въ пять минутъ, и оттого, что онъ, директоръ завода, принужденъ слушать другого вмѣсто того, чтобы его слушали. А онъ любилъ-таки поговорить и любилъ, чтобы слушали его, дѣйствительно, подчасъ блестящія рѣчи.

Когда въ тотъ же день, передъ обѣденнымъ шабашомъ, начальникъ мастерской велѣлъ позвать въ свою контору Антона Щигрова и объявилъ ему о повышеніи и о жалованьи, нашъ пріятель, котораго мы попрежнему будемъ называть Антошкой, зардѣлся отъ радостнаго волненія и, видимо подавленный неожиданнымъ счастьемъ, въ первое мгновеніе, казалось, не смѣлъ вѣрить словамъ начальника. Такого блестящаго начала онъ не ожидалъ!

— Надѣюсь, Щигровъ, васъ не испортитъ такое быстрое повышеніе. Сколько я помню, это, кажется, первый примѣръ на заводѣ, чтобы такой молодой человѣкъ, почти мальчикъ, изъ учениковъ прямо сдѣланъ былъ помощникомъ мастера...

Дѣйствительно, худощавый, маленькій, съ блѣдноватымъ, выразительнымъ лицомъ, оживленнымъ радостнымъ выраженіемъ, сверкавшимъ въ его живыхъ, карихъ, умныхъ глазахъ, Антошка казался моложе своихъ восемнадцати лѣтъ и напоминалъ бы прежняго подростка Антошку, ходившаго съ ларькомъ, если бы не пробивавшіеся черные усики и едва замѣтный пушокъ на подбородкѣ.

— Очень вамъ благодаренъ, Арнольдъ Оскарычъ!—пробормоталъ, наконецъ, Антошка.

— Меня благодарить не за что. Повышеніемъ вы обязаны своимъ способностямъ и добросовѣстному отношенію къ работѣ... Вы и теперь многое понимаете не хуже мастера, а современемъ, я увѣренъ, будете превосходнымъ мастеромъ...Только смотрите, Щигровъ, оправдайте мои надежды,— продолжалъ, выговаривая слова съ замѣтнымъ акцентомъ, тихимъ, ровнымъ и нѣсколько монотоннымъ голосомъ Арнольдъ Оскаровичъ, любившій читать нравоученія молодымъ мастеровымъ, особенно тѣмъ, которыхъ отличалъ.

— Постараюсь, Арнольдъ Оскарычъ.

— А, главное, не закутите, какъ кутятъ многіе изъ вашихъ товарищей.

— Я вина въ ротъ не беру, Арнольдъ Оскарычъ.

— Пріятно это слышать, очень пріятно. И никогда не пейте водки, Щигровъ... Водка больше всего губитъ мастерового и лишаетъ его всякаго самолюбія. А безъ самолюбія какой можетъ быть человѣкъ?.. И вообще, Щигровъ, избѣгайте не только пьянства, но и другихъ кутежей... Вы понимаете, о чемъ я говорю? Будьте нравственнымъ человѣкомъ. О, это очень важно и для здоровья, и для хорошей работы...

— Я глупостями не занимаюсь! — прошепталъ конфузливо Антошка.

— Очень похвально, и не занимайтесь глупостями... При порядочномъ образѣ жизни вы можете откладывать часть жалованья и класть деньги въ сберегательную кассу. У васъ, такимъ образомъ, будетъ всегда запасъ на всякій случай... А это очень

хорошо имѣть запасъ... Предусмотрительный человѣкъ долженъ всегда имѣть запасъ. Вѣдь вамъ некому помогать? У васъ, какъ я слышалъ, родители умерли?

— У меня, Арнольдъ Оскарычъ, родителей нѣтъ, это точно, но за то есть одинъ человѣкъ, который для меня, можно сказать, дороже отца и матери. Онъ меня человѣкомъ сдѣлалъ, и я, пока живъ, буду для него работать!—горячо проговорилъ Антошка.

— Это дѣлаетъ вамъ честь. Благодарность — рѣдкая добродѣтель... Вашъ покровитель, значитъ, бѣдный?

— Бѣдный. У него ничего нѣтъ... Племянница ему помогаетъ...

— А теперь хотите вы?

— Я-съ.

— Радъ узнать, что вы исполняете свой долгъ, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку. Надѣюсь, что въ непродолжительномъ времени вы будете получать и бо̀льшее жалованье, если станете такъ же хорошо работать, какъ работали до сихъ поръ.

--- Я изо всѣхъ силъ буду стараться, Арнольдъ Оскарычъ.

Взглядъ большихъ, слегка выпяченыхъ, глазъ начальника мастерской, съ видимымъ благоволеніемъ скользнулъ по всей тщедушной фигуркѣ Антошки и снова принялъ нѣсколько строгое выраженіе, когда Арнольдъ Оскаровичъ внушительно произнесъ:

— Но только знайте, Щигровъ, что, какъ я васъ ни цѣню, а за малѣйшее упущеніе буду строго взыскивать, и даже строже, чѣмъ съ другихъ... Помните это, и не надѣйтесь ни на какія послабленія съ моей стороны...

— Я ни на чьи послабленія не разсчитывалъ!— не безъ достоинства отвѣтилъ Антошка.

— Да вотъ еще что...

Тутъ добросовѣстный финляндецъ на минутку замялся и продолжалъ уже не начальническимъ, а ласково конфиденціальнымъ тономъ, нѣсколько понижая голосъ:

— Это, конечно, не мое дѣло, но я искренно желаю вамъ добра и потому считаю долгомъ предупредить васъ: не очень-то дружите съ машинистомъ Ермолаевымъ... Вы, кажется, дружны съ нимъ?.. — Можете не отвѣчать, коли не хотите... Это ваше частное дѣло!—прибавилъ Арнольдъ Оскаровичъ.

— Да, я пріятель съ нимъ...

— Онъ отличный работникъ и не пьяница, но только неспокойнаго образа мыслей .. Поняли?

— Понялъ, Арнольдъ Оскарычъ... Только никакихъ дурныхъ разговоровъ мы не ведемъ...

— Ну, я васъ предупредилъ. Ступайте обѣдать, сію минуту звонокъ! — прибавилъ Арнольдъ Оскаровичъ и ласково кивнулъ въ отвѣтъ на поклонъ Антошки.

XXXVII.

Въ этотъ холодный, хмурый и мокрый октябрьскій день Антошка шелъ съ завода обѣдать домой съ такою быстротой, съ какою, бывало, въ прежнія времена своей безотрадной жизни нагонялъ какую-нибудь „миленькую барыньку“, подававшую надежду снабдить копѣечкой.

Онъ не чувствовалъ ни пронизывающаго холоднаго вѣтра, дувшаго съ Невы, ни сырости, ни холода, такъ какъ костюмъ его былъ въ надлежащей

исправности — „графъ“ особенно объ этомъ заботился, и случалось, самъ чинивалъ Антошкины вещи —и, переполненный счастьемъ, спѣшилъ подѣлиться новостью съ „графомъ“ и обрадовать радостной вѣстью своего пѣстуна и друга.

Едва ли въ этотъ скверный день былъ во всемъ Петербургѣ такой счастливый человѣкъ, какъ Антошка. Самыя радужныя мысли вихремъ проносились въ его головѣ, чередуясь съ невольными воспоминаніями о горемычномъ прошломъ, словно бы для того, чтобы еще ярче оттѣнить прелесть настоящаго.

Давно ли онъ, оборванный и несчастный, не слыхавшій ни одного ласковаго слова, бѣгалъ нищенкой и ходилъ съ тяжелымъ ларькомъ по улицамъ, упрашивая прохожихъ купить конвертовъ и бумаги, чтобы принести выручку и не испробовать ремня „дяденьки“ и ругани „рыжей вѣдьмы“ (гдѣ-то они теперь)? Давно ли онъ зябнулъ на улицахъ и часто голодалъ?..

А теперь онъ окончилъ курсъ, имѣетъ хорошее мѣсто и жалованье и въ недалекомъ будущемъ будетъ мастеромъ—не даромъ же всѣ хвалятъ его работу, и не даромъ же онъ самъ любитъ свое дѣло.

Только въ послѣднее время, когда Антошка значительно развился, благодаря вліянію школы, чтенію и философскихъ бесѣдъ „графа“, онъ понялъ, что бы могло быть съ нимъ, съ брошеннымъ созданіемъ, если бы не „графъ“. И то, что прежде Антошка лишь чувствовалъ, теперь понялъ и оцѣнилъ. Оцѣнилъ все, что сдѣлалъ для него единственный человѣкъ, принявшій въ немъ горячее участіе, понялъ всю дѣятельную силу его любви и безграничность заботъ о немъ, направленныхъ къ тому, что-

бы избавить его отъ ужасовъ нищенской жизни и сдѣлать его человѣкомъ.

Безконечно благодарный и любившій теперь „графа“ сознательнѣе, чѣмъ прежде, Антошка былъ въ восторгѣ, что такъ скоро сбылись его завѣтныя мечты, тѣ самыя мечты, которыя нерѣдко занимали Антошку съ той памятной ночи, когда онъ, избитый, окровавленный и продрогшій прибѣжалъ отъ „дяденьки“, и былъ согрѣтъ ласкою и участіемъ, призрѣнъ и принятъ подъ покровительство такимъ же нищимъ и бездомнымъ, какимъ былъ и Антошка. И съ той только поры онъ почувствовалъ, что жизнь можетъ быть мила.

Теперь онъ можетъ отплатить своему другу не одною только безпредѣльною привязанностью. Теперь Александру Ивановичу не нужна ничья посторонняя помощь. Ему, преждевременно состарѣвшемуся отъ долгихъ лѣтъ нищенской жизни, часто хворающему, не нужно больше трудить слабыхъ глазъ и сидѣть, не разгибая спины, по нѣсколько часовъ въ день за перепиской, чтобъ заработать нѣсколько рублей для того, чтобы побаловать развлеченіями и лакомствами лишній разъ того же Антошку. Теперь онъ будетъ заботиться о немъ и баловать „графа“. Теперь у нихъ будетъ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ своихъ кровныхъ денежекъ и никакой чужой помощи имъ не надо. А впереди въ воображеніи Антошки послѣдовательно пробѣгали крупнѣйшія цифры будущаго жалованья и, доходя до цифры 100, говорили ему и о двухъ комнатахъ, и о сигарахъ для Александра Ивановича, и о красномъ винѣ для него за обѣдомъ, и о маленькой дачѣ гдѣ-нибудь по близости, на Петровскомъ островѣ,

напримѣръ, гдѣ бы Александръ Ивановичъ могъ поправиться, а то онъ все покашливаетъ, и нѣтъ-нѣтъ да и пожалуется, что болитъ грудь...

Квартира „графа“ и Антошки была недалеко отъ завода, въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова, у средняго проспекта. Они уже два года, какъ переѣхали отъ Никифоровыхъ, съ тѣхъ поръ, какъ сынъ-технологъ, окончивъ курсъ, получилъ мѣсто на одномъ изъ заводовъ въ Екатеринославской губерніи, и съ нимъ уѣхали мать и сестра, здоровье которой требовало теплаго климата.

Эти милые, добрые люди, у которыхъ такъ хорошо прожили больше года „графъ“ и Антошка, пользуясь расположеніемъ всѣхъ членовъ семьи, не забывали своихъ прежнихъ жильцовъ. Разъ въ мѣсяцъ братъ или сестра писали „графу“, живо интересуясь и имъ, и его сожителемъ, и „графъ“ отвѣчалъ длинными, благодарными письмами, описывая успѣхи Антошки и отчасти свои по перепискѣ статистическихъ таблицъ, которую ему давала, по порученію барышни Никифоровой, одна студентка.

Минутъ черезъ пятнадцать, которыя показались въ этотъ день Антошкѣ ужасно долгими, онъ торопливо прошелъ дворъ большого дома и взбѣжалъ въ третій этажъ флигеля, гдѣ „графъ“ снималъ комнату со столомъ у стараго музыканта-нѣмца, жившаго вдвоемъ съ супругой въ трехъ комнаткахъ, чистенькихъ, опрятныхъ, какъ и сами хозяева.

Маленькая, толстенькая и румяная старушка, съ сѣдыми буклями, неизмѣнной потертой плюшевой накидушкой на плечахъ, отворила двери и, впустивъ Антошку, не безъ нѣкотораго удивленія проговорила на очень плохомъ русскомъ языкѣ:

— Сегодня вы на пять минутъ раньше пришли, Антошъ.

— Раньше, Адель Карловна... Торопился.

— Кушать вѣрно очень захотѣли? — довольно привѣтливо освѣдомилась хозяйка, благоволившая къ своимъ жильцамъ и за то, что они аккуратно платили, и за то, что были тихіе жильцы и не дѣлали, какъ она выражалась, „schweinerei“ изъ своей комнаты.

— Да, Адель Карловна,—весело и торопливо отвѣчалъ Антошка, готовый на радостяхъ обнять эту степенную, аккуратную, немного прижимистую и сентиментальную Адель Карловну.

— Марта сейчасъ подастъ...

Но Антошка едва ли слышалъ послѣднія слова, такъ какъ, сбросивъ пальто, стремительно бросился въ комнату, повергнувъ въ нѣкоторое недоумѣніе почтенную нѣмку и своею забывчивостью обтереть ноги о половикъ, и своимъ особенно радостнымъ, возбужденнымъ видомъ.

„Вѣрно, какое-нибудь маленькое жалованье назначили!“—мысленно рѣшила практическая старушка, пріурочивавшая всѣ житейскія радости къ полученію денегъ.

И, снѣдаемая любопытствомъ узнать, въ чемъ дѣло, и желаніемъ сообщить что-нибудь новенькое своему Адольфу Ивановичу, когда онъ вернется съ репетиціи изъ театра, гдѣ онъ игралъ вторую или третью скрипку,—Адель Карловна приложила ухо къ двери комнаты жильцовъ въ надеждѣ что-нибудь услыхать. Но двери были плотно заперты, и Адель Карловна отошла нѣсколько обиженная и отправилась въ свою сверкавшую чистотой кухню, чтобы

посмотрѣть, какъ будетъ отпускать жильцамъ обѣдъ „этотъ глюпый русскій свинъ, Марта“, какъ называла нѣмка рябую, неуклюжую и лѣнивую Марѳу, дѣйствительно не отличавшуюся большимъ пристрастіемъ къ чистотѣ, хотя и жила, какъ она говорила, „у нѣмцевъ“ цѣлыхъ пять лѣтъ, получая небольшое жалованье и вѣчно слыша отъ нѣмки посрамленіе русской національности.

Въ ожиданіи прихода Антошки, „графъ“, только-что окончившій переписку полустраницы цифръ, ходилъ, расправляя свои усталые члены, медленными шагами по небольшой, опрятной и уютной комнатѣ, убранной въ нѣмецкомъ вкусѣ, съ бисерными подставочками на столикахъ, съ вышитой подушкой на диванѣ и съ идиллическими плохими литографіями на стѣнахъ. Маленькій обѣденный столъ посреди комнаты былъ накрытъ чистой скатерткой, и у каждаго изъ двухъ приборовъ лежали салфетки въ бисерныхъ же кольцахъ, явившихся знакомъ вниманія Адель Карловны въ день годовщины пребыванія у нея на квартирѣ жильцовъ.

За эти три года „графъ“, не смотря на спокойную и самую правильную жизнь, какую онъ велъ, сильно постарѣлъ и осунулся. И волнистые его волосы и борода совсѣмъ засѣдѣли. Глубоко ввалившіеся темные глаза, хотя и сохранили еще живость и порой свѣтились юморомъ и насмѣшкой, но въ нихъ уже не было прежняго блеска. Лицо его потеряло одутловатость и землистый цвѣтъ кожи, зато на немъ залегло болѣе морщинъ и черты заострились, придавая физіономіи графа тотъ изнуренно-страдальческій видъ, въ какомъ изображаютъ монаховъ-подвижниковъ.

Онъ не могъ пожаловаться ни на какія острыя страданія—по временамъ грудь ныла, но не очень сильно, и безпокоилъ сухой кашель,—но онъ чувствовалъ, что вообще слабѣетъ и послѣ часа работы или послѣ ходьбы устаетъ, чувствовалъ какую-то тяжесть въ ногахъ и отсутствіе гибкости въ членахъ. Видно было, что послѣдствія прежней жизни начинаютъ сказываться и постепенно разрушаютъ его когда-то крѣпкій организмъ.

Но „графъ“, привязавшійся снова къ жизни съ тѣхъ поръ, какъ она ему улыбнулась, все надѣялся, что эта усталость и эта слабость пройдутъ. Онъ бодрился и съ какою-то инстинктивною предусмотрительностью заботился теперь о своемъ здоровьѣ и частенько показывался въ пріемные часы у женщины-врача Елизаветы Марковны, лѣчившей его отъ воспаленія легкихъ, совѣтовался съ ней, принималъ какія-то пилюли, остерегался простуды, словомъ, берегъ себя и подчасъ строилъ планы о будущемъ, о далекомъ будущемъ, вмѣстѣ съ Антошкой.

Когда Антошка ворвался въ комнату, графъ сразу догадался по его сіяющему лицу, что случилось что-то пріятное.

— Ну, разсказывай, разсказывай скорѣй, Антоша... Вижу, братъ, по твоей физіономіи, что ты въ восторгахъ. Что случилось? Новую машину выдумалъ, или тебя вашъ строгій чухна похвалилъ?—говорилъ „графъ“, самъ улыбаясь при видѣ неудержимой радости, которою, казалось, былъ переполненъ Антошка.

— Помощникомъ мастера назначили, Александръ Иванычъ,—почти крикнулъ Антошка.

„Графъ“, знавшій, благодаря Антошкѣ, всѣ іерархическія степени заводскихъ служащихъ, вполнѣ проникся важностью этого повышенія, и радостно проговорилъ:

— Ну, поздравляю тебя, Антоша, поздравляю тебя, родной... Годъ на заводѣ и уже помощникъ мастера... Это что-то необыкновенное... Иди, братъ, вымой скорѣй руки, чтобъ я ихъ пожалъ... Кстати, вотъ и Марѳа несетъ произведеніе Адели Карловны.

— И жалованье назначили, Александръ Иванычъ! Пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ!—почти выкрикнулъ Антошка, уходя за перегородку и принимаясь за мытье.

— Пятьдесятъ рублей!?—воскликнулъ „графъ“, не вѣря своимъ ушамъ.

— Пятьдесятъ!—повторилъ Антошка, отфыркиваясь.—Съ перваго числа. И обѣщали сдѣлать мастеромъ.

— Молодецъ, Антоша... Ты блистательно начинаешь свою карьеру... Въ восемнадцать лѣтъ и уже пятьдесятъ рублей... Да вѣдь это жалованье поручика... Ай да справедливый „печальный пасынокъ природы“!.. Ай да вашъ строгій Арнольдъ Оскаровичъ! Онъ, значитъ, оцѣнилъ тебя, понялъ, какой ты талантливый человѣкъ! — радостно говорилъ „графъ“.

И когда Антошка вышелъ изъ-за перегородки, графъ крѣпко пожалъ руку Антошки, потомъ привлекъ его къ себѣ, обнялъ и что-то долго не выпускалъ Антошку изъ своихъ объятій, желая скрыть радостныя слезы, которыя невольно застилали глаза.

— Ну, теперь садись и ѣшь... Подробности ве-

черомъ... Вѣдь вашъ шабашъ не дологъ. Такъ пятьдесятъ рублей, Антоша? И ты будешь мастеромъ? И, конечно, скоро... Однимъ словомъ, теперь ты на своихъ ногахъ... Я такъ и ждалъ... Ты и мальчишкой былъ всегда сообразительнымъ умницей... О ты, братъ, далеко пойдешь... Непремѣнно какую-нибудь машину да выдумаешь... Ѣшь, ѣшь... Вечеромъ разскажешь, какъ это случилось, и что тебѣ начальникъ мастерской говорилъ... Такъ съ перваго числа? Теперь, Антоша, ты богатъ и можешь завести и часы, и сшить себѣ новую пару, и пользоваться иногда развлеченіями...

Но вдругъ „графъ“ остановился, изумленный внезапной перемѣной лица Антошки. Куда дѣвалась сіявшая на немъ радость!

— Развѣ жалованье, которое я буду получать, мое, а не наше, Александръ Иванычъ?—взволнованнымъ и словно бы недоумѣвающимъ тономъ воскликнулъ Антошка, и лицо его приняло безконечно-грустное выраженіе обиженнаго ребенка. — Къ чему вы говорите о какихъ-то часахъ, о новой парѣ? Развѣ мы не будемъ оба жить на жалованье?.. Вы, значитъ, не хотите, чтобъ я могъ хоть чѣмъ-нибудь отплатить за все, что вы для меня сдѣлали... Я... я... жизнь... готовъ... отдать за васъ, а вы...

Антошка больше не могъ продолжать.

О, какія мгновенія безконечнаго счастья испытывалъ „графъ“, слушая эти порывистыя, прочувствованныя изліянія благороднаго сердца! Какимъ великимъ вознагражденіемъ за всѣ страданія горемычной его жизни была эта обида привязаннаго существа! И какъ хороша казалась жизнь! И какимъ тепломъ охватывало его душу!

Съ трудомъ удерживаясь отъ слезъ, подступавшихъ къ горлу, „графъ“ поглядѣлъ на Антошку съ восторженнымъ умиленіемъ и проговорилъ:

— Такъ вотъ отъ чего ты обидѣлся!? А я и не думалъ тебя обидѣть... Развѣ я не знаю, не чувствую твоей привязанности?

— Но вы говорили о часахъ... о платьѣ...

— Ну, говорилъ... Такъ вѣдь я получаю тридцать пять рублей отъ племянницы.

— Зачѣмъ ихъ получать? Теперь мы сами проживемъ безъ посторонней помощи!—не безъ горделиваго чувства произнесъ Антошка и, снова повеселѣвшій, поднялъ голову и смотрѣлъ на „графа“.— Еще какъ проживемъ-то! Это на первое время мнѣ дали пятьдесятъ, а черезъ годъ навѣрное дадутъ семьдесятъ пять... Я буду работать, стараться... Мы теперь ни отъ кого не будемъ зависѣть...

— „Мы“,—повторилъ „графъ“ и печально усмѣхнулся.—Что жъ, ты вѣдь правъ, мой милый, я съ бо́льшимъ удовольствіемъ буду жить на твой счетъ, чѣмъ на чей-нибудь другой... Корми же меня, ни къ чему негоднаго старика... Ты вѣдь единственный близкій мнѣ на свѣтѣ.

— А то какъ же!—радостно поддакнулъ Антошка.

— И умру на твоихъ рукахъ.

— До этого еще долго, Александръ Иванычъ. А главное: не трудите себя этой перепиской... Ну ее... Оставьте! Вамъ это вредно!

— Коли такъ приказываешь—оставлю!—шутливо говорилъ „графъ“.—Она, дѣйствительно, очень меня утомляетъ. Однако, что же ты не ѣшь котлетъ...

— Не хочется.

— И мнѣ не хочется... Вечеромъ поѣдимъ... Убирайте, Марѳа... Да скажите Адели Карловнѣ, что мы не ѣли ея котлетъ не потому, что онѣ дурны, а потому... потому, что мы съ Антошей очень счастливы. Понимаете?

Марѳа взглянула ошалѣлыми глазами на обоихъ жильцовъ и молча убрала со стола.

„Графъ“ закурилъ свою копѣечную сигару и заговорилъ:

— Ужасно сильно развито у тебя чувство благодарности, я тебѣ скажу, Антоша. Оно вообще рѣдко у людей... Ты помни это и никогда на него не разсчитывай. И ты преувеличиваешь это чувство по отношенію ко мнѣ...

— Почему это?

— А потому, что я и не знаю, кто кому больше обязанъ: ты мнѣ, или я тебѣ?

— Конечно, я... Не будь васъ, чѣмъ бы я былъ теперь... Ходилъ бы съ ларькомъ и терпѣлъ отъ дяденьки...

— А не явись ты ко мнѣ въ ту ночь, давно бы я умеръ гдѣ-нибудь на улицѣ пьяный... Да, Антоша. И не жалѣлъ бы жизни... А ты возродилъ меня... Ты снова заставилъ полюбить жизнь... И вотъ теперь я не одинъ, и я счастливъ, благодаря тебѣ... Ну, да что считаться. Но не забывай только одного, что обоихъ насъ выручилъ случай... Не будь этой доброй феи племянницы, не устроилось бы все такъ хорошо... Я ходилъ бы по вечерамъ на „работу“, выпрашивалъ бы гривенники, но на нихъ, братъ, ты знаешь, не составишь состоянія, и даже теплаго пальто не купишь. По всей вѣроятности, я слегъ бы въ больницу, и что бы тогда съ тобой сталось,

бѣдняга?.. Помнишь, ты хотѣлъ итти въ газетчики?

— И пошелъ бы... И мы съ вами не пропали бы!

— Я во всякомъ случаѣ бы пропалъ... Впрочемъ, къ чему вспоминать прошлое, когда настоящее намъ улыбается... Не будемъ, Антоша. А ты во всякомъ случаѣ какъ-нибудь сходи къ Нинѣ... Она обрадуется, когда узнаетъ о твоихъ успѣхахъ отъ тебя самого... И поблагодари ее... А ты ужъ бѣжишь на заводъ?

— Пора, Александръ Иванычъ.

— Ну, до свиданія. Вечеромъ поболтаемъ, ты мнѣ разскажешь, что тебѣ говорилъ твой начальникъ, какъ приняли твое повышеніе товарищи... Все, все разскажи... До свиданія... Смотри, у машинъ осторожнѣй... Ты вѣдь слишкомъ прыткій...

Когда Антошка вышелъ изъ комнаты, „графъ“ пересѣлъ въ кресло и впалъ въ то блаженное настроеніе, когда человѣку кажется, что счастью его не будетъ конца.

Съ этими мыслями онъ незамѣтно задремалъ.

Его въ послѣднее время часто клонило къ дремотѣ.

XXXVIII.

Тихій стукъ въ двери разбудилъ его.

— Войдите!—проговорилъ онъ, съ трудомъ поднимаясь съ кресла и напрасно стараясь принять бодрый видъ.

Колѣни его подгибались, и ноги стояли не твердо.

Вошла Нина.

— Какой счастливый вѣтеръ занесъ васъ ко мнѣ, Нина? — радостно привѣтствовалъ „графъ“, дѣлая нѣсколько шаговъ на встрѣчу къ племянницѣ.

Онъ поцѣловалъ Нину и, усадивъ на диванъ, тотчасъ же сталъ разсказывать о томъ, что Антоша только что получилъ мѣсто — онъ, конечно, объяснилъ, какое важное для начала—и ему назначили, восемнадцатилѣтнему мальчику, пятьдесятъ рублей жалованья.

— Вотъ какой онъ Антоша... О, онъ далеко пойдетъ... Это необыкновенно талантливый мальчикъ... И какое золотое сердце!

„Графъ“ передалъ „Нинѣ“ сцену за обѣдомъ и прибавилъ:

— Непремѣнно требуетъ, чтобъ я былъ его пансіонеромъ, и чтобъ никто больше не заботился обо мнѣ... Вы понимаете, Нина, я не смѣю отказать ему!—радостно говорилъ „графъ“.

— Еще бы... Иначе вы обидѣли бы его, дядя.

— То-то и есть. А развѣ я захочу обидѣть моего мальчика? Вотъ почему съ перваго ноября вы уже прекратите мнѣ выдачу пенсіи изъ вашего казначейства. Теперь мы богаты и счастливы, благодаря милой феѣ. Спасибо вамъ, Нина!

— Но развѣ, дядя, и мнѣ нельзя о васъ заботиться? Вѣдь эти деньги вамъ давно назначены. Позвольте попрежнему посылать вамъ.

Но „графъ“ протестовалъ. Никакъ нельзя. Антоша не позволитъ. И то четыре года они пользовались пенсіей. Теперь Нина можетъ быть доброй феей для кого-нибудь другого, мало-ли горемыкъ? Вѣдь Антоша получилъ 50 рублей на первое время, черезъ годъ онъ получитъ 75, а когда сдѣлаютъ мастеромъ онъ будетъ получать 150 рублей въ мѣсяцъ.

Нина глядѣла на это исхудавшее блѣдное лицо

дяди, озаренное счастливой улыбкой, на эту впалую грудь, и ей почему-то казалось, что онъ слишкомъ фамильярно обращается съ будущимъ.

— Ну, какъ хотите, дядя... Я рада за васъ и за Антошу... Вотъ только вы что-то похудѣли немножко съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла васъ въ послѣдній разъ... Здоровы ли вы?..

— Ничего себѣ, скриплю... Вотъ слабость сталъ чувствовать въ послѣднее время, но, надѣюсь, это пройдетъ .. Года все-таки свое берутъ, ну, и жизнь-то моя прежняя была не особенно правильная, совсѣмъ даже неправильная, Нина.

— Быть можетъ, хотите посовѣтоваться съ докторомъ, дядя? Я къ вамъ привезу спеціалиста.

— Спасибо, Ниночка, спасибо... У меня есть одна знакомая—докторша, славная барыня. Я съ ней совѣтуюсь и, по ея совѣту, ходилъ къ спеціалисту. Онъ говоритъ то же, что и докторша: надо беречься. Я и сдѣлался трусомъ... Забочусь о своей персонѣ, Нина, точно принцъ крови... Теперь, видите ли, мнѣ очень жить хочется... Хоть бы лѣтъ пять еще протянуть!—проговорилъ, улыбаясь, „графъ“.—Ну, а вы какъ поживаете, Нина? Здоровы, надѣюсь?

— Здорова.

— А объ остальномъ нечего и спрашивать... Живется хорошо, конечно?

Нина встрепенулась, точно раненая птица. Въ выраженіи ея лица и глазъ было что-то безконечно грустное.

— Не хорошо, дядя!—проронила она.

— Не хорошо? Отчего не хорошо? Что съ вами, голубушка?—съ нѣжнымъ любовнымъ участіемъ

спрашивалъ „графъ“, пораженный печальнымъ видомъ племянницы.—Вы молоды, хороши, имѣете средства, добры и отзывчивы, живете не праздно, какъ другія... У васъ образованный молодой мужъ, свѣтило науки, который, конечно, любитъ васъ и раздѣляетъ ваши взгляды...

Нина нѣсколько мгновеній молчала, и вдругъ слезы тихо закапали изъ ея глазъ.

— Нина! Простите... Я своими дурацкими вопросами только разстроилъ васъ,—извинялся „графъ“, цѣлуя маленькую блѣдную руку Нины.—Я принесу воды... успокойтесь.

И „графъ“ поднялся съ кресла.

— Не надо, сидите, дядя... Это сейчасъ пройдетъ. Я нарочно пріѣхала, чтобы разсказать вамъ все... все... Вы ничего не знаете... Я прежде о себѣ не разсказывала и рѣдко у васъ бывала... Я вѣдь совсѣмъ одинока, милый дядя!—говорила молодая женщина, когда нѣсколько успокоилась.

— Одиноки? А мужъ?—невольно воскликнулъ „графъ“.

Онъ видѣлъ его разъ или два.

Влюбленная и счастливая, вышедшая замужъ противъ воли отца за молодого профессора, далеко не родовитаго происхожденія, что, главнымъ образомъ, и смущало его превосходительство, Нина, два года тому назадъ, вскорѣ послѣ свадьбы пріѣзжала съ мужемъ къ дядѣ.

Онъ не понравился тогда „графу“, этотъ молодой, красивый и уже извѣстный ученый. Онъ показался слишкомъ ужъ кокетливымъ и въ манерахъ, и въ костюмѣ, слишкомъ рѣшительнымъ въ приговорахъ и влюбленнымъ въ себя. Несмотря на чрезвычайную

любезность профессора, отъ него вѣяло холодомъ.

— Я расхожусь съ мужемъ! — отвѣтила Нина.

И послѣ паузы спросила:

— Вы удивлены, дядя?

— Нисколько, Нина... Я всего насмотрѣлся на своемъ вѣку и мало чему удивляюсь... Признаюсь, вашъ мужъ мнѣ не нравился... Такъ, первое впечатлѣніе стараго бродяги... Но вы, Нина, кажется, его любили?

— Любила, но не знала его. Тогда онъ казался другимъ.

„Обыкновенная исторія“, подумалъ „графъ“ и проговорилъ:

— Бѣдная! Такая молодая—и такое разочарованіе!

— И не одно!—грустно проронила Нина...

„А впереди еще сколько!“—пронеслось въ головѣ у „графа“.

— Что же, онъ не любитъ васъ?

— Онъ никого не любитъ, кромѣ себя, и женился, разсчитывая на приданое... Я это хорошо знаю теперь, къ несчастью, слишкомъ хорошо, дядя... А тогда я увлеклась имъ... Среди мужчинъ, которыхъ я встрѣчала въ нашемъ обществѣ, онъ такъ выдавался... Вы вѣдь хорошо знаете это общество?

— Знавалъ, Нина...

— Я хотѣла уйти изъ него... Я чувствовала, что такъ жить, какъ я жила, невозможно... Меня угнетала эта безцѣльная, праздная жизнь... эти балы... эта безумная роскошь небольшого кружка въ то время, когда у десятковъ тысячъ нѣтъ куска хлѣба... Къ тому же и дома... Отецъ...

Нина на секунду остановилась, точно ей было

тяжело досказать то, что причиняло ей страданіе. Оно въ эту минуту выражалась въ чертахъ ея лица, во всей ея приникшей фигуркѣ.

— Я не смѣю осуждать отца,—произнесла она наконецъ упавшимъ голосомъ,—я все-таки люблю папу, и мнѣ жаль его, но я... я потеряла къ нему уваженіе. Вѣдь это ужасно, дядя. Не правда ли?.. Не уважать отца?..

„Графъ“ угрюмо молчалъ, опустивъ голову.

Что могъ и смѣлъ онъ сказать дочери человѣка, котораго давно считалъ подлецомъ. Чѣмъ могъ онъ утѣшить Нину?

И въ первый разъ, кажется, во всю его жизнь въ немъ пробудилось чувство состраданія и жалости къ брату. Не смотря на все свое богатство и важное положеніе, онъ несчастливъ. У брата нѣтъ такого преданнаго любящаго созданія, какое есть у него, у бывшаго отверженца.

— Я съ радостью приняла предложеніе,—продолжала молодая женщина,—я любила этого человѣка, я ждала новой дѣятельной жизни, новыхъ людей, и вмѣсто того нашла почти то же, что и въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ. Та же погоня за карьерой, за деньгами... То же равнодушіе къ вопросамъ, не имѣющимъ отношенія къ ихъ спеціальности, тѣ же интриги... И это ученые! Профессора!.. Мой мужъ оказался такимъ же... Разница въ нашихъ характерахъ, взглядахъ, мнѣніяхъ обнаружилась скоро и наконецъ дошла до того, что я просила развода.

— Онъ даетъ его?

— Охотно. Тѣмъ болѣе, что вѣдь женитьба не принесла ему ничего... Отецъ не далъ мнѣ приданаго... Онъ только сдѣлалъ тряпки и выдаетъ мнѣ

по двѣсти рублей въ мѣсяцъ. А мужъ разсчитывалъ не на это и недавно настаивалъ, чтобы я ѣхала къ отцу просила его дать мнѣ хоть половину обѣщаннаго состоянія теперь же... Это было уже слишкомъ!

— Изъ современныхъ раннихъ молодыхъ людей!— протянулъ „графъ“.—И, вѣрно, онъ все это объяснялъ по наукѣ?

— Вродѣ этого. О, говоритъ-то онъ краснорѣчиво и любитъ говорить... Но мнѣ его рѣчи кажутся бездушными... Прежде, когда онъ былъ женихомъ, онъ не то говорилъ, что теперь... И съ какой страстью! И какую разумную жизнь обѣщалъ... Все это была одна ложь. И какъ подумаешь, что этотъ человѣкъ профессоръ, поучаетъ другихъ, а самъ... О, какъ все это отвратительно, дядя!

— Хорошо еще, что вы не поздно узнали этого ученаго, и, смѣю думать, совсѣмъ разлюбили его. Не правда ли, Нина?—осторожно спросилъ „графъ“.

— Онъ мнѣ чужой совсѣмъ. Я къ нему равнодушна! — рѣшительно проговорила молодая женщина.

— Вотъ это отлично. Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, лишнихъ страданій.

— Они были, дядя. Вѣдь я его любила!

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

Высказавъ все, что мучило ее, Нина казалась покойнѣе.

— Что жъ вы намѣрены теперь дѣлать, Нина? Гдѣ будете жить? У своихъ?

— Папа былъ у меня и настоятельно звалъ къ себѣ, и мама тоже... Бѣдные! Они любятъ меня и въ отчаяніи, что у нихъ такая неудачная дочь. И

сдѣлала mesaliance, и разводится... Но, какъ мнѣ ни тяжело было огорчить ихъ, я отказалась. Опять вернуться къ этой жизни!?. Боже сохрани!.. Мнѣ опротивѣлъ Петербургъ.

„Графъ“ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на молодую женщину. Сколько характера и энергіи въ этомъ созданіи!

— Вы, значитъ, уѣзжаете?

— На дняхъ уѣзжаю, дядя. . До отъѣзда я еще буду у васъ...

— Спасибо, спасибо, милая... Вы не перестаете баловать меня... Надѣюсь, и вѣсточку о себѣ когда-нибудь дадите?.. Вы куда уѣзжаете?

— Далеко, дядя, въ Самарскую губернію.

— Къ кому?

— Къ тетѣ Танѣ, къ маминой сестрѣ. Она славная, добрая и простая такая, совсѣмъ не похожа на нашихъ дамъ. Зоветъ къ себѣ въ деревню .. Она постоянно тамъ живетъ послѣ смерти своего мужа и не скучаетъ... Она обѣщаетъ найти мнѣ дѣло въ деревнѣ, если только я не соскучусь по баламъ и у меня хватитъ терпѣнія быть полезной другимъ... Пишетъ, между прочимъ, что у нихъ въ уѣздѣ совсѣмъ нѣтъ школъ, и что надо ихъ устроить. Поживу тамъ и, если понравится, быть можетъ, и останусь тамъ... Сюда буду пріѣзжать чтобъ навѣстить своихъ, взглянуть на васъ, дядя, какъ вы живете со своимъ другомъ... А средства на устройство школъ у меня будутъ. Папа оставляетъ мнѣ мои двѣсти рублей въ мѣсяцъ. Видите ли, какая я богачка!—заключила Нина.

— Чудная вы!—умиленно воскликнулъ „графъ“.

И вслѣдъ за этимъ какъ-то особенно почтитель-

но поцѣловалъ руку Нины. Она горячо обняла старика и проговорила:

— Если я ужъ не совсѣмъ пустая, то я и вамъ обязана, дядя. Вы мнѣ на многое открыли глаза.

— Своему доброму сердцу обязаны, и никому болѣе!

Нина еще просидѣла нѣсколько времени у „графа“. Она строила планы будущей жизни, говорила, что ее манитъ деревня и что тамъ она надѣется совсѣмъ забыть о своихъ неудачахъ личной жизни, и вдругъ воскликнула, какъ бы озаренная внезапной мыслью:

— А знаете что, дядя?

— Что, Нина?

— Что бы и вамъ пріѣхать въ деревню? Тетя, навѣрное, будетъ рада. Тамъ вы скоро поправитесь и не будете чувствовать ни усталости, ни слабости. Хотите? Я напишу вамъ изъ деревни, и вы пріѣзжайте.

— А мой Антоша?

Нина виновато улыбнулась, взглядывая на мертвенно-блѣдное лицо съ заострившимся носомъ и обтянутыми щеками, и стала собираться, безконечно жалѣя дядю.

XXXIX.

Пришла весна.

„Графъ“ худѣлъ и слабѣлъ съ каждымъ днемъ въ теченіе зимы и теперь съ трудомъ могъ дѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Большую часть времени онъ сидѣлъ въ креслѣ, или лежалъ на постели.

Но онъ и думать не хотѣлъ, что дѣло его проиграно окончательно, и что смерть уже витаетъ надъ его изголовьемъ. Онъ, напротивъ, питалъ какую-то упорную надежду, что поправится, какъ толь-

ко наступятъ теплые вешніе дни, а тамъ и лѣто... Антошка обѣщалъ нанять на Петровскомъ островѣ маленькую дачу... Тамъ, на чистомъ воздухѣ, онъ окончательно выздоровѣетъ.

Даже зеркало, отражавшее лицо мертвеца, не колебало этой увѣренности. Не смущали его и исхудалыя ноги и руки, и выдающіяся на плоской груди ребра...

И онъ добросовѣстно глоталъ какія-то пилюли, принималъ микстуру и насильно, безъ всякаго аппетита, пилъ молоко и ѣлъ бульонъ и мясо.

Еще бы! Ему теперь такъ хотѣлось жить, этому горемычному бродягѣ, безконечно счастливому въ это послѣднее время, когда они жили съ Антошкой на свои кровныя денежки. И какъ же Антошка баловалъ его: и вино ему покупалъ, и недурныя сигары, и на газету для него подписался, и по вечерамъ, возвратившись изъ завода, читалъ ему или разсказывалъ про заводскія дѣла и новости.

Какъ же не хотѣть жить, когда на каждомъ шагу видишь трогательную преданность близкаго существа и самъ безконечно любишь его и радуешься его успѣхамъ. А Антошка рѣшительно преуспѣвалъ. За какую-то его выдумку („графъ“ при самомъ подробномъ объясненіи автора „выдумки“ не могъ понять, въ чемъ дѣло) ему выдали недавно триста рублей награды, и самъ директоръ завода призывалъ Антошку и хвалилъ его...

И нерѣдко „графъ“, замѣчая, что Антошка грустенъ, говорилъ ему, стараясь придать своему глухому голосу веселый тонъ:

— Ты что, голубчикъ, носъ опустилъ?.. Думаешь: я умирать собираюсь. Дудки, братецъ! Ополье-

вы живучи... Вотъ только тепло придетъ... Ты увидишь...

— И вовсе не думаю, Александръ Иванычъ... Еще какъ поправитесь... Вотъ какъ теплое воскресенье придетъ, поѣдемъ дачу нанимать... Деньги у насъ, слава Богу, есть...

И Антошка употреблялъ чрезвычайныя усилія, чтобы казаться веселымъ и не разрыдаться, слушая эти полныя надежды слова.

Ему сказали доктора, что дни „графа“ сочтены, да онъ и самъ видѣлъ это, и горю его не было границъ. Нерѣдко онъ выбѣгалъ изъ комнаты на лѣстницу и плакалъ, какъ ребенокъ. Нерѣдко во время работы на заводѣ онъ утиралъ навертывавшіяся слезы—вѣдь „графъ“ былъ у него единственный человѣкъ, котораго онъ любилъ. И вдругъ потерять его тогда, когда жизнь ихъ обоихъ такъ хорошо устроилась!

И Елизавета Марковна, и другой докторъ совѣтовали перевести больного въ больницу, но Антошка и слышать объ этомъ не хотѣлъ, зная, что „графъ“ ни за что не согласится. И кто же будетъ по ночамъ около него?..

Каждое утро Антошка уходилъ со страхомъ, что вернется домой и не застанетъ въ живыхъ „графа“, и каждое утро просилъ хозяйку дать знать на заводъ, если Александру Ивановичу будетъ плохо.

Не смотря на протесты „графа“, въ послѣдніе дни у него въ комнатѣ дежурила сидѣлка. Антошка настоялъ на этомъ, убѣдивъ „графа“, что это необходимо. По крайней мѣрѣ, она будетъ аккуратно слѣдить за пріемами лѣкарства.

„Графъ“ въ концѣ-концовъ покорно согласился и замѣтилъ:

— Пусть будетъ по твоему, а какъ потеплѣетъ, мы, братъ, сидѣлку спровадимъ... И то я тебѣ дорого стою... Слишкомъ ужъ ты балуешь меня, Антоша... Роскошествуешь ты очень...

— Что вы, Александръ Иванычъ... И вовсе у насъ немного выходитъ...

— Не бойсь, вижу... Вино-то одно чего стоитъ... Ну да, голубчикъ, скоро я тебя освобожу отъ этихъ расходовъ... Поправлюсь, и войдемъ въ бюджетъ...

Антошка отворачивался, чтобы скрыть слезы.

Въ этотъ вечеръ, когда Антошка вернулся съ завода, „графъ“ объявилъ, что чувствуетъ себя гораздо лучше, и вмѣстѣ съ Антошкой пилъ чай, сидя въ креслѣ. Онъ былъ особенно разговорчивъ и веселъ.

Напрасно Антошка останавливалъ его, объясняя, что ему вредно много говорить, „графъ“ не слушалъ и возбужденно порывисто заговорилъ:

— Да что ты, братецъ, точно меня умирающимъ считаешь?.. Я жить хочу и буду жить... Слышишь, Антоша!.. Милый, дорогой мой... Довольно я мыкался, терпѣлъ униженія, дѣлалъ подлости, пьянствовалъ... побирался... Я встрѣтилъ тебя, такого же горемыку, бѣднаго, брошеннаго... и твоя любовь привязала меня къ жизни и пробудила во мнѣ человѣка...

Онъ задыхался и все-таки продолжалъ, точно торопясь высказаться, глядя съ безконечною нѣжностью на Антошку:

— И теперь, когда я горжусь тобою, твоими успѣхами, когда я такъ привязался къ тебѣ, моему умному, славному мальчику, и вдругъ умереть... Нѣтъ... Я этого не желаю... Ты что же плачешь, мой милый... Зачѣмъ ты такъ смотришь?.. Или въ самомъ дѣлѣ...

Выраженіе ужаса вдругъ исказило черты „графа“. Онъ шевелилъ губами, и звука не было. Онъ какъ-то жалобно замычалъ, и безконечно грустными глазами, точно моля о помощи, глядѣлъ на Антошку.

— Это ничего... пройдетъ... докторъ говорилъ... ей-Богу, ничего, Александръ Иванычъ,—безумно выбрасывалъ слова Антошка, и припалъ къ холодѣющей рукѣ „графа“, орошая ее слезами.

— Сейчасъ бѣгу за докторомъ, Александръ Иванычъ.

„Графъ“ отрицательно помахалъ головой, не сводя тускнѣющаго взгляда съ Антошки.

— Ну, такъ пошлю...

И Антошка выбѣжалъ, чтобы распорядиться.

Когда онъ вернулся въ комнату, „графъ“ ужъ не дышалъ.

Черезъ три дня за скромнымъ гробомъ шли на Смоленское кладбище три человѣка: Антошка, бывшая квартирная хозяйка и прачка Анисья Ивановна и Нина. Она пріѣхала въ Петербургъ, получивъ отъ Антошки телеграмму о смерти дяди.

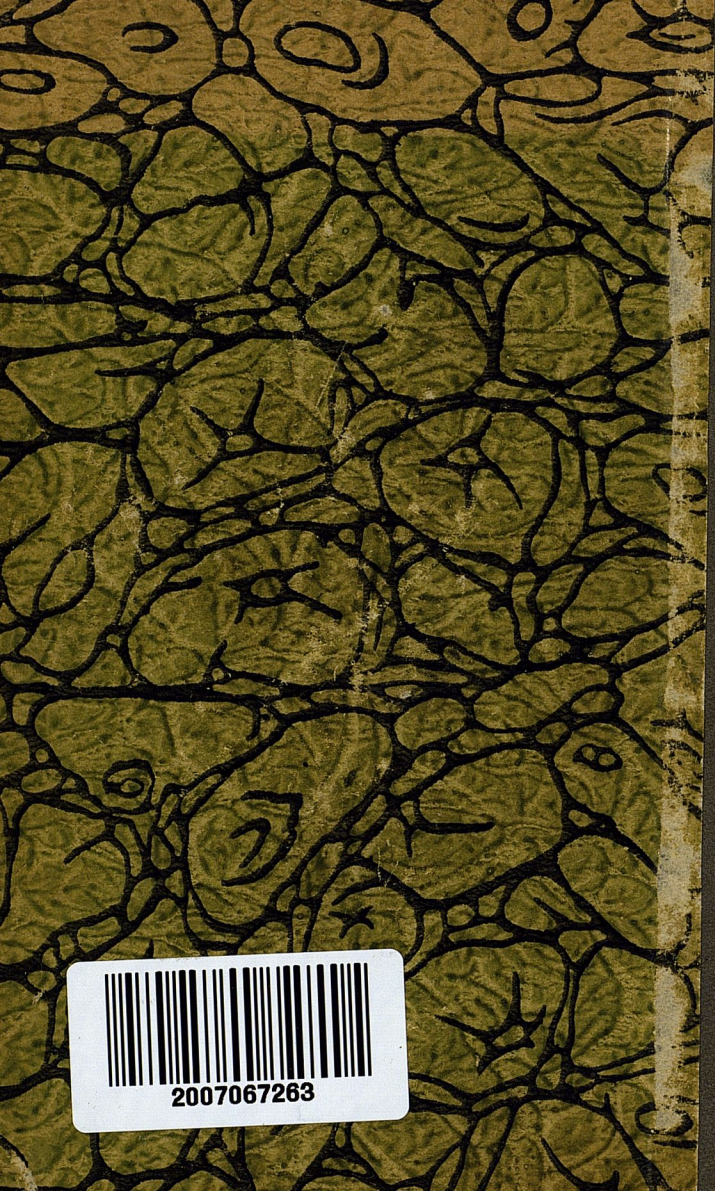
Другихъ родныхъ онъ не извѣстилъ.

Никто не говорилъ рѣчей на могилѣ „графа“. Только Антошка безутѣшно рыдалъ, и плакали Анисья Ивановна и Нина.

Возвращаясь съ кладбища работать на заводъ, Антошка еще сильнѣе почувствовалъ свое сиротство. Но, сознавая себя одинокимъ, онъ зналъ, что, благодаря покойнику, онъ бодро и стойко выдержитъ битву жизни... Она уже улыбалась ему, еще недавно несчастному нищенкѣ.

Въ то же лѣто на могилѣ „графа“ красовался красивый желѣзный памятникъ, весь сдѣланный руками Антошки.

Цѣна 1 р.


2007067263